

FANTASTIKKI ШЕДЕВРЫ FANTASTIKKI ШЕДЕВРЫ FANTAST

Майкл
МУРКОК

*Сага
о Рунном Посохе*

FANTASTIKKI ШЕДЕВРЫ FANTASTIKKI ШЕДЕВРЫ FANTAST

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Человек, который осмелится поклясться Рунным Посохом, тем самым неминуемо изменит свою собственную судьбу, равно как и судьбу своего мира. За всю историю Рунного Посоха таких клятв было немало, однако ни одна из них не принесла столько горя и бедствий, как страшная клятва мщения барона Мелиадуса Кройденского. Именно тогда Дориан Хоукмун, герцог Кельнский, оказался, втянут в опасное противостояние между силами Порядка и Хаоса, потерял любимую женщину, наследие предков, свободу.

Но в Мультивселенной Майкла Муркока, потерпев поражение в одном из миров, Вечный Герой способен победить в параллельном измерении, вернуть утраченное, обрести надежду.

- Майкл Муркок

- Часть первая

- ГЛАВА 1

- ГЛАВА 2

- ГЛАВА 3

- ГЛАВА 4

- ГЛАВА 5

- ГЛАВА 6

- ГЛАВА 7

- ГЛАВА 8

- Часть вторая

- ГЛАВА 1

- ГЛАВА 2

- ГЛАВА 3

- ГЛАВА 4

- ГЛАВА 5

- ГЛАВА 6

- ГЛАВА 7

- ГЛАВА 8

- ГЛАВА 9

- ГЛАВА 10

- ГЛАВА 11

- ГЛАВА 12

Майкл Муркок

Амулет безумного бога

«Как уже было поведано, Дориан Хоукмун, последний из правителей Кельна, сумел устоять перед Черным Камнем и дать отпор Гранбретаниш, отстояв город Хамадан. Обратив в бегство армию своего заклятого врага барона Мелиадуса, Хоукмун вновь отправился на запад, к осажденному Камаргу, где его ожидала невеста – дочь графа Брасса Иссельда. Вдвоем с неунывающим Оладаном, зверочеловеком с Булгарских гор, Хоукмун верхом двинулся из Персии к Кипрскому морю, в надежде сесть там на корабль, идущий в Камарг.

Однако они заплутали в Сирийской пустыне и, едва живые от усталости и жажды, свернули к зеленым холмам, на склонах коих мирно паслись овцы, – и наткнулись на развалины древнего Сориандума...

Тем временем, в Европе набирала мощь зловеющая Империя Мрака, а где-то в неведомых краях Рунный Посох источал свою силу, меняющую судьбы столь несхожих между собой людей...»

Из «Летописи Рунного
Посоха»

ГЛАВА 1

СОРИАНДУМ

Вековая пыль лежала на руинах города, на его выветрившихся камнях, осыпающейся кладке стен, на полуразвалившихся башнях. Трава пробивалась в щели меж растрескавшихся плит мостовой, и дикие овцы паслись прямо на улицах, а пестрые южные птицы свили гнезда в капителях колонн с осыпавшейся мозаикой. Город, некогда исполненный мощи и величия, ныне был тих и безмятежен.

Белесый утренний туман струился под ногами, ветер тоскливо завывал на пустынных улочках, и безмолвие нарушал лишь приглушенный стук копыт лошадей, которых всадники вели в поводу мимо покрытых патиной времени башен и развалившихся стен, заросших желтыми, алыми и лиловыми цветами.

Перед ними был Сориандум – город, покинутый жителями.

Путники и их кони, покрытые густым слоем пыли, походили на ожившие статуи, выкрашенные в бурый цвет. Они шли неторопливо, потрясенные красотой мертвого города.

Первый был строен и высок ростом. Он шагал хоть и усталой, но легкой походкой, выдававшей в нем закаленного в боях воина. Длинные волосы выгорели на солнце, а в светлых, словно выцветших, глазах таилось безумие. Однако более всего взгляды любого, кто посмотрел бы на этого человека, привлекал бы тусклый черный кристалл, что красовался у него во лбу прямо над переносицей. Это было дело рук ученых магов Гранбритании.

Имя этого несчастного было Дориан Хоукмун, герцог Кельнский. Властители Империи Мрака, замыслившие подчинить себе весь мир, лишили его унаследованных от отца земель, и Хоукмун поклялся отомстить гранбританцам – самому могущественному народу на истерзанной войнами планете.

Следом за ним брело существо с длинным луком и колчаном со стрелами за спиной. Из одежды на нем были только бриджи и высокие сапоги из мягкой кожи. Да и зачем ему одежда, если он с ног до головы зарос жесткой рыжей шерстью? Ростом Оладан, сын колдуна и великанши, был по плечо Хоукмуну.

Отряхнувшись от пыли и песка, Оладан сказал:

– В жизни не видел города прекраснее. Но почему он обезлюдел? Как могли жители покинуть столь чудесное место?

Хоукмун потер камень во лбу – как всегда, когда бывал озадачен.

– Может быть, заразная болезнь... Кто его знает. Будем надеяться, что зараза – если это она виновата – выкосила всех подчистую. Потом я поразмыслю над твоим вопросом, а сейчас мне слышится плеск воды. Вода, друг мой Оладан, это как раз то, что нам нужно в первую очередь. Во вторую очередь нам нужна еда, в третью – сон, а уж размышления – в четвертую...

На одной из площадей они обнаружили стелу из голубовато-серого камня с рельефным изображением пловцов. Из глаз каменной девы в небольшой бассейн под стелой струилась ключевая вода.

Утолив жажду, Хоукмун провел мокрыми ладонями по запыленному лицу и уступил место Оладану. Потом он напоил лошадей.

Достав из седельной сумки истрепанную карту, которую ему дали в Хамадане, он водил по ней пальцем, пока не наткнулся на слово «Сориандум». Вздохнув с облегчением, он улыбнулся:

– А мы не так уж сильно отклонились. Сразу за холмами течет Евфрат, а за ним, примерно в неделе пути – Тарабулас. Отдохнем здесь денек и двинемся дальше.

– А перед отъездом вам захочется осмотреть город, это как пить дать, – ухмыльнулся Оладан. Он побрызгал на грудь водой и поднял с земли лук и колчан. – Вы говорили, что во вторую очередь нам нужна еда. Я тут неподалеку приметил хорошего барана. Скоро вернусь. Сегодня на ужин у нас будет жареная баранина.

Он уселся в седло и направил коня к разрушенным городским воротам.

Не теряя времени даром, Хоукмун разделся и погрузил кисти в прохладную воду. Постанывая от удовольствия, он вымылся и достал из седельной сумки чистую одежду – шелковую рубашку, подаренную владычицей Хамадана Фроброй, и синие расклешенные бриджи из хлопка. Радуюсь возможности отдохнуть от доспехов из кожи и стали, которые он, опасаясь погони, носил даже в пустыне, Хоукмун оделся в чистое и обул легкие сандалии. Вряд ли преследователи сумеют добраться сюда, а сам город, похоже, не таит в себе опасности... Единственной уступкой недавним страхам был меч, оставшийся у Хоукмуна на бедре.

Расседлав коня, он улегся в тени полуразрушенной башни, привалившись лопатками и затылком к стене, и стал ждать Оладана с добычей. Миновал полдень. Вскоре Хоукмуна одолел сон, но через час тревога, не покидавшая его душу, разбудила его.

Куда запропастился Оладан? Много ли времени нужно меткому стрелку, чтобы убить одного-единственного дикого барана? Уж не попал ли карлик в беду? Но откуда здесь взяться

опасности? Может быть, Оладан убил барана, но ему не хватило сил взвалить добычу на коня, и он решил отдохнуть часок-другой?

«Нечего рассуждать, надо идти к нему на помощь», – решил Хоукмун.

Оседлав коня, он проехал по улицам, миновал пролом в окружавшей город стене и поднялся на холм. Конь будто обрел прежние силы, коснувшись копытами травы, и Хоукмун пустил его легким галопом.

Он догнал стадо овец, бредущее за крупным, упитанным вожаком – очевидно, тем самым бараном, о котором говорил Оладан. Но маленького горца поблизости не было.

– Оладан? – закричал Хоукмун, озираясь. – Оладан!

Но ответом ему было лишь слабое эхо.

Нахмурясь, Хоукмун прищпорил коня и направил его на соседний, более высокий холм, в надежде увидеть с вершины своего друга. Овцы бросились перед ним врассыпную; упругая трава заглушала топот копыт.

На вершине Хоукмун натянул поводья и огляделся, прикрыв ладонью глаза, но Оладана не увидел.

Обернувшись к городу, он уловил движение на восточной стороне площади, где бил ключ. На самом ли деле заметил он человека, прячущегося в тени домов, или это обман зрения? Если Оладан возвратился другой дорогой, почему он не ответил на зов Хоукмуна?

В душе всколыхнулся страх, но Хоукмуну по-прежнему не верилось, что в городе скрывается враг.

Он поворотил коня, спустился по склону, перемахнул через разрушенную до основания стену. Копыта глухо простучали по пыльным улицам. Выкрикивая имя друга, Хоукмун въехал на площадь. Но снова ему отвечало только эхо, и на площади он не встретил маленького горца.

Хоукмун сдвинул брови. Он чувствовал чужое присутствие в городе.

Он вновь развернул коня, как вдруг откуда-то сверху услышал слабый шум. Звук этот показался ему знакомым, и он поспешил задрать голову, окидывая взглядом небеса. Несколько мгновений спустя он отыскал глазами черную точку, и вскоре на солнце заблестел металл, и Хоукмун отчетливо расслышал шум огромных бронзовых крыльев и треск мотора. Сердце его утешенно забилося.

С небес прямо на него опускался орнитоптер, похожий на гигантского орла, покрашенного в синий, красный и зеленый цвета. Несомненно, машина эта принадлежала Империи Мрака.

Теперь он понимал, почему так и не дождался Оладана. Где-то в Сориандуме таятся воины империи. Вероятно, они узнали Оладана и поняли, что их злейший враг Хоукмун также находится где-то поблизости.

ГЛАВА 2

ГЬЮЛАМ Д'АВЕРК

Пока еще у Хоукмуна оставалась надежда, что его не заметили люди, сидящие в орнитоптере, и он поспешил укрыться в узком проулке.

Выходит, гранбретанцы следовали за ним по пятам, иначе как еще можно объяснить, что они пришли за ним сюда, в этот мертвый город посреди пустыни.

Хоукмун спешился и обнажил свой длинный меч. Без доспехов он чувствовал себя уязвимым и потому поспешил найти укрытие.

Орнитоптер завис прямо над башнями Сориандума. Должно быть, сейчас пилот пытается отыскать Хоукмуна, которому король-император Хеон поклялся отомстить за предательство. И пусть барон Мелиадус погиб под Хамаданом, но это не помешало королю послать за герцогом Кельнским еще кого-то из своих слуг.

Когда он покидал Хамадан, герцог Кельнский, конечно, понимал, что путь будет трудным и опасным, но не ожидал, что неприятности начнутся так скоро.

Он направился к полуразрушенному темному зданию. Переступив через порог, он оказался в прихожей со стенами, облицованными светлым камнем, изукрашенным резьбой, отчасти скрытым под мягким мхом и цветущим лишайником. С мечом в руке Хоукмун поднялся по скользким от мха ступенькам винтовой лестницы в тесную комнатку, освещенную солнечным лучом, падающим сквозь пролом в стене. Прижимаясь к камням, Хоукмун выглянул в пролом и увидел город и парящий над улицами орнитоптер, а в нем – пилота в маске Грифа. Пилот пристально смотрел вниз.

Неподалеку высилась башня из потускневшего зеленого гранита. Она стояла почти в центре Сориандума. Орнитоптер сделал над ней несколько кругов, и Хоукмун предположил, что пилот высматривает его за бойницами, но вскоре летательный аппарат опустился на плоскую, окруженную каменными зубцами крышу. Через отверстие в крыше навстречу пилоту выбралось несколько человек.

По тяжелым доспехам, длинным плащам и широким металлическим маскам – и это в такую-то жару! – Хоукмун узнал гранбретанцев. Но такова уж была извращенная натура этих людей, что ни при каких обстоятельствах они не расставались с тускло-желтыми масками, изображающими морды разъяренных

кабанов со сверкающими глазами из прозрачного камня и загнутыми костяными бивнями, торчащими из-под раздутых ноздрей. Видимо, с этими страшными украшениями на лицах подданные Империи Мрака чувствовали себя увереннее.

Своей свирепостью Орден Вепря, воинов которого Хоукмун видел пред собой, прославился на всю Европу. На крыше стояли семеро Вепрей – двое поддерживали под руки высокого, стройного человека в более изящной, чем у остальных, маске из золота и бронзы. Один из тех, кто его поддерживал, был приземист и грузен, зато другой – настоящий великан с обнаженными руками и ногами, покрытыми необычайно густыми и длинными волосами.

«Что это с ним? – удивился Хоукмун, глядя на человека в маске из золота и бронзы. – Болен или ранен?» Было нечто неестественное в том, как он опирался на руки своих помощников.

Хоукмун догадывался, кто он: изменник Гюлам д'Аверк. Когда-то этот француз был прославленным поэтом и архитектором, но задолго до нападения Гранбритании на его родину перешел под знамена короля-императора Хеона. Загадочный д'Аверк... и очень опасный, даром что прикидывается больным.

Предводитель Вепрей сказал несколько слов пилоту орнитоптера, и тот отрицательно покачал головой – по-видимому, он не обнаружил Хоукмуна. Зато он смог показать то место, где Хоукмун оставил коня. Д'Аверк – если это действительно был он – вяло махнул рукой одному из воинов. Тот исчез внизу и вскоре выволок рычащего, сопротивляющегося Оладана.

Хоукмун с облегчением наблюдал, как двое Вепрей тащат его друга к краю башни. Оладан жив – значит, есть надежда, что его удастся спасти.

Предводитель дал знак пилоту, и тот достал из кабины орнитоптера и передал воину-великану рупор в виде колокола. Великан приблизил рупор к прорези для рта в маске д'Аверка, и над безмятежным городом раскатился усталый, полный вселенской тоски голос:

– Герцог фон Кельн, мы взяли в плен твоего слугу и знаем, что ты в городе. Если до захода солнца ты не сдашься, твоему другу придется нелегко...

Теперь Хоукмун не сомневался, что человек под бронзово-золотой маской – д'Аверк. Да и с кем его можно спутать?

Великан вернул пилоту мегафон, затем он и его приземистый товарищ подвели хозяина к изъеденным временем каменным зубцам башни. Опершись на один из зубцов, д'Аверк застыл, глядя

вниз.

Хоукмун с трудом поборол желание броситься туда. Он мог бы, наверное, подняться на башню – надо только выскочить через пролом, добраться по крышам домов до каменной осыпи, и вскарабкаться по ней до самого парапета. Но ведь его заметят, едва он покинет укрытие. Лучше бы дожидаться темноты, но Оладана начнут пытаться засветло...

Не зная, что и делать, Хоукмун тер пальцем свое рабское клеймо – Черный Камень во лбу. Если он сдастся, его убьют на месте или отвезут в Гранбританию, а там его тоже ждет смерть, правда, ужасно медленная, мучительная смерть на глазах у глумливых садистов – властелинов Империи Мрака. Хоукмун подумал об Иссель-де, ждущей его в Камарге, о графе Брассе, которому он обещал помочь в борьбе с Гранбританией, и об Оладане, маленьком зверочеловеке, спасшем однажды ему жизнь. Неужели он способен отдать друга на растерзание? Неужели его остановит голос рассудка, твердящий, что для борьбы с Империей Мрака последний герцог Кельнский куда нужней, чем какой-то горец? Нет, в таких делах Хоукмун не прислушивался к голосу рассудка. Но что проку лезть в петлю, если, пленив его, предводитель Вепрей не пощадит Оладана?

Хоукмун закусил нижнюю губу и стиснул рукоять меча. Наконец он решил: встал в проломе и помахал блестящим мечом, держась одной рукой за стену. Д'Аверк медленно поднял голову.

– Прежде чем я поднимусь, ты должен отпустить Оладана, – крикнул Хоукмун. – Гранбританцы – лжецы, и я не поверю тебе на слово. Отпусти Оладана, и я сдамся без боя!

– Может быть, мы и лжецы, – апатично произнес Д'Аверк, – но не дураки. С какой стати я должен тебе верить?

– Я герцог Кельнский, – просто ответил Хоукмун. – В нашем роду не было лжецов.

Из-под кабаньей маски раздался язвительный смех:

– Герцог Кельнский, не суди по себе о сэре Гьюламе Д'Аверке – он не столь наивен. Предлагаю компромисс.

– Ну? – устало спросил Хоукмун.

– Подойди к башне на выстрел «огненного копья», и я отпущу твоего слугу. – Д'Аверк нарочито закашлялся и сгорбился над парапетом. – Что скажешь?

– Какой же это компромисс, если ты сможешь пристрелить нас обоих, ничем не рискуя?

– Дорогой мой герцог, королю-императору ты нужен живым. Не надо лукавить: тебе это прекрасно известно. Да и мне не все равно, чем меня наградят: титулом принца за целого и

невредимого Хоукмуна или, в лучшем случае, титулом барона – за мертвого. Разве тебе не говорили, что я дьявольски честолюбив?

Довод д'Аверка казался убедительным, но Хоукмун был наслышан о коварстве француза.

– Ладно, сэр Гьюлам, будь по-твоему, – сказал он со вздохом и присел, чтобы перепрыгнуть через узкую улочку на ближайшую крышу.

– Герцог Дориан, не надо! – закричал Оладан. – Пусть меня убьют! Моя жизнь ничего не стоит!

Спрыгнув на крышу дома, он упал на четвереньки. Ветхая кровля затрещала, но выдержала удар. Хоукмун выпрямился и осторожно двинулся к башне.

Оладан снова крикнул: «Не надо!» И попытался вырваться из рук дюжих воинов. Хоукмун шел вперед, не глядя на друга и словно забыв о мече, который он держал в руке.

Маленькому горцу удалось-таки вырваться. Он стрелой метнулся к противоположному краю крыши, следом с проклятиями помчались двое Вепрей. На краю Оладан задержался на мгновение, затем перепрыгнул через парапет.

У Хоукмуна застыла в жилах кровь. Несколько секунд он стоял, не в силах поверить в случившееся, стиснув рукоять меча и устремив пылающий взор на д'Аверка и его воинов.

Заметив, что «огнемёт» на носу орнитоптера поворачивается в его сторону, он пригнулся и бросился назад. Луч с громким шипением рассек воздух над его головой, обдав Хоукмуна жаром. Ухватившись за карниз, герцог Кельнский повис над улицей.

Висел он высоко, но, к счастью, чуть левее от него начинался ряд небольших барельефов, идущий наискось почти до мостовой. Но выдержит ли хрупкий камень человеческий вес?

Не раздумывая ни секунды, Хоукмун ухватился за ближайший барельеф. Камень крошился под пальцами и с треском выходил из стены, как гнилой зуб из десны. Хоукмун поспешил вцепиться в соседний барельеф. Он спускался, роняя каменное крошево, пока не решил, что может приземлиться, не сломав ног.

Он упал на четвереньки, вскочил и бросился бежать – но не в поисках укрытия, а к башне. Скорее наверх, отомстить за друга, погибшего по вине д'Аверка!

Он разыскал вход в башню и, перепрыгнув через порог, услышал клцанье металлических подковок по каменным ступеням. Хоукмун выбрал место на лестнице, где враги могли нападать только по одному.

Первым появился д'Аверк. Увидев Хоукмуна, он застыл на

месте. Рука в латной рукавице потянулась к рукояти длинного меча.

– Напрасно ты не воспользовался дурацким подвигом своего дружка, – с презрением сказал торгаш в маске Вепря. – Придется все-таки тебя убить...

Он согнулся в три погибели от кашля и привалился к стене, сделав вид, что совершенно обессилел.

– Мой дорогой герцог Дориан, я вынужден просить прощения... Проклятая хворь, всегда напоминает о себе в неподходящую минуту. – Он с усилием поднял руку и ткнул пальцем в невысокого, крепко сбитого воина, что поддерживал его на крыше.

– Экардо, окажи мне услугу...

Крепыш Экардо пружинисто шагнул вперед и вытащил из-за пояса боевой топор с короткой рукояткой. Другой рукой он обнажил меч.

– Спасибо, хозяин, – сказал он с довольным смешком. – Ну-ка, поглядим, как заплешет этот красавчик.

Он двинулся на Хоукмуна мягкой кошачьей поступью. Герцог Кельнский не шевелился, давая противнику возможность первым нанести удар.

Гранбретанец с диким воплем ринулся вперед. Лезвие топора со свистом рассекло воздух и зазвенело, встретив меч Хоукмуна. Ослабевший от голода и усталости, Хоукмун с трудом увернулся от короткого меча, ощутив прикосновение к бедру холодной стали, пропоровшей штанину.

Выскользнув из-под топора, его меч рубанул по маске, сломав бивень и оставив глубокую борозду. Экардо выругался и снова сделал выпад мечом, но Хоукмуну удалось схватить его за руку.

Прижав гранбретанца к стене, Хоукмун выкручивал ему руку, сжимавшую топор. Его собственный меч болтался на темляке. Едва не закричав от боли, когда-то пах вонзился стальной наколенник, Хоукмун рванулся назад, увлекая противника за собой по ступенькам, развернулся, толкнул что было сил... Не устояв на ногах, Экардо растянулся на каменных плитах. Удар был столь силен, что содрогнулись стены башни.

Хоукмун перевел взгляд с бесчувственного тела на д'Аверка:

– Ну как, сэр, вам еще не полегчало?

Тот поднял изящную маску, и Хоукмун увидел бледное лицо и бесцветные глаза тяжелого больного человека. Бескровные губы д'Аверка тронула улыбка.

– Я сделаю все, что смогу, сэр, – ответил француз.

Он стал спускаться по ступенькам. Вялости в движениях как не бывало – напротив, в них угадывались ловкость и собранность.

На сей раз поединок начал Хоукмун. Противник явно не ожидал выпада его меча, но все же успел парировать. За болезненной внешностью француза скрывалась превосходная подготовка.

Пожалуй, он не менее опасен, чем силач Экардо, подумал Хоукмун. А вдруг Экардо не убит, а только оглушен? Что, если он очнется до конца поединка?

Со стороны могло показаться, что между ним и д'Аверком нависло тускло-серое марево – так быстро мелькала в воздухе сталь.

Д'Аверк улыбался из-под маски, сдвинутой на темя; глаза светились радостью. Как будто он не сражался, а слушал волшебную музыку.

Слабея с каждой минутой, Хоукмун понимал – долго в таком темпе он не выдержит. Как ни искал он брешь в защите противника, тот казался неуязвим. Даже оступившись на выщербленной ступеньке, француз сумел отразить молниеносный удар и оцарапать Хоукмуну предплечье.

За спиной д'Аверка на узкой лестнице нетерпеливо топтались Вепри с обнаженными мечами.

Хоукмун быстро уставал. Вскоре он вынужден был перейти к защите, едва успевая отбивать смертоносную сталь, нацеленную то в его глаз, то в горло, то в грудь, то в живот. Он сделал один шаг назад, другой... и услышал позади себя стон. Экардо приходил в себя. Еще несколько минут – и Вепри расправятся со своим врагом.

Но неужели Хоукмун даст себя убить, не отомстив за верного Оладана? Он усилил натиск, и д'Аверк расплылся в улыбке, уверенный в своей скорой победе.

Забыв об Экардо, Хоукмун отпрыгнул и наткнулся спиной на чье-то плечо. Он резко повернулся, замахиваясь мечом... и едва не выронил его от неожиданности.

– Оладан!

Маленький человек занес меч Вепря над изуродованной маской.

– Да, я остался жив. Но почему – не спрашивай. Самому не верится.

Он с лязгом опустил меч на маску Экардо. Вепрь, успевший сесть, замертво растянулся на полу.

Больше друзьям не удалось и словом перекинуться. Хоукмун с трудом отразил очередной удар д'Аверка. Герцогу Кельнскому удалось-таки рубануть по наплечнику француза. Д'Аверк отскочил и поспешно опустил маску.

Внезапно Хоукмун понял, что лишился выгодной позиции

после того, как спустился с лестницы, но было уже слишком поздно. Несколько воинов успели проскочить мимо д'Аверка.

Хоукмун с Оладаном бросились к дверям, но это мало что могло им дать. Минут десять они яростно сражались, прикончили двоих и ранили троих гранбретанцев, но силы их были не безграничны...

Глаза Хоукмуна застилала кровавая пелена, и, с трудом удерживая в руке меч, он пытался увернуться от разъяренных Вепрей. Где-то неподалеку раздался торжествующий крик француза: «Взять живыми!», и горячая сила металла сбила его с ног.

ГЛАВА 3

НАРОД-ПРИЗРАК

Закованных в цепи пленников поволокли вниз по бесконечной лестнице, которая вела куда-то в темное подземелье на глубину не меньшую, чем высота самой башни.

Грубые руки стражников втокнули их в помещение, которое когда-то служило погребом, но теперь превратилось в темницу. Оба ничком повалились на холодные влажные каменные плиты и лежали так, пока кто-то не принялся пинать их в бок, заставляя перевернуться на спину. Разлепив веки, Хоукмун увидел над собой Экардо в помятой маске, который застыл над ними с факелом в руке.

Казалось, изувеченное кабанье рыло скалится в злобном восторге. Между Экардо и волосатым великаном, которого Хоукмун видел на башне, сгорбился д'Аверк; его шея была обмотана широким парчовым шарфом. Он опирался на руку гиганта.

Д'Аверк притворно закашлялся, затем улыбнулся, глядя на двух пленников:

– Боюсь, господа, вскоре мне придется вас покинуть. Воздух подземелья мне вреден, хотя таким здоровым молодым людям, как вы, он не страшен. Впрочем, надолго вы здесь не задержитесь, самое большее на сутки. Я вызвал большой орнитоптер, чтобы отвезти вас обоих на Сицилию – там стоят лагерем мои основные силы.

– Вы захватили Сицилию? – спросил Хоукмун бесстрастным тоном.

– Совершенно верно. Империя Мрака времени зря не теряет. Не считите за бахвальство, но я... – д'Аверк откашлялся в шарф... – я герой Сицилии. В том, что остров покорен так быстро, – моя заслуга. Но особо гордиться нечем, у Гранбритании способных полководцев предостаточно. В последние месяцы мы одержали немало славных побед в Европе... Да и на Востоке...

– Но Камарг все еще стоит, – перебил Хоукмун. – Наверное, это раздражает короля-императора?

– Долго Камарг не продержится, смею вас уверить, – бодро возразил д'Аверк. – Мы уделяем этой маленькой провинции особое внимание. Кто знает, может быть, городишко уже пал...

– Пока жив граф Брасс, этому не бывать, – улыбнулся Хоукмун.

– Кстати, о графе Брассе. Я слышал, что он тяжело ранен, а

его помощник, фон Виллах, погиб совсем недавно.

Хоукмун не знал, верить французу или нет. Новость ошеломила его, но он постарался этого не выдать. Неужели Камарг действительно вот-вот падет? Что тогда ждет Иссельду?

– Похоже, мои слова вас огорчили, – ухмыльнулся д'Аверк. – Успокойтесь, герцог. Когда Камарг сдастся, никто не будет обижен. Я попрошу эту провинцию в награду за поимку изменника Хоукмуна. А мои славные друзья, – он показал на Экардо и волосатого великана, – будут править в ней, если я заболую. Это очень достойные люди, я доверяю им все свои тайны и радости. Надо же как-то их отблагодарить. Наверное, я назначу Экардо управляющим, а Петера пожалую графским титулом.

Из-под маски великана донеслось урчание довольного зверя. Д'Аверк улыбнулся:

– С мозгами у Петера туго, зато силушки в избытке, а преданность свою он доказал. Пожалуй, он будет неплохой заменой графу Брассу.

Звеня цепями, Хоукмун гневно выкрикнул:

– Д'Аверк, ты хитрая bestия, но не дождешься от меня мольбы и слез. погоди, настанет день, когда мы поменяемся ролями!

– Боюсь, вы слишком оптимистичны, герцог. Ну, ладно, лежите, отдыхайте, наслаждайтесь покоем. В Гранбретании вам этого не позволят.

Усмехнувшись и отвесив поклон, д'Аверк удалился. Хоукмун и Оладан остались лежать во тьме.

– Ах, – услышал вскоре Хоукмун голос друга, – после того, что нынче со мной приключилось, трудно поверить, что я жив... Не знаю, наяву это все или во сне...

– Что с тобой произошло, Оладан? Почему ты не разбился насмерть, прыгнув с башни?

– Разбился бы непременно, не подхвати меня призраки...

– Призраки? Шутить?

– Ничуть. Из бойниц башни вылетели существа, похожие на призраков, подхватили меня и мягко опустили на землю. Они похожи на людей, но почти неосязаемы...

– Ты ушиб голову, когда упал, вот тебе и померещилось.

– Наверное, ты прав. – Оладан помолчал. – Но если так, то мне до сих пор мерещится. Посмотри налево.

Повернув голову, Хоукмун не удержался от возгласа изумления. Неподалеку стояла человеческая фигура. Но сквозь нее, как сквозь матовое стекло, с трудом можно было разглядеть стену.

– Классический призрак, – заключил Хоукмун. – Странно, что он нам обоим...

Его перебил тихий, мелодичный смех:

– Я не мерещусь вам, чужеземцы. Мы – такие же люди, как и вы. Просто мы, жители Сориандума, существуем в иной форме.

– Так вы не покинули город?! – воскликнул Оладан. – Но как вам удалось перейти в эту иную форму существования?

Призрак снова рассмеялся:

– Контроль над психикой, научный эксперимент, ну и знание природы времени и пространства. К сожалению, яснее не объяснить, так как для достижения своей цели нам, помимо всего прочего, пришлось создать совершенно новый язык. Многие в нашей жизни изменилось, но представления остались прежними, и не сомневайтесь: мы можем отличить друга от врага.

– У вас есть враги? – удивился Хоукмун.

– Да, но об этом позже. – Человек-призрак поплыл вперед и навис над Хоукмуном. Молодой герцог Кельнский ощутил необычное прикосновение и обнаружил, что висит в воздухе. Призрак, казавшийся неосязаемым, обладал сверхчеловеческой силой.

Из тьмы появились еще двое. Один поднял Оладана, другой простер руку над головой, и ладонь засияла – неярко, но вполне достаточно, чтобы осветить подземную тюрьму. Теперь Хоукмун мог как следует разглядеть незнакомцев: высокие, стройные, с красивыми худыми лицами и огромными глазами, которые казались незрячими.

Его предположение, что обитатели Сориандума способны проходить сквозь стены, не подтвердилось – они опустились сверху, проникнув в темницу через отверстие в стене под потолком. Когда-то через это отверстие, скатываясь по наклонному туннелю, в погреб попадали мешки с провизией.

Несомые призраками, Хоукмун и Оладан медленно поднимались по туннелю и наконец увидели впереди сияние луны и звезд.

– Куда мы летим? – шепотом спросил Хоукмун.

– Туда, где никто не помешает снять с вас цепи.

У выхода из туннеля они остановились. Призрак без ноши отправился разведать, нет ли поблизости гранбретанцев. Вскоре он вернулся и дал знак следовать за ним. Хоукмуна и Оладана перенесли над безмолвным городом к трехэтажному зданию, которое сохранилось гораздо лучше остальных.

Через широкое окно на втором этаже призраки внесли людей в дом. В комнате с голыми стенами Хоукмуна и Оладана бережно опустили на пол.

– Что это за дом? – спросил Оладан. Он все еще не доверял своим чувствам.

– Наше жилище, – ответил призрак. – Нас осталось совсем мало. Мы живем веками, но у нас нет детей. Мы очень многое потеряли.

Через двери в комнату влетело еще несколько призраков, среди них были женщины. Их обнаженные тела, словно слепленные из густого тумана, были прекрасны. По телам и лицам Хоукмун не решился бы судить о возрасте хозяев города. Однако пока он смотрел на них, его охватило необыкновенное чувство покоя.

Один из них принес инструмент величиной с указательный палец. Звенья цепи, на которые он направлял этот инструмент, с треском разлетались. Вскоре с Хоукмуна и Оладана спали оковы.

Хоукмун сел, разминая ноющие мышцы.

– Спасибо, – сказал он. – Вы нас избавили от незавидной участи.

– Всегда рады помочь, – сказал низенький призрак. – Меня зовут Ринал. Когда-то я был главой городского Совета. – Улыбаясь, он шагнул вперед. – Наверное, вам покажется странным, что и мы надеемся получить от вас помощь.

– Буду счастлив оказать вам любую услугу, – с готовностью ответил Хоукмун. – Говорите, не стесняйтесь.

– Нам тоже грозит опасность от чужеземных воинов в уродливых звериных масках, – сказал Ринал. – Они хотят сровнять Сориандум с землей.

– Сровнять с землей? Но зачем? Город и так лежит в руинах, а здешние края не нужны Империи Мрака.

– Ошибаетесь. Мы подслушали разговоры этих людей и знаем, что Сориандум им нужен. Они хотят построить здесь огромное хранилище для сотен и сотен летающих машин, чтобы нести смерть и порабощение соседним странам.

– Понятно, – пробормотал Хоукмун. – Вот, значит, почему здесь бывший архитектор Гьюлам д'Аверк. Разумно. Строительный материал под рукой – надо только разобрать город по камешку. Место безлюдное, кругом пустыня – соседние государства и не заметят, как у них под носом враги построят базу для орнитоптеров. А потом Империя Мрака нанесет им внезапный и сокрушительный удар. Надо остановить гранбретанцев, иначе они такого натворят...

– Иначе мы погибнем! – воскликнул Ринал. – Нам не жить без этого города. Мы – его душа. Если город разрушат, то и мы...

– Но как их остановить? – перебил Хоукмун. – И чем могу помочь я? Вы – ученые, у вас, наверное, есть хитроумные механизмы, а у меня что? Только меч, да и тот остался у д'Аверка.

– Вся беда в том, что мы не можем удалиться от города, –

сказал Ринал. – У нас было много надежных машин, но мы давным-давно спрятали их в катакомбах неподалеку от города. Сейчас нам нужна одна-единственная машина, но отправиться за ней некому. Эта задача по плечу только смертному. Возьметесь?

– Охотно, – ответил Хоукмун. – Объясните поточнее, как найти машину, и мы вам ее доставим. Только надо спешить, пока д'Аверк нас не хватился.

– Вы правы, медлить ни к чему, – согласился Ринал. – Но я обязан предупредить вас вот о чем. В ту пору, когда мы сочли нужным отказаться от машин, мы еще могли преодолевать небольшие расстояния. На всякий случай мы поставили в хранилище зверь-машину – жуткий механизм, способный отпугнуть любого постороннего. Но беда в том, что это металлическое страшилище не только пугает. Оно умеет убивать, и убьет любого человека не нашей расы, который отважится проникнуть на склад.

– Как же с ним совладать? – спросил Оладан.

– Я вижу только один способ, – вздохнув, сказал Ринал. – Надо сразиться со зверь-машинной. И уничтожить ее.

– Ясно, – улыбнулся Хоукмун. – Похоже, я попал из огня да в полымя.

Ринал протестующе поднял руку:

– Нет. Мы не настаиваем. Если считаете, что ваша жизнь слишком дорога, чтобы рисковать ею ради нас, – ступайте своей дорогой.

– Уехать, зная, что Сориандум будет разрушен, что ваша раса вымрет, а Империя Мрака zalьет кровью многострадальный Восток? Никогда! Моя жизнь принадлежит вам, и я сделаю все, что в моих силах, хотя, боюсь, без оружия от меня мало проку.

По мановению руки Ринала один призрак выплыл из комнаты и вскоре вернулся с иззубренным в битвах мечом Хоукмуна и оружием Оладана: луком, колчаном со стрелами и мечом.

– Выкрасть ваше оружие было проще простого, – улыбнулся Ринал. – Но у нас найдется кое-что еще. – Он вручил Хоукмуну крошечное устройство, разрушившее его оковы.

– Эта вещица способна сломать любой замок. Надо только нацелить ее. С ее помощью вы попадете в главное хранилище, где механический зверь стережет машины Сориандума.

– Но которая из этих машин вам нужна? – спросил Оладан.

– Она совсем небольшая, размером примерно с голову человека, и напоминает нечто вроде восьмигранного кристалла на подставке из оникса. Вам не составит труда узнать ее по радужной окраске. Там имеется два таких устройства. Если удастся, принесите мне оба.

– И как же они действуют? – любопытствовал Хоукмун.

– Вернетесь – увидите.

– Если, конечно, вернемся, – безрадостно констатировал Оладан.

ГЛАВА 4

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ

Немного подкрепившись вином и едой, которые призраки украли у воинов д'Аверка, Хоукмун с Оладаном принялись собираться в путь. Двое жителей Сориандума вынесли их за окно и бережно опустили на землю.

– Может быть, Рунный Посох защитит вас, – прошептал один из них на ухо Хоукмуну. – Я слышал, вы служите ему.

Хоукмун обернулся, чтобы спросить, кто говорит с ним, однако призраки уже исчезли. Герцог Кельнский нахмурился. Как-то раз ему уже доводилось слышать, будто он служит Рунному Посоху, но сам он придерживался иного мнения.

Пройдя несколько миль по холмам, Хоукмун остановился и завертел головой в поисках искомого ориентира – гигантской пирамиды из гранитных блоков, которую сложили несколько столетий назад предки нынешних жителей Сориандума. Вскоре он увидел ее. В лунном свете древний камень блестел как серебро.

– Теперь нам на север, – сказал молодой герцог. – Ищем холм, из которого брали этот гранит.

Через полчаса они отыскивали нужный холм, будто рассеченный огромным мечом какого-то великана. Но трава, которой зарос карьер, делала его похожим на обычный овраг.

По упругому дерну Хоукмун и Оладан подошли к зарослям кустарника на дне оврага. Раздвинув кусты, они обнаружили узкое отверстие потайного хода. Этот ход привел их в просторную пещеру. Оладан зажег принесенный с собою факел, и мерцающее пламя осветило большой зал с квадратным полом и сводчатым потолком – зал, безусловно, созданный человеческими руками.

Помня наставления Ринала, Хоукмун подошел к противоположной стене и отыскал на ней незнакомые письмена, а чуть ниже – крошечное отверстие.

Достав из-за пазухи маленький инструмент – подарок жителей Сориандума – Хоукмун направил его на отверстие. Нажав на рукоятку, он ощутил легкое покалывание в ладони. Скала перед ним задрожала, от сильного порыва невесть откуда взявшегося ветра заколебалось и едва не погасло пламя факела. Стена засветилась, стала прозрачной и вскоре исчезла, перейдя на время в иное измерение.

С мечами в руках Хоукмун и Оладан медленно двинулись по широкому туннелю, где от стен, как от расплавленного стекла,

исходило зеленоватое свечение.

Впереди стояла другая стена, с красным светящимся пятном посередине. Хоукмун прицелился в пятно, и снова – порыв ветра, на этот раз такой силы, что люди с трудом устояли на ногах. Стена засветилась – сначала молочно-белым, затем голубым – и пропала.

Они вошли в туннель, пронизанный голубыми лучами. И снова путь им преградила стена, на этот раз черная. Потом – туннель, выложенный желтыми каменными плитами, и белая стена, за которой находилось хранилище машин, а в нем – сторож-убийца.

Возле белой стены Хоукмун остановился.

– Надо действовать быстро и с умом, – сказал он Оладану. – Как только это создание услышит нас, оно включится...

Он замолк – из-за стены донеслось приглушенное лязганье и топот. Затем стена содрогнулась от удара чудовищной силы.

– Может быть, не следует спешить? – спросил Оладан, с опаской глядя на стену. – Что толку, если мы здесь погибнем?

Но Хоукмун уже сдвинул рукоятку инструмента, и в туннеле загудел холодный ветер. За стеной раздался жуткий вой, полный боли и изумления. Стена порозовела и пропала, явив Хоукмуну и Оладану зверь-машину.

Механическое чудовище не двигалось – по-видимому, его ошеломило внезапное исчезновение стены. Оно было огромно и все покрыто блестящей разноцветной чешуей; из спины торчали длинные шипы. Фигура механического зверя напоминала обезьяну: короткие задние лапы, длинные передние. Глаза – как у мухи, фасеточные, с радужным блеском, а в пасти полным-полно острых металлических зубов.

Позади механического зверя вдоль стен стояли машины. В центре хранилища Хоукмун заметил устройства, описанные Риналом. Он молча показал на них Оладану и бросился мимо чудовища в зал.

Уловив движение, зверь очнулся. Завывая и источая зловоние, он вразвалку двинулся следом за людьми. Краешком глаза Хоукмун заметил, что к нему тянется гигантская когтистая лапа. Он увернулся, опрокинув хрупкий механизм из стекла и металла.

Лапа мелькнула в дюйме от лица Хоукмуна. Зверь снова попытался схватить его, но герцог Кельнский успел отскочить.

Внезапно в морду зверя ударила стрела. Но наконечник даже не оцарапал желтых и черных чешуек. Заревев, механическое чудовище бросилось к Оладану. Тот не успел увернуться. Чудовище схватило его, оторвало от пола и подняло над

разинутой пастью.

Хоукмун закричал и ударил зверя мечом в низ живота. Тот фыркнул и отшвырнул пленника. Растянувшись на полу, Оладан не шевелился. «Оглушен? – мелькнула мысль у Хоукмуна. – Или убит?»

Зверь снова направился к Хоукмуну. Герцог отступал, пока не решился на тактический маневр: он пригнулся и неожиданно проскочил между ногами зверя. Когда тот, удивленный, начал поворачиваться, Хоукмун повторил свой трюк.

Металлическое чудовище злобно фыркало и размахивало лапами, хватая пустоту. Потом оно подпрыгнуло, с оглушительным лязгом приземлилось и погналось за Хоукмуном. Юркнув в тесный проход между машинами и стеной, герцог Кельнский подбирался к устройствам, за которыми пришел на склад, а зверь могучими лапами крушил механизмы у него за спиной.

Одна из машин была похожа на оружие. Хоукмун остановился возле колоколообразного раструба, торопливо потянул на себя рычаг, но машина отозвалась только тихим гулом.

А зверь уже навис над Хоукмуном.

Герцог Кельнский приготовился защищаться. Он решил метнуть меч зверю в глаз – Ринал говорил, что механического сторожа убить нельзя, а можно только ослепить.

Внезапно зверь пошатнулся и хрюкнул. Он стоял напротив раструба – видимо, машина испускала невидимый луч, воздействующий на механизм зверя. Хоукмун воспрянул духом, но ненадолго – зверь вскоре встряхнулся и медленно, неуверенно двинулся вперед. К нему постепенно возвращались силы.

Хоукмун понял: если он сейчас же не расправится с чудовищем, другой возможности не представится. Пока оно медленно поворачивало голову, герцог Кельнский подпрыгнул, обхватил его руками за короткую, толстую шею, вскарабкался по чешуйчатой броне и уселся на плечи. Заревев, чудовище подняло лапу. Не дожидаясь, пока зверь схватит его, Хоукмун наклонился вперед и рукояткой меча разбил оба глаза.

Завизжав, чудовище схватилось за глазницы. Молодой герцог воспользовался этим, чтобы прыгнуть и броситься к механизмам, за которыми его послали жители Сориандума. Он выдернул из-за пояса свернутый мешок и опустил в него оба устройства.

Зверь носился по залу, размахивая лапами, круша все вокруг. Ослепнув, он не утратил своей чудовищной силы.

Проскользнув мимо него, Хоукмун подбежал к Оладану, взвалил маленького горца на плечо и бросился к выходу. Механический зверь услышал его шаги и помчался вдогонку.

Хоукмун припустил что было сил. Сердце в груди билось так, что, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Он пронесся по туннелю, пересек пещеру и протиснулся в спасительный узкий лаз. Здесь механический сторож был ему не страшен.

Выбравшись из подземелья, Хоукмун набрал полную грудь свежего ночного воздуха и уложил Оладана на траву. Зверочеловек дышал ровно – ребра, по-видимому, были целы. Зато на его лбу багровел огромный синяк, и Хоукмун понял, почему его друг потерял сознание. Вскоре веки Оладана затрепетали. Тихо застонав, он открыл глаза.

– Оладан, ты цел? – с тревогой в голосе спросил Хоукмун.

– Цел, только... голова болит нестерпимо. Где мы?

– Мы в безопасности. Ты сможешь встать? Надо вернуться в Сориандум, пока не рассвело.

Кряхтя, Оладан поднялся на ноги. Из пещеры доносились приглушенный вой и топот металлических ног. Зверь-машина искала своих врагов.

– Мы в безопасности? – переспросил Оладан, показывая на склон позади Хоукмуна. – Надолго ли?

Хоукмун обернулся. Скалу обезобразила огромная трещина – механический зверь пытался выбраться наружу.

– Судя по всему, нам следует поторопиться, – подхватив мешок с добычей, Хоукмун торопливо двинулся в сторону Сориандума.

Не успели друзья пробежать и полмили, как скала позади раскололась с оглушительным грохотом, и жуткий вой разнесся над холмами.

– Едва ли ослепший зверь вздумает преследовать нас, – успокоил Оладана Хоукмун, – а в Сориандуме нам и вовсе нечего опасаться.

Тем не менее, они прибавили шаг и вскоре оказались на городской окраине.

Едва рассвело, Хоукмун с Оладаном добрались до здания, где обитали призраки.

ГЛАВА 5

ЗАГАДОЧНОЕ УСТРОЙСТВО

Трое призраков встретили их у самого дома и поспешили внести внутрь.

Багровый край солнца уже показался над горизонтом, и в его лучах, проникающих в окна, люди-призраки окончательно утратили свою телесность. Весь дрожа от нетерпения, Ринал вынул оба устройства из мешка и подлетел к окну, чтобы получше их рассмотреть.

– Замечательно! – произнес он негромко. – Вот теперь нам нечего опасаться чужеземцев в масках, ибо мы способны исчезнуть в любое мгновение.

– Но разве не сами вы говорили, что не в силах покинуть город? – удивился Оладан.

– Верно, однако эти устройства дадут нам возможность забрать город с собой.

Хоукмун не успел его ни о чем спросить – с улицы донеслись крики и топот. Он боком подкрался к окну и осторожно выглянул. Внизу стояли д'Аверк, оба его помощника и десятка два воинов, один из которых показывал на окна.

– Нас заметили! – хрипло произнес Хоукмун. – Надо бежать. Их слишком много.

Ринал нахмурился:

– Если мы включим машину, то спасемся, но вы снова попадете в плен. Не знаю, что и делать.

– Включайте. С д'Аверком мы как-нибудь справимся сами.

– Мы не можем бросить вас на произвол судьбы! Если бы не вы, нам...

– Включайте машину! – снова крикнул Хоукмун. Но Ринал бездействовал.

Под окном что-то негромко стукнуло в стену.

– Они ставят лестницы! Еще минута, и они будут здесь! Ринал, решайтесь!

– Решайся, Ринал! – тихо повторила женщина-призрак. – Если то, что мы слышали о герцоге, – правда, д'Аверк не причинит ему вреда. Во всяком случае, сейчас.

– О чем это вы? – подозрительно спросил Хоукмун. – Откуда вы знаете?

– У нас есть друг, который приносит нам новости о том, что происходит в мире, – ответила женщина. – Он тоже служит Рунному Посоху...

– Воин в доспехах из золота и черного янтаря? – перебил Хоукмун.

– Да. Он рассказывал о тебе...

– Герцог Дориан! – закричал Оладан, показывая на окно, за которым появилась голова в маске Вепря.

Выватив меч из ножен, Хоукмун бросился к окну и вонзил острое в щель между маской и латным воротником воина. Захлебываясь кровью, тот полетел вниз. Хоукмун попытался столкнуть лестницу, но ее крепко держали внизу. Второго воина, вскарабкавшегося наверх, Оладан оглушил ударом по голове, но тот повис, держась за перекладину. Хоукмун рубанул по пальцам в латных рукавицах, и Вепрь с воплем рухнул на землю.

– Включайте машину! – крикнул Хоукмун в отчаянии. – Долго нам не продержаться!

Сзади раздался мелодичный звон, и у герцога Кельнского закружилась голова. Но он все же сумел сразить еще одного Вепря.

Затем все кругом задрожало и окрасилось в алый цвет. Воины внизу завопили от удивления или, скорее, от страха. Багровые развалины дрожали – казалось, город вот-вот рассыпется в прах. Наконец машина умолкла, и Сориандум исчез. Хоукмун медленно полетел на восток. В ушах, слабея, звучал голос Ринала:

– Сориандум не достанется нашим врагам. Вы спасли нас от верной гибели, и за это мы дарим вам вторую машину. Она может переместить в иное пространство-время большую территорию.

Хоукмун опустился на каменистую землю, напоминавшую свежевспаханное поле. От города не осталось и следа. Где-то в стороне вопили гранбретанцы. Оглянувшись, Хоукмун увидел то, что их так испугало.

Над толпой латников высилась зверь-машина. Вокруг нее валялись раздавленные и растерзанные тела. Потрясая мечом, д'Аверк гнал своих солдат в бой.

Металлические шипы на спине зверя сотрясались от яростного рева, челюсти щелкали, а длинные когти вспарывали доспехи и рвали плоть.

– Зверь сделает все, что нужно, – сказал Хоукмун. – Смотри, Оладан, – наши кони!

Ярдах в трехстах стояли два напуганных скакуна. Через минуту Хоукмун и Оладан вскочили на них и помчались прочь от механического чудовища, терзавшего Вепрей д'Аверка.

Снова двое отважных путешественников ехали к морю. В седельной сумке Хоукмуна, бережно завернутый в лоскут материи, лежал подарок призраков.

По склонам холмов, покрытых жестким дерном, лошади шли

гораздо быстрее, чем по песку пустыни. Вскоре путники достигли широкой долины реки Евфрат.

На берегу они сделали привал. Это место не годилось для переправы – река здесь была широка, а течение – слишком сильное. Ближайший брод, отмеченный на карте Хоукмуна, находился в нескольких милях южнее.

Устремив неподвижный взгляд вдаль, Хоукмун сидел у реки, окрашенной закатным солнцем в алый цвет. Оладан, разжигавший костер, услышал его тяжкий вздох и поднял голову:

– Что тревожит тебя, герцог Дориан?

– Будущее, Оладан. Если д'Аверк не солгал, что Камарг осажден, фон Виллах убит, а граф Брасс ранен, то боюсь, барон Мелиадус успеет выполнить до нашего приезда свое обещание и оставит от Камарга только пепел и грязь.

– Рано горевать, герцог Дориан, – бодро сказал Оладан, – д'Аверк хотел отравить вам последние часы жизни. Камарг наверняка еще держится. Помните, вы мне рассказывали о мужестве и доблести его защитников? Я уверен, что они выстоят. Вот увидите...

– Увижу ли? – глядя на темнеющий вдали берег, спросил Хоукмун. – Увижу ли, Оладан? Я знаю: д'Аверк не лгал о других успехах гранбританцев. Если Сицилия пала, то они наверняка уже вторглись в Италию и Испанию. Ты понимаешь, что это значит?

– Признаюсь, я слаб в географии, – смущенно ответил Оладан.

– Это значит, что орды Империи Мрака перерезали все пути в Камарг. И на суше, и на море. Теперь мало добраться до моря и найти корабль – надо еще пройти по Сицилийскому каналу, а там, должно быть, полным-полно гранбританских судов.

– Если так, почему бы нам не выбрать другой путь? Например, тот, которым вы пробирались на Восток?

Хоукмун нахмурился:

– Тогда я большую часть пути летел. Если возвращаться этой дорогой, уйдет вдвое больше времени. Да и гранбританцы проникли в те края.

– Но земли, где они правят, можно обойти, – возразил Оладан. – На суше у нас будет хоть какой-то шанс, а в море мы обречены.

– Ты прав, – задумчиво произнес Хоукмун. – Но нам придется пересечь Турцию, а это займет несколько недель. Потом надо будет переплыть Черное море – я слышал, там еще нет кораблей Империи Мрака. – Он сверился с картой. – Да, через Черное море в Романию. Но чем ближе к Франции, тем опаснее будет наш путь. Там повсюду враги. И все же ты прав – если отправимся этой

дорогой, у нас будет больше шансов. Пожалуй, надо убить двух гранбретанцев и надеть их маски. У нас перед ними есть одно преимущество: мы можем по лицу узнать друга или врага, а они – нет. Эх, знать бы нам тайные языки разных орденов – тогда бы мы где угодно могли путешествовать в чужих доспехах и масках.

– Вы решили отправиться другим путем? – спросил Оладан.

– Да. Утром поедem на север.

Много долгих дней ехали они по берегу Евфрата и наконец пересекли сирийско-туркийскую границу и остановились в тихом городке Бирачеке.

Хозяин постоялого двора явно заподозрил в них слуг короля-императора и сказал, что свободных мест нет. Ткнув пальцем в Черный Камень, Хоукмун представился:

– Я – герцог Дориан, заклятый враг Гранбретании, последний из герцогов Кельнских. – Оказалось, что даже в этом провинциальном городке о нем знают – в тот же миг перед путниками гостеприимно распахнулась дверь.

Позже они сидели в трапезной и пили сладкое вино, беседуя с караванщиками, прибывшими незадолго до них. Караванщики были смуглые, с иссиня-черными шевелюрами и бородами, лоснящимися от масла. Одеждой им служили кожаные блузы, шерстяные килты ярких расцветок и шерстяные же накидки с узором из фиолетовых, красных и желтых геометрических фигур. Такие наряды, сказали они, носят только слуги Иенахана, богатого анкарского купца. Каждый из караванщиков был вооружен кривой саблей без ножен, но с богато украшенным эфесом и гравированным клинком.

Караван-баши Салим, человек с пронзительными голубыми глазами и похожим на ястребиный клюв носом, перегнувшись через стол, тихо спросил у Хоукмуна с Оладаном:

– Вы слышали, что в Истанбул прибыли посланцы Империи Мрака? Они подкупили алчного калифаи его приближенных, и те позволили расположиться в городе большому отряду воинов в масках.

Хоукмун отрицательно покачал головой:

– Я слабо представляю, что творится в мире. Но я верю тебе. В обычаях гранбретанцев сначала покупать за золото, а потом отбирать силой.

Салим кивнул:

– И мне так кажется. Думаете, северные волки точат зубы, чтобы напасть на Туркию?

– Не только на Туркию – на весь мир. Даже на Амарек. Они мечтают покорить даже те страны, которые существуют разве что в сказках. Они хотят завоевать Краснокитай – хотя эту страну

надо еще найти. Аравию и Восток они считают всего-навсего плацдармом.

– Но откуда им взять столько сил? – удивился Салим.

– Сил у них достаточно, – уверенно ответил Хоукмун. – Кроме того, они безумны – а безумие делает их свирепыми, коварными и изобретательными. Я бывал в Лондре – столице Гранбритании. Ее архитектура напоминает дурной сон. Я видел короля-императора в Тронной Сфере с белой, как молоко, жидкостью. Это дряхлый старик со звонким голосом юноши. Я видел лаборатории ученых-чародеев, подаривших ему бессмертие. Этим лабораториям нет числа, в них полным-полно необыкновенных машин. Сами ученые не знают всего, на что способны их машины. Я беседовал кое с кем из знати, и я знаю их желания – тебе, человеку со здоровым рассудком, даже не вообразить, насколько безумны подданные Империи Мрака. В них не осталось почти ничего человеческого, они равнодушны друг к другу и уж тем более к тем, кого считают «низшей расой» – то есть ко всем негранбританцам. Они завоевывают страну за страной, оставляя на своем пути распятия с трупами мужчин, женщин, детей и даже животных...

– Полно, герцог Дориан! Вы преувеличиваете. Пристально посмотрев Салиму в глаза, Хоукмун медленно, с нажимом произнес:

– Ошибаешься, торговец. Невозможно преувеличить зло, творимое гранбританцами.

Салим содрогнулся.

– Я... Я вам верю, – пробормотал он, помрачнев. – Правда, верить не хочется. Как же нашей маленькой Турции устоять против таких жестоких и могучих завоевателей?

Хоукмун тяжело вздохнул:

– Я могу посоветовать только одно: не продавайтесь гранбританцам, не пускайте их на вашу землю. Но убеждать вас в этом – напрасная трата слов. Люди жадны и не видят истины за блеском золота. Сопровитесь – вот что я бы вам посоветовал. Встречайте беду, как подобает людям чести – отважным, гордым и мудрым людям. Но и это не выход – тех, кто бросает вызов Империи Мрака, ждут пытки и казни. Их жены на глазах у них будут изнасилованы и растерзаны, а дети брошены в пламя, которое охватит целые города... Но вас ждет та же судьба, если вы не решитесь взять в руки оружие. Или хуже того – судьба рабов, готовых на любые подлости, лишь бы спасти свои шкуры. Я говорил о чести, и честь запрещает мне красивыми речами вдохновлять вас на благородную битву и героическую смерть. Я ненавижу гранбританцев и мечтаю всех их уничтожить; у меня есть могущественные союзники и удача, но все же я чувствую, что

рано или поздно король Хеон мне отомстит. Тем, у кого осталось мужество и кто готов бороться, я бы посоветовал применять хитрость. Хитрость, мой друг, – это единственное наше оружие.

– То есть делать вид, что ты на их стороне? – задумчиво спросил Салим.

– Да. Я так поступал и, как видишь, жив и пока на свободе.

– Я запомню ваши слова, герцог.

– Запомни и такие слова: решив сделать вид, что заключил сделку с совестью, ты уже заключил эту сделку. Нередко ложь становится правдой задолго до того, как ты это осознал.

Салим пригладил бороду.

– Я вас понял, – он окинул взглядом трапезную, освещенную факелами. Казалось, тени в углах таят опасность. – Хотелось бы знать, когда придет наша очередь... Ведь под ними, почитай, вся Европа...

– Ты слышал что-нибудь о провинции Камарг?

– Камарг? Да, слышал. Страна рогатых оборотней и могучих полулюдей, устоявшая против Империи Мрака. Ее властелин – Медный Граф, металлический великан...

Хоукмун улыбнулся:

– Почти все, что ты говоришь, – вымысел. Граф Брасс – человек из плоти и крови, а чудовищ в Камарге совсем немного. Правда, там есть болотные быки и рогатые лошади. А больше ты ничего не знаешь об этой провинции? Живы ли граф Брасс, его дочь Иссельда и его помощник фон Виллах?

– Говорят, граф и фон Виллах погибли. О девушке я ничего не слышал, но Камарг вроде бы устоял.

Хоукмун потер Черный Камень.

– Не могу поверить, что без графа Камарг способен выстоять. Твои сведения сомнительны.

– За что купил, за то и продаю, – с улыбкой сказал Салим. – Мы, торговцы, хорошо разбираемся только в местных делах, но о том, что творится на западе, знаем только понаслышке. Сами-то вы из Камарга?

– Да, это моя вторая родина, – хмуро кивнул Хоукмун. – Если только ее еще не уничтожили...

Оладан дружески приобнял его:

– Не стоит так огорчаться, герцог Дориан, вы же сами сказали, что эти вести едва ли могут быть правдивы. Не стоит падать духом. Сперва нужно добраться до Камарга.

Стараясь отвлечься от тоскливых мыслей, Хоукмун заказал еще вина, отварной баранины и свежего хлеба. Но как герцог ни старался приободриться, его не покидал страх за людей, которых он так любил, и за прекрасный болотистый край, который к этому

моменту, возможно, уже превратили в выжженную пустыню.

ГЛАВА 6

КОРАБЛЬ БЕЗУМНОГО БОГА

Хоукмун с Оладаном добрались до Анкары с караваном Салима, а оттуда направились в Зонгулдак, город на побережье Черного моря. Хозяин Салима очень помог путешественникам, снабдив их необходимыми бумагами и договорившись с капитаном корабля, который направлялся в Симферополь. «Улыбчивая дева» не вполне соответствовала своему прелестному названию. С нижних палуб несло гнилью, команда и капитан были скорее похожи на разбойников, а каюта, несмотря на отвратительный запах, царивший там, стоила слишком дорого. Однако это не могло смутить Хоукмуна с Оладаном, поскольку никакие другие суда не ходили из Зонгулдака к Крымскому побережью.

Правда, капитан Маусо – вислоусый толстяк с бегаящими глазками – не внушал доверия, равно как и его помощник, не выпускавший из волосатой лапы бутылку крепкого вина, но Хоукмун философски рассудил, что едва ли на такое корыто, как «Улыбчивая дева», польстятся пираты или гранбретанцы.

Незадолго до отплытия он и Оладан поднялись на борт.

Утром, в прилив, «Улыбчивая дева» отдала швартовы и медленно отошла от причала. Вскоре латанные-перелатанные паруса наполнились ветром, мачты угрожающе закрипели и корабль лениво двинулся под холодным, пасмурным небом в направлении норд-норд-ост.

Плотный туман приглушал звуки; вскоре в нем растаяли очертания пристани. Кутаясь в плащ, Хоукмун стоял на полубаке и смотрел на исчезающий вдали Зонгулдак.

На лицо герцога упали первые крупные капли дождя. Оладан поднялся на палубу и направился к другу, переступая через канаты:

– Герцог Дориан, я прибрался в каюте, как сумел. Но от вони не избавиться – она сквозь щели просачивается. И крыс вряд ли удастся разогнать – больно уж они наглые и жирные.

– Ничего, вытерпим, – уверенно сказал Хоукмун. – Бывало хуже. Да и плыть нам всего два дня. – Он посмотрел на помощника капитана, который, шатаясь, вышел из рулевой рубки. – Хотя, конечно, я бы предпочел, чтобы наши морские волки чуть серьезнее относились к своим обязанностям. Если капитан так и будет валяться на койке, а помощник пьянствовать, нам самим придется командовать на этой посудине.

Весь день убогий корабль как щепку носило по волнам. Ветер крепчал, угрожая превратиться в ураган. Время от времени капитан нетвердым шагом выходил на палубу и приказывал убрать один парус и поставить другой, подгоняя матросов пинками и проклятьями. Хоукмуну и Оладану его распоряжения казались совершенно бессмысленными.

Вечером Хоукмун поднялся к капитану на мостик.

– Добрый вечер, сударь, – вытирая рукавом длинный нос, приветствовал его Маусо. – Надеюсь, вас не слишком утомило путешествие?

– Благодарю, все в порядке. Много мы уже прошли?

– Порядочно, сударь. – Шкипер отвернулся, чтобы не смотреть Хоукмуну в глаза. – Хотите, я распоряжусь, чтобы вам приготовили ужин?

– Да.

На палубу из-под мостика вышел тихо напевающий помощник капитана. Он едва стоял на ногах.

Внезапно корабль накренился от сильного порыва ветра. Хоукмун вцепился в планшир, и леера затрещали под его весом. Капитан, похоже, не придавал значения тому, что его судно едва не опрокинулось, а помощник лежал ничком на палубе, выронив бутылку, и постепенно съезжал к штормовому портику.

– Надо бы ему помочь, – сказал Хоукмун. Маусо рассмеялся:

– Ничего с ним не случится. Пьяному море по колено.

Через минуту помощника прижало к фальшборту. Голова и плечи свесились над морем. Хоукмун бросился по трапу на палубу и оттащил бесчувственное тело от борта. И вовремя: корабль снова сильно накренился, и палубу лизнула соленая волна.

Хоукмун посмотрел на спасенного им человека. Помощник капитана лежал на спине, закрыв глаза, и шевелил губами, еле слышно напевая.

– Вы правы, капитан, – пьяному море по колено, – усмехнулся герцог Кельнский.

Внезапно за бортом, на гребне волны, что-то мелькнуло. Хоукмун выпрямился.

– Капитан, вы видели? – крикнул он, подходя к борту и всматриваясь в темные волны.

– Кажется, плот, – отозвался Маусо.

Через несколько мгновений Хоукмун снова увидел плот, на сей раз ближе. Он был совсем крошечным. На нем лежали трое людей.

– Похоже, они потерпели кораблекрушение, – небрежно заметил Маусо. – Бедняги. Впрочем, нас это не касается.

– Надо их спасти, – сказал Хоукмун.

– В сумерках-то? Ничего не выйдет. Только время зря потеряем. А мне надо успеть в Симферополь – забрать груз, пока меня кто-нибудь не опередил.

– Надо их спасти, – решительно повторил Хоукмун. – Оладан, веревку!

Зверочеловек поспешно притащил из рулевой рубки бухту каната. Плот был еще виден, люди лежали на нем ничком, вцепившись в выступы. Время от времени они исчезали за высоким валом воды, но появлялись снова. С каждым мгновением расстояние между плотом и кораблем увеличивалось.

Обвязав один конец каната вокруг мачты, а другой – вокруг талии, Хоукмун снял плащ и меч и бросился в море.

И тотчас осознал, какому риску он себя подверг. Плыть среди огромных волн было очень трудно. Любая из них могла ударить его о борт корабля, и, оглушенный, он сразу захлебнулся бы. Но он упорно боролся с волнами, не теряя из виду плот и стараясь, чтобы вода не попадала в рот и глаза. Трое несчастных увидели корабль и, вскочив, закричали и замахали руками. Плывущего к ним Хоукмуна они не замечали.

– Держитесь! – закричал Хоукмун. Собрав последние силы, он поплыл быстрее и вскоре добрался до плота, который швыряло как скорлупку.

Ухватившись за край, он увидел, что двое дерутся не на жизнь, а на смерть, а третий сидит и смотрит на них.

Еще Хоукмун увидел маски с кабаньими бивнями. На плоту находились гранбретанцы – воины Ордена Вепря.

В тот миг Хоукмун едва не поддался искушению бросить их на произвол судьбы. Но тотчас одумался – подобный поступок был бы достоин только гранбретанца. Сначала он должен их спасти, а уж потом решать, как с ними быть.

Он крикнул дерущимся: «Прекратите!», но его не слышали. Вепри кряхтели и ругались, пытаясь столкнуть друг друга с плота, и у Хоукмуна мелькнула мысль, что у них помутился рассудок.

Он попытался забраться на плот, но не смог – мешал канат. Сидящий поднял голову и небрежно помахал ему рукой.

– Помоги мне, – прохрипел Хоукмун. – Иначе я не смогу помочь тебе.

Человек встал и осторожно двинулся к нему, но вскоре наткнулся на дерущихся. Пожав плечами, он схватил их за шеи и, выждав, когда плот накренится, столкнул в море.

– Хоукмун, дружище! – раздался из-под маски Вепря знакомый голос. – До чего же я рад вас видеть! Вы просили помочь – и я помог, сбросил лишний груз...

Хоукмун попытался схватить одного из тонущих, но не дотянулся. Он завороченно смотрел, как Вепри, облаченные в тяжелые доспехи и маски, с кажущейся медлительностью исчезают под водой.

Потом он перевел взгляд на уцелевшего гранбританца, который протягивал ему руку.

– Д'Аверк, вы утопили своих друзей! Мне кажется, будет справедливо, если вы разделите их судьбу.

– Друзей? Что вы, мой дорогой герцог! Это всего-навсего слуги. – Плот подскочил на волне, и д'Аверк испуганно присел. – Они были верными слугами, но и занудами, каких поискать, – продолжал француз как ни в чем не бывало. – А занудства я не переношу. Позвольте, я помогу вам подняться. Мое суденышко невелико, но все же...

С помощью д'Аверка Хоукмун вскарабкался на плот. Повернувшись к кораблю, едва различимому в сумраке, он помахал рукой. Канат тотчас натянулся – значит, Оладан заметил сигнал.

– Это просто счастье, что вы проходили мимо, – хладнокровно заметил д'Аверк, когда плот медленно подтягивали к кораблю. – Я уж, признаться, считал себя покойником и простился с надеждой осуществить мои великие замыслы. И тут, откуда ни возьмись, наш благородный герцог Кельнский на своем замечательном корабле. Гора с горой не сходится, а человек...

– Вы правы, но если не прикусите язык, то отправитесь следом за верными слугами, или кто они вам, – прорычал Хоукмун. – Ну-ка, держите канат!

Плот погрузился в волну и ударился о полусгнивший борт «Улыбчивой девы». Сверху сбросили веревочный трап. Хоукмун поднялся по нему и перевалился через борт.

Пока он переводил дух, сидя на палубе, над фальшбортом появилась голова спасенного. Увидев ее, Оладан с проклятьем выхватил меч.

– Он наш пленник и нужен живым! – остановил Хоукмун друга. – Если мы попадем в ловушку, он нам очень пригодится.

– Как это мудро! – восхищенно сказал д'Аверк и закашлялся. – Прошу прощения – тяготы, выпавшие на мою долю, изнурили меня. Боюсь, сейчас вам от меня мало проку. Но если я переоденусь, выпью горячего грога и проведу ночь в постели...

– Скажите спасибо, что мы вам позволим гнить в трюме, – проворчал Хоукмун. – Оладан, отведи его в нашу каюту.

В крошечной каюте, в тусклом свете подвешенного к потолку фонаря, Хоукмун и Оладан смотрели, как д'Аверк снимает маску, доспехи и мокрое платье.

– Как вы оказались на плоту? – спросил Хоукмун, когда француз энергично растирался полотенцем.

Для него этот человек оставался загадкой. Его хладнокровие было достойно восхищения, и вообще д'Аверк вызывал у Хоукмуна симпатию – видимо, потому, что не скрывал честолюбивых замыслов, не желал оправдываться за свои преступления, даже за бессмысленное убийство слуг.

– О, это долгая история, мой дорогой друг. Оставив солдат разбираться со слепым чудовищем, которое вы на нас натравили, мы с Экардо и Петером удалились в горы. Вскоре прилетел орнитоптер – помните, я послал за ним, чтобы доставить вас к королю-императору, – и стал кружить над тем местом, где только что стоял Сориандум... Пилота явно удивило исчезновение целого города, да и нас, признаться, тоже... Надеюсь, когда-нибудь вы мне объясните, в чем тут дело. Так вот, мы сразу поняли, что попали в затруднительное положение... У вас найдется что-нибудь перекусить? – спросил вдруг француз.

– Кок готовит ужин, – ответил Оладан. – Продолжайте...

– ...Поскольку находились в пустынном краю, а лошадьми не располагали. Кроме того, мы не смогли взять вас в плен. К счастью, о том, что мы должны были это сделать, знал только пилот орнитоопера...

– И вы убили его? – спросил Хоукмун.

– Увы. Но это было необходимо. Потом мы забрались в машину в надежде добраться до ближайшего города.

– И не справились с управлением?

Д'Аверк улыбнулся:

– Вы угадали, герцог. Из меня неважный пилот. Я поднял машину в воздух, но вскоре эта шельма закапризничала и занесла нас... один Рунный Посох знает, куда. Признаюсь, я изрядно струхнул. Эта чертовка металась из стороны в сторону и в конце концов полетела вниз, и я с трудом посадил ее на песчаный берег реки. К счастью, мы отделались легкими ушибами. Потом Экардо и Петер закатили истерику, разругались друг с другом – в общем, забыли всякие приличия. Даже меня перестали слушаться. Но все же они помогли мне соорудить плот – мы решили спуститься по реке к ближайшему городу...

– Это тот самый плот, с которого я вас снял? – спросил Хоукмун.

– Совершенно верно.

– Как же вы попали в море?

– Отливы, мой дорогой друг, – небрежно махнув рукой, ответил д'Аверк. – Течения. Мне и невдомек было, что мы находимся возле самого устья реки. Нас подхватило сильное

течение и мигом вынесло в открытое море. На этом плоту... На этом проклятом плоту мы провели несколько дней, и все это время Петер и Экардо ныли, обвиняя друг друга в нашем бедственном положении, тогда как упрекать им следовало меня. О, я просто не нахожу слов, насколько тяжелым было это испытание.

– И поделом вам! – проворчал Хоукмун.

Раздался стук в дверь. Оладан впустил в каюту неряшливого кока с подносом, на котором стояли три миски с подозрительно пахнущим серым тушеным мясом.

Хоукмун забрал у него поднос и дал д'Аверку миску и ложку. После недолгих колебаний француз набил мясом рот. Съев все до последней крошки, он поставил миску на поднос и сказал:

– Восхитительно. Для корабельной кухни совсем неплохо.

Хоукмун, которого от этой стряпни затошнило, протянул французу свою миску, и Оладан последовал его примеру. Но д'Аверк вежливо отказался:

– Благодарю вас. Во всем надо знать меру.

Хоукмун незаметно улыбнулся, снова восхитившись его хладнокровием. Только острый голод мог заставить д'Аверка есть такую гадость, но при этом француз ухитрился не потерять достоинства.

Д'Аверк потянулся, напряжив мускулы, совершенно не соответствовавшие его показной немощи.

– Господа, прошу меня простить, – зевая, сказал он. – Мне необходимо выпасться.

– Могу предложить вам свою постель, – Хоукмун показал на узкую койку, не упомянув, что в ней гнездятся полчища клопов. – А я одолжу гамак у капитана.

– Огромное вам спасибо, – сказал д'Аверк, и Хоукмун удивился серьезности его тона.

– За что?

Д'Аверк закашлялся, а потом поднял глаза и произнес прежним насмешливым тоном:

– Как за что, мой дорогой герцог? За то, что спасли мне жизнь. К утру шторм утих. Море еще волновалось, но намного меньше, чем накануне.

Хоукмун и д'Аверк встретились на палубе. Француз вышел из каюты в куртке и зеленых бархатных бриджах, но без доспехов. Он поклонился Хоукмуну.

– Как спалось? – поинтересовался герцог Кельнский.

– Превосходно, – усмехнулся д'Аверк, и Хоукмун понял, что ему здорово досталось от клопов.

– Вечером будем в порту, – сказал Хоукмун. – Вы – мой

пленник или заложник, если вам больше нравится это слово.

– Заложник? Думаете, Империи Мрака безразлично, жив я или мертв?

– Увидим, – Хоукмун потер Черный Камень. – Но предупреждаю: если попытаетесь бежать, я вас убью. Убью, глазом не моргнув, – так же, как вы прикончили своих людей.

Д'Аверк откашлялся в носовой платок и напыщенно произнес:

– Я обязан вам жизнью, и она принадлежит вам. Можете забрать ее, когда пожелаете.

Хоукмун нахмурился. Д'Аверк был слишком хитер, и герцог подумал, что напрасно спас его.хлопот с ним, похоже, не оберешься, а будет ли выгода – еще не известно.

К ним подбежал встревоженный Оладан.

– Герцог Дориан! – Тяжело дыша после бега, он протянул руку. – Парус! Двигается нам навстречу!

– Ну и что с того? – улыбнулся Хоукмун. – Для пиратов мы – не добыча.

Но через несколько секунд он заметил волнение среди экипажа и схватил за руку ковылявшего мимо капитана.

– В чем дело, капитан Маусо?

– Беда, сударь! – прохрипел шкипер. – Большая беда. Разве вы не видите парус?

Хоукмун всмотрелся в очертания чужого корабля. Он заметил эмблему на черном парусе, но разглядеть ее не смог.

– Не станут они с нами связываться, – сказал он. – Вы говорили, на борту нет груза. Зачем им рисковать ради пустого корыта?

– Им все равно, есть у нас груз или нет. Они, как киты-убийцы, нападают на всех без разбору. Им бы только кровушку пустить, а грабеж – дело десятое...

– Кто они? – спросил д'Аверк. – Похоже, это не гранбретанцы.

– Как раз гранбретанцы-то и не тронули бы нас, – с дрожью в голосе произнес Маусо. – Это московиты из секты Безумного Бога. Они уже несколько месяцев рыскают в этих водах, наводя на всех ужас.

– Они определенно собираются напасть, – без тени страха в голосе заметил д'Аверк. – Герцог Дориан, с вашего позволения я спущусь за своим оружием и доспехами.

– Я тоже возьму оружие, – сказал Оладан. – И вам принесу меч.

– Драться бесполезно! – выкрикнул помощник капитана, размахивая бутылкой. – Лучше сразу броситься в море.

– Он прав, – кивнул капитан Маусо, провожая взглядом д'Аверка и Оладана. – Их слишком много. Нас разорвут на куски,

а если захватят в плен, будут долго пытаться.

Хоукмун обернулся на всплеск. Помощник капитана исчез – видимо, у этого человека слово не расходилось с делом. Герцог Кельнский бросился к борту и всмотрелся в темную воду, но ничего не увидел.

– Он поступил мудро, – вздохнул шкипер. – Не пытайтесь его спасти, лучше прыгайте следом.

Корабль москвитов быстро приближался к «Улыбчивой деве». На его черном парусе алели два огромных распахнутых крыла и между ними – звериная морда с разинутой в диком беззвучном хохоте пастью. На людях, толпившихся на палубе, не было ничего, кроме поясов и металлических ошейников. Над водой разносились странные звуки. Хоукмун разобрал их не сразу – лишь посмотрев еще раз на парус, он понял, что слышит безумный хохот. словно грешники в аду пришли в неопишное веселье...

– Это корабль Безумного Бога, – глухо произнес капитан Маусо, и на его глазах выступили слезы. – Мы пропали!

ГЛАВА 7

УКРАДЕННОЕ КОЛЬЦО

Уверенно глядя вперед, Хоукмун с Оладаном и д'Аверком стали у борта плечом к плечу. На корме теснилась охваченная паникой команда «Улыбчивой девы».

Чужой корабль стремительно приближался. Глядя на искаженные безумием глаза обнаженных моряков, Хоукмун невольно подумал, что им едва ли удастся одолеть эту дикую орду.

Вот уже абордажные крючья вонзились в прогнивший борт «Улыбчивой девы». Трое защитников судна бросились рубить канаты.

– Заставьте людей подняться на мачты! – крикнул Хоукмун капитану. – Разверните корабль!

Перепуганные матросы не шевелились.

– Наверху безопаснее! – бросил Хоукмун. Матросы полезли на ванты, но к парусам не прикасались.

Уговаривать их не было времени – через борт вражеского корабля уже лезли, оглушительно хохоча, сумасшедшие матросы.

Один из них прыгнул на Хоукмуна, занес над головой герцога клинок – и встретил грудью острие меча. Но еще до того, как труп упал в узкую щель между кораблями, на палубу «Улыбчивой девы» посыпались обнаженные тела. Воины, как обезьяны, перепрыгивали с палубы на палубу, перелезали по абордажным канатам, перелетали на свисающих с мачты веревках.

Трое защитников торгового корабля кололи и рубили, и вскоре все вокруг казалось им кроваво-красным. Но московиты только усиливали натиск, оттесняя противников от борта. Они сражались неумело, но отчаянно, не щадя своей жизни.

Вскоре Хоукмун потерял д'Аверка с Оладаном из виду. Он не знал, живы они или убиты, но крепко сжимал меч, раз за разом описывая им длинную смертоносную дугу. Герцог был с ног до головы залит кровью; только голубые глаза сверкали из-под забрала.

Адский смех не утихал ни на минуту. Даже погибая, нагие воины хохотали. Беззвучно смеялись их головы, слетая с плеч.

Хоукмун понимал, что рано или поздно он не выдержит такого напора. У него дрожали колени, меч казался свинцовым. Прижавшись спиной к стене надстройки, он снова и снова останавливал живые, оцетинившиеся саблями волны, которым, казалось, не будет конца.

Удар – и падает обезглавленное тело. Удар – и отлетает отрубленная конечность. Но с каждым взмахом меча силы Хоукмуна таяли.

Отражая два удара, направленные на него одновременно, он упал на колени, и люди Безумного Бога захохотали громче. Торжествуя, они бросились вперед, спеша прикончить ослабшего противника.

Собрав последние силы, Хоукмун рванулся, схватил и выкрутил запястье одного из нападающих, заставив его выпустить саблю. Теперь у него было два клинка; чужим он колол, а своим рубил. Расшвыряв врагов, он поднялся на ноги, отбросил кого-то пинком ноги и быстро сбежал по трапу на мостик. Это дало ему преимущество перед безумцами, которые карабкались по ступенькам следом за ним.

Он увидел на вантах Оладана и д'Аверка – им пока удавалось сдерживать натиск московитов. Он посмотрел на корабль Безумного Бога. Его еще соединяли с «Улыбчивой девой» абордажные канаты, но на палубе не было никого – все матросы перебрались на торговое судно. В мозгу у Хоукмуна забрезжила спасительная идея.

Он круто повернулся, бросился к противоположному краю мостика и, перегнувшись через леерное ограждение, схватил свисающий с салинга канат.

– Оладан! Д'Аверк! – закричал он. – Делайте как я!

Увидев его, д'Аверк и Оладан забрались на нок-рею и осторожно двинулись к ее краю. Воины Безумного Бога ринулись вверх, густо облепив ванты.

Тем временем щель между бортами кораблей стала увеличиваться.

Д'Аверк прыгнул первым и угодил в путаницу оснастки под черным парусом. Ухватившись одной рукой за канат, он раскачивался над палубой, рискуя сорваться и разбиться насмерть.

Оладан не прыгнул, а, последовав примеру Хоукмуна, перелетел на свисающем с мачты канате. Но силы оставили его: выпустив канат из рук, он растянулся на палубе и остался лежать неподвижно.

Несколько хохочущих безумцев помчались вдогонку за врагами, и некоторым из них удалось перебраться на палубу своего корабля. Они дружно набросились на Хоукмуна, по-видимому, сочтя Оладана мертвым.

Герцог Кельнский едва успевал отражать сыплющиеся градом удары. Вскоре лезвие сабли рассекло ему руку, другая сабля сквозь прорезь в забрале ужалела в лицо. Но неожиданно он

получил помощь: кто-то прыгнул с мачты в гущу обнаженных маньяков, хохоча так же безумно, как и они.

Это был д'Аверк в маске Вепря и доспехах, забрызганных вражеской кровью. А с тыла на воинов Безумного Бога с боевым кличем горцев обрушился Оладан.

Через несколько минут на палубе не осталось живых московитов. Последние безумцы со смехом падали в воду с «Улыбчивой девы» и пытались вплавь добраться до своего корабля.

Хоукмун посмотрел на торговое судно. Большая часть экипажа каким-то чудом уцелела – в последний момент матросы залезли на бизань-мачту.

д'Аверк бросился к штурвалу. Корабль Безумного Бога стал разворачиваться, обрывая абордажные канаты и удаляясь от барахтающихся в воде московитов.

– Отлично, – сказал Оладан, тяжело дыша. Сунув меч в ножны, он осмотрел свои раны. – Похоже, мы легко отделались. К тому же добыли неплохой корабль.

д'Аверк умело разворачивал судно, направляя его бушпритом на север. Вскоре черный парус наполнился ветром, и корабль понесся по волнам, оставив за кормой плывущих безумцев. Даже захлебываясь и уходя на дно, они продолжали хохотать.

Хоукмун и Оладан помогли д'Аверку закрепить штурвал и занялись осмотром судна. Трюмы его ломились от сокровищ, награбленных, по-видимому, на десятках мирных кораблей. Но кроме сокровищ, там хватало всякого хлама: сломанное оружие, негодные плотницкие инструменты, рваное тряпье. Там и сям валялись полуразложившиеся трупы, некоторые – с отрубленными конечностями.

Новые владельцы корабля решили первым делом избавиться от трупов. Завернутые в тряпье, мертвецы летели за борт; туда же отправлялись узелки с конечностями. Эта неприятная процедура заняла много времени, потому что некоторых покойников приходилось выкапывать из-под беспорядочно сваленных в трюмы вещей.

Внезапно Оладан застыл на месте, устремив взгляд на мумифицированную кисть человеческой руки. Нерешительно подняв ее, он рассмотрел кольцо на мизинце и позвал Хоукмуна:

– Герцог Дориан!

– Что это? Не надо снимать. Выброси.

– Нет, вы посмотрите, какой странный узор... Хоукмун неохотно подошел – и закричал, узнав кольцо:

– Нет! Не может быть!

Кольцо принадлежало Иссельде. Граф Брасс надел его на

палец дочери в день ее помолвки с Хоукмуном.

Потрясенный, Хоукмун взял у маленького горца высохшую кисть.

– Что это? – прошептал Оладан. – Что вас так испугало?

– Это ее рука. Иссельды.

– Но как она оказалась в открытом море, в сотнях и сотнях миль от Камарга? Нет, герцог Дориан, это невозможно.

– Это ее кольцо. – У Хоукмуна вдруг отлегло от сердца. – Но рука – чужая. Видишь, кольцо едва налезло на мизинец? А граф Брасс надевал его Иссельде на средний палец, и то оно оказалось велико... Это рука вора. – Он снял с пальца кольцо и отшвырнул кисть. – Наверное, он побывал в Камарге и украл там кольцо. Как иначе это объяснить?

– Может быть, она путешествовала? – предположил Оладан. – Искала вас?

– Чтобы она сделала такую глупость? Впрочем, всякое бывает. Но если и так, где теперь ее искать?

Оладан не успел ответить – наверху послышалось тихое хихиканье. Все трое подняли головы. Сверху на них глядели безумные глаза.

Одному москвиту удалось-таки вскарабкаться на борт корабля. Теперь он стоял над люком, приготовившись к прыжку.

Хоукмун едва успел выхватить меч, чтобы отразить удар безумца. Сталь зазвенела о сталь.

Оладан тоже схватился за оружие, и д'Аверк бросился герцогу на помощь. Но тот закричал:

– Живым! Он нам нужен живым!

Пока Хоукмун сражался с обнаженным воином, д'Аверк и Оладан убрали мечи в ножны и напали на москвиту сзади. Дважды он вырывался, но затем его повалили на пол и крепко связали. Вскоре он успокоился, только продолжал хихикать с пеной вокруг рта, тупо глядя в потолок.

– Какая нам польза от того, что он жив? – вежливо поинтересовался д'Аверк. – Почему бы не перерезать ему горло?

– Только что я нашел вот это кольцо, – сказал Хоукмун. – Оно принадлежало Иссельде, дочери графа Брасса. Я должен знать, как оно сюда попало.

– Странно. – Д'Аверк нахмурился. – Я полагал, девушка по-прежнему в Камарге – ухаживает за раненым отцом.

– Так он все-таки ранен? Д'Аверк улыбнулся:

– Да. Но Камарг еще не покорен. В тот раз я просто хотел вас огорчить. Не знаю, насколько тяжело ранен граф, но точно знаю, что он жив. Его советник Ноблио командует войсками, выполняя распоряжения графа. Насколько мне известно, войска Империи

Мрака крепко там увязли.

– А об Иссельде вы что-нибудь слышали? Она не покидала Камарга?

– Нет, – ответил д'Аверк и, нахмурясь, добавил: – Хотя кое-что припоминаю... Да, в армии графа Брасса нашелся человек, которого нам удалось склонить к измене. Он должен был похитить девушку, но не сумел этого сделать.

– Откуда вам это известно?

– Тот человек, Жуан Зинага, исчез бесследно. Видимо, граф Брасс разоблачил его и казнил.

– Мне не верится что Зинага – предатель. Я с ним немного знаком – кажется, он был капитаном конницы.

– Во втором сражении за Камарг он попал в плен, – улыбаясь, пояснил д'Аверк. – Он был немцем, а его семья находилась у нас...

– Вы его шантажировали!

– Насчет шантажа вы правы, хотя ваш покорный слуга тут совершенно ни при чем. Просто я слышал эту историю в Лондре, когда король Хеон собрал полководцев и велел им доложить о своих успехах в Европейской кампании.

Хоукмун нахмурился:

– А нельзя ли предположить, что Зинага все-таки похитил Иссельду, но на пути в Лондру его остановили люди Безумного Бога?

Д'Аверк отрицательно покачал головой:

– Московиты никогда не забирались вглубь южной Франции. Мы бы узнали об этом.

– Как же объяснить, что кольцо Иссельды оказалось на этом корабле?

– Почему бы не спросить у этого джентльмена? – Д'Аверк кивнул на безумца, который уже почти затих.

– Думаете, он даст вразумительный ответ? – с сомнением спросил Оладан.

– Надеюсь, боль прояснит ему мозги, – сказал д'Аверк.

– Вряд ли, – возразил Хоукмун. – Эти люди ничего не боятся. Надо придумать что-нибудь другое. – Он с отвращением посмотрел на пленника. – Оставим его ненадолго – может, успокоится.

Они поднялись на палубу и закрыли крышку люка. Солнце уже садилось, вдали виднелся берег Крымии – черные зубцы скал на фоне багрового неба. По морской глади скользили меркнущие солнечные отблески. Попутный ветер нес корабль на север.

– По-моему, надо выправить курс, – сказал д'Аверк. – Похоже, мы слегка отклонились к северу.

Хоукмун рассеянно кивнул. Сдвинув маску на затылок, француз уверенно взялся за штурвал.

– На ночь придется встать на якорь, – сказал Оладан. – А утром войдем в гавань.

Хоукмун промолчал. В его воспаленном мозгу метались тревожные мысли. Усталость, накопившаяся в нем за последние несколько суток, валила с ног, а страх за Иссельду грозил свести с ума.

Той же ночью в свете фонарей, подвешенных к потолку трюма, они рассматривали лицо своего пленника.

Фонари покачивались, бросая тени на переборки и на кучи награбленного добра. Где-то возилась крыса, но никто не обращал на это внимания.

Опустившись на колени возле связанного человека, Хоукмун дотронулся до его лица. Глаза тотчас открылись. Во взгляде, которым пленник окинул каюту, больше не было безумия. Он казался слегка удивленным.

– Как тебя зовут? – спросил Хоукмун.

– Кориантум из Керчи. Вы кто? И где это я?

– Тебе бы следовало это знать, – сказал Оладан. – Ты на своем корабле. Разве не помнишь, как вместе со своими друзьями ты напал на наше судно? Как мы сражались, а потом бежали, и ты гнался за нами вплавь?

– Я помню, как ставили парус, – недоуменно ответил Кориантум. – И все. – Он попытался сесть. – Почему я связан?

– Потому что ты опасен, – весело ответил д'Аверк. – Ты сошел с ума.

Кориантум рассмеялся – но то был смех совершенно нормального человека.

– Я сумасшедший? Что за чушь?!

Хоукмун, Оладан и д'Аверк удивленно переглянулись. Пленник ничем не напоминал безумца, который недавно пытался их убить. Внезапно Хоукмуна осенило:

– А что-нибудь еще ты помнишь? Самое последнее?

– Последнее? К нам обратился капитан.

– И что он вам сказал?

– Предложил участвовать в обряде... Выпить какого-то особого напитка. Больше ничего не помню.

– Какой парус был на вашем корабле? – спросил Хоукмун.

– Парус? А что?

– Было в нем что-нибудь особенное?

– Не помню. Кажется, обычный парус из темно-синей парусины.

– Ты плавал на торговых судах?

– Да.

– А на этом – первый раз?

– Верно.

– А когда ты нанялся на него? Кориантум озадаченно нахмурился:

– Вчера вечером, кажется. В день Лошади по керченскому календарю.

– А по всеобщему? Моряк наморщил лоб:

– Одиннадцатого числа третьего месяца.

– Три месяца назад, – заключил д'Аверк.

– Ну да? – Кориантум изумленно уставился на француза. – Три месяца? Как же это?

– Вас опоили, – объяснил Хоукмун. – А потом сделали пиратами, и вы совершали гнусные преступления. Ты что-нибудь слышал о культе Безумного Бога?

– Кое-что слышал. Он распространен на Украине. С недавних пор его служители начали путешествовать. Говорят, даже в море выходят.

– А знаешь ли ты, что на этом судне – парус Безумного Бога? Что несколько часов назад ты бушевал и смеялся? Да ты погляди на себя... – Хоукмун наклонился и перерезал на пленнике веревки. – Посмотри, что у тебя на шее.

Кориантум из Керчи медленно поднялся, с изумлением разглядывая свое обнаженное тело, ощупал шею и коснулся обруча.

– Я... ничего не понимаю. Это шутка?

– Злая шутка, но мы тут ни при чем, – ответил Оладан. – Вас одурманили, а потом велели идти в море, чтобы убивать и грабить мирных моряков. Наверное, на вашем судне только капитан оставался в здравом рассудке. Скорее всего, его не было здесь, когда мы сражались. Куда вы должны были привести корабль, Кориантум? Вспомни еще хоть что-нибудь.

– Не помню.

– Скорее всего, капитан рассчитывал попасть на корабль позднее и привести его в нужный порт, – заметил д'Аверк. – Должно быть, существуют и другие суда с экипажами из таких дураков, как наш приятель, и эти суда встречаются друг с другом.

– На борту наверняка есть большой запас зелья, которым опоили матросов, – сказал Оладан. – Команда, видимо, пила его регулярно. Да и Кориантум непременно «опохмелился» бы, не свяжи мы его.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Хоукмун моряка.

– Ослаб... как будто из меня все жилы вытянули.

– Понятно, – кивнул Оладан. – Видать, дурман не только

сводит с ума, но и убивает в конце концов. Какой чудовищный замысел! Нанять ни в чем не повинных людей, опохмелить их зельем, превратив в грабителей и убийц, а потом, когда они перемрут, забрать добычу! В жизни не слышал ничего подобного. Я думал, Безумному Богу служат фанатики, но оказывается, среди них есть трезвый, холодный ум.

– Во всяком случае, на море, – сказал Хоукмун. – Хотелось бы мне найти того, кто все это придумал. Возможно, только он знает, какая связь между этим кораблем и Иссельдой.

– Прежде, чем мы отправимся его искать, не мешало бы убрать парус, – посоветовал д'Аверк. – Течение все равно затянет нас в бухту, но прием будет не слишком радушен, если туземцы увидят нашу эмблему. И еще: надо придумать, что делать с этими сокровищами. Ведь мы теперь богачи.

– Д'Аверк, вы – мой пленник, не забывайте. Но вы правы: эти сокровища наши, поскольку их владельцы мертвы. Кое-что мы возьмем себе, а остальное отдадим какому-нибудь честному человеку, чтобы распределил между родственниками и близкими безумных моряков.

– А что потом? – спросил Оладан.

– Снова выйдем в море и будем ждать встречи с хозяином корабля.

– А вы уверены, что эта встреча состоится? Вдруг он узнает, что мы побывали в Симферополе? – спросил Оладан.

Хоукмун хмуро улыбнулся:

– Тогда он тем более захочет с нами увидеться.

ГЛАВА 8

СЛУЖИТЕЛЬ БЕЗУМНОГО БОГА

Свою добычу они продали в Симферополе. Часть вырученных денег пошла на закупку провизии, коней и снаряжения, а остаток передали на хранение купцу, которого им порекомендовали как самого порядочного человека в Крымии. Вскоре до бухты добралась изрядно потрепанная «Улыбчивая дева», и Хокману пришлось заплатить капитану Маусо, чтобы тот молчал об их встрече с кораблем под черными парусами. Забрав все свое имущество, в том числе седельную сумку с подарком Ринала, герцог Кельнский поднялся на борт своего корабля в сопровождении Оладана и Гюлама д'Аверка. С вечерним отливом они вышли в море. Кориантум остался у купца – набираться сил.

Еще больше недели блуждал по морю черный корабль, то резво скользя над волнами, то попадая в мертвый штиль. По расчетам Хоукмуна, они находились поблизости от пролива, соединяющего Азовское и Черное моря, у берега Керчи, где нанялся на судно Кориантум.

Д'Аверк блаженствовал в гамаке, подвешенном над палубой, время от времени кашляя и жалуясь на скуку. Оладан проводил время, забравшись на мачту, где он устроил наблюдательный пост, а Хоукмун расхаживал по палубе, погруженный в раздумья. Он уже сомневался, что его решение было здравым. «Напрасно теряем время, – с горечью думал герцог Кельнский. – Все равно ничего не узнаем об Иссельде. Да и вряд ли это ее кольцо. Наверное, в Камарге было изготовлено несколько таких колец...»

Но однажды утром на горизонте показался парус.

Первым его заметил Оладан и позвал Хоукмуна. Герцог Кельнский быстро поднялся на палубу и стал всматриваться вдаль.

Возможно, это был тот самый корабль, который они ждали.

– Вниз! – крикнул он. – Укрыться в трюме!

Оладан полез вниз по вантам, а д'Аверк живо соскочил с гамака и побежал к трапу, ведущему в средний трюм. Там, в темноте, они затаились и стали ждать.

Спустя час раздался глухой удар в борт. Потом по палубе загремели сапоги. Кто-то медленной, размеренной поступью прошел от кормы до носа и обратно. Затем шаги стихли – видимо, гость вошел в каюту или поднялся на мостик.

Трое людей в темноте затаили дыхание, когда шаги раздались снова. Незнакомец шел напрямиком к люку среднего

трюма.

Откинулась крышка, и в проеме показался силуэт человека. Гость постоял, нагнувшись над люком и вглядываясь в сумрак, потом стал осторожно спускаться по трапу. Хоукмун бесшумно двинулся вперед.

Как только незнакомец ступил на днище, Хоукмун прыгнул и обхватил его рукой за шею.

Гость оказался настоящим великаном – ростом выше шести с половиной футов. У него была длинная борода, заплетенная в косы, и медный нагрудник поверх рубашки из черного шелка. Удивленно крикнув, он круто развернулся всем телом, едва не стряхнув Хоукмуна. Силы он был недюжинной. Обхватив толстыми пальцами руку Хоукмуна, он почти освободился от захвата, но тут герцог Кельнский позвал на помощь:

– Быстрее! Хватайте его, а то вырвется!

Оладан и д'Аверк дружно набросились на великана, и тот не устоял на ногах.

Д'Аверк вытащил меч. В маске Вепря и металлическом облачении воина Гранбретании он выглядел очень грозно. Острие его меча прижалось к горлу пленника.

– Имя! – громогласно потребовал француз.

– Капитан Шаракиин. Где мой экипаж?

Чернобородый капитан угрюмо смотрел на своих недругов. Он был скорее зол, чем испуган.

– Где мой экипаж? – повторил он.

– Ты о тех безумцах, которых послал на смерть? – спросил Оладан. – Они все пошли ко дну. Но перед этим успели рассказать нам о твоём гнусном замысле.

– Дураки! – выругался Шаракиин. – Вас всего трое, а у меня на другом корабле целая армия. Неужели вы надеетесь меня удержать?

Д'Аверк хихикнул:

– С одной армией, как видишь, мы справились, нам не привыкать.

В глазах Шаракина мелькнул страх, но тут же исчез, уступив место решительности.

– Я вам не верю. Команда этого корабля жила только для того, чтобы убивать. Не лгите, что сумели с ней...

– Справились, не сомневайся, – перебил д'Аверк. Огромная кабанья маска повернулась к Хоукмуну. – Ну что, поднимемся на палубу и доведем дело до конца?

– погоди! – Хоукмун нагнулся над Шаракиным. – Я хочу задать ему один вопрос. – Скажи-ка, Шаракин, твои люди когда-нибудь захватывали девушек?

– Им приказано не убивать девушек, а доставлять мне.

– Зачем?

– Не знаю. Мне велено отправлять девушек ему, вот я и отправляю, – Шаракин засмеялся. – Нет, не удержите вы меня. И жить вам осталось не больше часа. Скоро мои ребята заподозрят неладное.

– Почему же ты никого из них не взял с собой на этот корабль? Уж не потому ли, что им не понравилось бы содержимое трюмов?

Шаракин пожал плечами:

– Когда я закричу – они придут.

– Возможно, – кивнул д'Аверк. – Ну-ка, поднимись, будь любезен.

– Куда ты отправлял девушек? – допытывался Хоукмун. – Кому?

– На материк, конечно. Безумному Богу, моему господину.

– Ты – слуга Безумного Бога? Значит, правда, что эта секта разбойничает на море?

– Да, я его слуга, хотя в секте не состою. Просто сектанты хорошо платят, чтобы я потрошил корабли и отсылал им добычу.

– Зачем им это? Шаракин ухмыльнулся:

– В секте нет моряков. Поэтому жрецы и обратились ко мне, когда один из них придумал этот план. Хотя, сказать по правде, я не знаю, зачем им сокровища, – он поднялся на ноги. – Ну, пошли. Забавно будет посмотреть, что вы затеяли.

д'Аверк кивнул Хоукмуну и Оладану. Те исчезли во тьме и вернулись с тремя длинными незажженными факелами. д'Аверк подтолкнул Шаракина, и капитан следом за Оладаном двинулся к трапу.

Они медленно поднялись на палубу и увидели в свете заката большой, красивый трехмачтовый корабль.

Матросы, стоявшие на палубе, сразу поняли, что произошло, и бросились к борту. Но Хоукмун закричал, прижав к спине Шаракина острие меча:

– Не двигайтесь, иначе мы уьем вашего капитана!

– Если убьете меня, они убьют вас, – проворчал Шаракин. – Кто от этого выиграет?

– Молчать! – сказал Хоукмун. – Оладан, зажигай!

Оладан ударил кресалом о кремь. Факел вспыхнул. Запалив два других, зверочеловек раздал их своим спутникам.

– Слушайте! – закричал Хоукмун. – Наше судно пропитано нефтью. Если кто-нибудь из нас опустит факел, оно загорится. Тогда и вам несдобровать.

– Так, значит, мы все сгорим, – хмыкнул Шаракин. – Да вы

такие же сумасшедшие, как и те ослы, которых убили.

Хоукмун отрицательно покачал головой:

– Оладан, готовь ялик.

Горец прошел на корму, к самому дальнему люку, развернул над ним лебедку, откинул крышку и, прихватив конец троса, исчез вниз.

Заметив движение на чужом корабле, Хоукмун опустил факел. Пламя отражалось в его глазах, бросало багровые отблески на лицо.

Оладан снова поднялся на палубу и, держа в одной руке факел, другой стал вращать ворот лебедки.

Увидев поднимающийся над люком огромный ялик с тремя оседланными лошадьми, Шаракиин крикнул от изумления. Лошади испуганно и непонимающе глядели на море. Ялик медленно проплыл в воздухе и повис, покачиваясь, над водой.

Закончив работу, Оладан привалился к лебедке спиной. Он вспотел и тяжело дышал, но ни на секунду не опускал факела.

Шаракин ослабил:

– Неплохо придумано. Но ничего не выйдет. Вас всего трое. Что теперь будете делать?

– Повесим тебя, – ответил Хоукмун. – На глазах у экипажа. Я устроил эту ловушку по двум причинам. Первая: мне нужно кое-что от тебя узнать. Вторая – я решил свершить правосудие.

– Какое еще правосудие? – закричал перепуганный Шаракин. – Зачем ты суешься в чужие дела? Какое еще правосудие?

– Правосудие Хоукмуна, – твердо ответил герцог Кельнский. На его бледное лицо упал солнечный луч, и казалось, камень во лбу ожил.

– Матросы! – завопил Шаракин. – Спасите меня! Убейте их, матросы!

– Если вы пошевелитесь, мы убьем его и подожжем корабль, – крикнул д'Аверк. – Вы погибнете напрасно. Мой вам совет: уходите, пока целы. Мы казним только Шаракина.

Как они и рассчитывали, матросы не испытывали особой любви к своему капитану-пирату и не желали ради него рисковать жизнью. И все же они не рубили абордажных канатов, выжидая, что предпримут трое смельчаков.

С веревкой в руке Хоукмун забрался на салинг. Сделав петлю и надежно укрепив веревку над водой, он спустился обратно на палубу.

Наступила мертвая тишина. Шаракиин постепенно сообразил, что помощи от своей команды он не дожидется.

За кормой покачивался над морем ялик с лошадьми.

Скрипели тали. В руках троих воинов, пленивших Шаракина, потрескивая, горели факелы.

Шаракин отчаянно закричал и попытался вырваться, но пирата остановили острия трех мечей, прижатые к его горлу, груди и животу.

– Вы этого не сделаете... – пробормотал он, но умолк, видя мрачную решимость на лицах своих врагов.

Оладан подцепил мечом петлю, подтянул ее к борту, Хоукмун расширил ее, а д'Аверк подтолкнул к ней Шаракина. В тот миг, когда петля опустилась на плечи пирата, он взревел и ударил Оладана, сидевшего на планшире. Тот с криком полетел в воду. Охнув от неожиданности, Хоукмун бросился к борту. Шаракин повернулся к д'Аверку и выбил факел из его руки, но француз отступил на шаг, и у глаз капитана заблестела сталь меча.

Пират плюнул д'Аверку в лицо, прыгнул на борт, лягнув Хоукмуна, который попытался его остановить, и бросился в воду.

Петля затянулась, край нок-реи опустился и взметнулся вверх, хрустнули позвонки, и тело задергалось на веревке.

Д'Аверк кинулся к упавшему факелу, но пропитанная нефтью палуба уже вспыхнула. Пока он пытался затоптать огонь, Хоукмун бросил Оладану канат, и мокрый зверочеловек вскарабкался на борт корабля. Купание ему, похоже, ничуть не повредило.

Матросы на корабле Шаракина зашумели и подступили к борту.

«Почему они не отплывают?» – удивленно подумал Хоукмун.

– Отходите! – крикнул он. – Ваш капитан мертв, и вы будете мертвы, если не отплывете!

Но матросы не двигались.

– Пожар, остолопы! – Оладан показал на пламя, от которого пятился д'Аверк. Огненные языки взметнулись вверх и лизали мачту и надстройку.

– Пора в лодочку, – усмехнулся д'Аверк.

Бросив свой факел в пламя, Хоукмун поспешил к ялику.

– Почему они не уходят? – спросил он француза.

– Сокровища, – пояснил тот, крутя ворот лебедки. – Думают, награбленное добро еще в трюмах.

Ялик опустился на воду. Напуганные лошади фыркали, чуя запах дыма. Соскользнув по талям на дно ялика, бывшие владельцы черного корабля налегли на весла. Вскоре судно превратилось в огромный костер. Над волнами стелился маслянистый дым, на фоне которого раскачивалось, словно пытаясь избежать адского пламени, тело Шаракина.

Трое смельчаков поставили парус, и тот наполнился ветром, унося их прочь от горящего судна. Они видели, что на пиратском

корабле занялся парус, и матросы лихорадочно затапывали падающие на палубу головни, а другие с большой неохотой рубили абордажные канаты. Но с ялика трудно было рассмотреть, велика ли опасность, грозящая трехмачтовому кораблю.

Прямо по ходу ялика был виден берег Крымии. Дальше лежала Украина. Быть может, где-то там трое путников найдут Безумного Бога, его приверженцев и, возможно, Иссельду...

«Утлое суденышко несло Дориана Хоукмуна и его спутников к скалистым берегам Крыми, а в это время далекий Камарг из последних сил отражал натиск Империи Мрака. Король-император Хеон приказал своим войскам во что бы то ни стало уничтожить смелый народ, дерзнувший бросить ему вызов. По Серебряному мосту, протянувшемуся над морем на тридцать миль, шагали воины Орденов Вепря и Волка, Грифа и Собаки, Богомола и Лягушки. Они гордо несли свои чудовищные доспехи, клинки их полыхали в солнечных лучах... А король-император, свернувшись зародышем в своей Тронной Сфере, скрежетал зубами от ненависти к Хоукмуну, графу Брассу и всем тем, кого он до сих пор не сумел подчинить себе, хотя уже полмира лежало у его ног. Порой ему казалось, будто он сражается с некой таинственной силой и за спиной его недругов стоит какой-то всесильный незримый противник – и эта мысль сводила Хеона с ума... Судьбы всего мира зависели сейчас от тех смельчаков, с кем не мог справиться король Хеон: от Хоукмуна, Оладана и, возможно, даже д'Аверка; от загадочного Рыцаря-в-Черном-и-Золотом; от Иссельды, графа Брасса и еще горстки храбрецов. Именно на них пал выбор Рунного Посоха...»

ГЛАВА 1

ВСТРЕЧА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Лодка стремительно неслась к черным скалам. Хоукмун с интересом наблюдал за д'Аверком, который, не замечая чужого взгляда, поднял свою кабанью маску и с загадочной улыбкой смотрел куда-то вдаль. Затем он обернулся, как видно, ощутив на себе взор герцога.

– Сдается мне, что-то тревожит вас, герцог Дориан. Неужели вас не радует счастливый исход нашего приключения?

– Нет, почему же, – отозвался Хоукмун. – Сейчас меня больше волнуете вы, д'Аверк. Вы ведь оказались с нами по чистой случайности. Я убежден, вас не интересовало ни правосудие, свершившееся над пиратом, ни судьба Иссельды. Тем не менее, вы ни разу не пытались сбежать.

Д'Аверк широко заулыбался:

– Бежать? Но зачем? Насколько я могу судить, вы не собираетесь убивать меня и, более того, не так давно спасли мне жизнь. Сказать начистоту, сейчас мне кажется, что судьба моя куда теснее связана с вашей, нежели с судьбой Империи Мрака.

– Однако вы не преданы мне и моему делу.

– Мой дорогой герцог, я уже объяснял, что предан только своим замыслам и желаниям. А что касается вашего дела, то признаюсь, я уже не считаю его столь безнадежным. Вам чертовски везет, и порой мне кажется, что в борьбе с Империей Мрака вы способны одержать верх. Если бы я был в этом уверен, то весьма охотно встал бы на вашу сторону.

– В самом деле? А по-моему, вы просто ждете, когда мы снова поменяемся ролями, и у вас появится возможность загладить вину перед гранбританцами.

– Переубеждать вас бесполезно, – улыбнулся д'Аверк, – поэтому я не стану этого делать.

Услышав столь уклончивый ответ, Хоукмун помрачнел. Д'Аверк согнулся в приступе кашля, а потом, тяжело дыша, лег на дно лодки. Видимо, этим он давал понять, что не прочь сменить тему.

– Герцог Дориан! – крикнул стоявший на носу ялика Оладан. – Смотрите! Вон там, на берегу!

Хоукмун обернулся. Под утесом, нависшим над полоской гальки, он разглядел человека на коне. Всадник не двигался, следя за приближением ялика, словно ожидал, когда пассажиры

высадятся на берег, чтобы сообщить им нечто важное.

Наконец киль ялика заскрежетал о гальку. Спрыгнув с носа лодки, герцог Кельнский направился к человеку, сидящему на коне в тени утеса. Он уже узнал Рыцаря, с головы до ног закованного в латы.

– Вы встречаете меня? – спросил Хоукмун.

– Я предполагал, что вы сойдете на берег именно здесь, – ответил Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Поэтому я и ждал.

– Ясно, – Хоукмун окинул всадника взглядом, не зная, что делать и что говорить. – Ясно...

Хрустя галькой, к ним приблизились д'Аверк и Оладан.

– Вы знаете этого господина? – спросил д'Аверк.

– Мы с ним старые знакомые.

– Вы – сэр Гьюлам д'Аверк, – звучным голосом произнес Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Я вижу, вы еще не избавились от доспехов гранбретанского полководца.

– Они вполне соответствуют моим вкусам, – парировал д'Аверк. – Между прочим, вы не представились.

Пропустив эти слова мимо ушей, Рыцарь указал на Хоукмуна рукой в тяжелой латной рукавице:

– Я должен поговорить с этим человеком. Вы ищете свою невесту Иссельду. А еще – Безумного Бога.

– Иссельда в заточении у Безумного Бога?

– Да, если можно так выразиться. Но вы должны найти Безумного Бога не только поэтому.

– Что с Иссельдой? Она жива? – допытывался Хоукмун.

– Жива. Но прежде, чем вы с ней встретитесь, необходимо убить Безумного Бога. И не только убить, но и сорвать с его шеи Красный Амулет, по праву принадлежащий вам. Безумный Бог похитил у вас две драгоценности – девушку и амулет, и вы должны их вернуть.

– Насчет Иссельды я знаю, что она моя, но об амулете первый раз слышу. Почему вы считаете, что он принадлежит мне?

– Красный Амулет – ваш. Безумный Бог не должен его носить, но носит, и оттого он безумен.

Хоукмун улыбнулся:

– И пусть носит, если только в этом и заключается свойство амулета.

– Это не тема для шуток, герцог Дориан. Безумный Бог украл Красный Амулет у слуги Рунного Посоха и в наказание лишился разума. Но слуга Рунного Посоха, если он владеет амулетом, обладает великим могуществом. А значит, ни я и никто другой не должны отнимать его у Безумного Бога. Это надлежит сделать только Дориану Хоукмуну Кельнскому, слуге Рунного Посоха.

– Опять вы называете меня слугой Рунного Посоха! А я, между прочим, даже не знаю своих обязанностей. И вообще, я не уверен, что Рунный Посох, Красный Амулет и все остальное – не плод вашего больного воображения. Может быть, вы тоже безумны?

– Думайте, что хотите. Все равно вам придется найти Безумного Бога. Ведь ничего другого вам не остается, верно?

– Да, я хочу разыскать Иссельду и того, кто ее захватил...

– Пусть так. Главное – мне не нужно вас уговаривать. Вы все равно выполните свое предназначение.

Хоукмун нахмурился:

– С того дня, как я покинул Хамадан, меня преследуют странные совпадения. Чем вы это объясните?

– Там, где над судьбами людскими властвует Рунный Посох, совпадений не бывает. Иногда вы замечаете закономерность, иногда – нет. – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом повернулся и указал рукой на выющую по утесу тропинку. – Здесь мы сможем подняться. Наверху заночуем, а утром отправимся в замок Безумного Бога.

– Вы знаете дорогу? – встрепенулся Хоукмун, мигом забыв все сомнения.

– Да.

В душу Хоукмуна закралось новое подозрение:

– А вы... случаем, не тот человек, из-за которого Иссельда попала в плен? Не вам ли я обязан тем, что вынужден искать Безумного Бога?

– Иссельду похитил изменник Жуан Зинага. Он вез ее в Империю Мрака, но по пути у него вышла стычка с гранбретанцами, которые надеялись убить его и получить причитающуюся ему награду. Пока они дрались, Иссельда сбежала. Скитаясь по Европе, она встретила в Италии караван изгнанников, добралась с ним до Адриатического моря и попала на корабль, который, как ей сказали, направлялся в Прованс. Но корабль оказался невольничьим – на нем везли девушек в Аравию. В заливе Сидра его захватили карпатские пираты...

– История просто фантастическая. Что было потом?

– Потом пираты решили получить за Иссельду выкуп. О том, что Камарг осажден, они узнали значительно позже. Тогда они направились в Истанбул, чтобы продать Иссельду на невольничьем рынке. Но в гавани оказалось много кораблей Империи Мрака, и пираты не рискнули зайти в порт. Они прошли дальше, в Черное море, и там на свою беду повстречали корабль, который вы недавно сожгли.

– Остальное мне известно. Та рука принадлежала пирату,

отнявшему кольцо у Иссельды. И все же, Рыцарь, ваша история слишком невероятна. Очень уж тут много совпадений...

– Еще раз говорю: там, где действует Рунный Посох, совпадений не бывает. Хотя иногда некоторые закономерности незаметны.

Хоукмун вздохнул:

– Иссельда невредима?

– Относительно.

– Что значит – относительно?

– Будете в замке Безумного Бога – увидите.

Загадочный Рыцарь умолк и больше на вопросы Хоукмуна не отвечал. Он сидел в седле, задумчиво опустив голову, и ждал, пока Хоукмун, д'Аверк и Оладан выведут на берег напуганных коней и выгрузят припасы и вещи, в том числе потертую седельную сумку Хоукмуна, чудом не потерявшуюся в долгом и трудном пути.

Затем Рыцарь-в-Черном-и-Золотом повернул коня и поехал по узкой горной тропе. Остальным вскоре пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Время от времени человек или конь оступались и едва не падали в пропасть; иногда камень, задетый ногой или копытом, срывался с обрыва.

Наконец они добрались до края обрыва и увидели холмистую равнину, простиравшуюся, казалось, в бесконечность. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом показал на запад.

– Туда мы отправимся утром. Там, за Пульсирующим мостом – Укrania, а замок Безумного Бога – в глубине материка. Будьте осторожны, в этих краях рыщут воины Империи Мрака.

Он подождал, пока трое путников разобьют лагерь.

– Не угодно ли вам, сударь, принять участие в нашей скромной трапезе? – не скрывая насмешки, обратился к нему д'Аверк.

Но огромная голова в шлеме, склоненная над лукой седла, не поднялась. Всадник и конь были неподвижны как изваяние. Всю ночь Рыцарь-в-Черном-и-Золотом провел в седле, словно охранял покой своих спутников или, может быть, следил, чтобы они не сбежали под покровом темноты.

Лежа в палатке с откинутым пологом, Хоукмун смотрел на силуэт Рыцаря и гадал, есть ли в этом создании хоть что-нибудь человеческое. Чем объяснить такое пристальное внимание к Хоукмуну? Друг он ему или враг?

Герцог Кельнский вздохнул. Он хотел всего-навсего разыскать Иссельду, освободить ее и отвезти в Камарг. Да еще убедиться, что провинция не покорилась Империи Мрака. Но все оказалось гораздо сложнее. Выяснилось, что перед Хоукмуном стоит некая

цель, и к ней его ведет таинственный Рунный Посох. Хотя Рунный Посох – это предмет, а не разумное существо. Как он может кого-то вести? Или все-таки это существо? Посох обладает величайшей силой, и тот, кто дает ему клятву, может рассчитывать на его помощь. Ходят слухи, что он вершит судьбы всего человечества. Но, в таком случае, зачем Рунному Посоху слуги, если ему и так подчинены все люди?

Наверное, не все. Видимо, время от времени появляются какие-то силы, вроде Империи Мрака, которые противятся ему. И тогда возникает нужда в слугах.

Мысли путались. Хоукмун не привык ломать голову над неразрешимыми загадками. Вскоре его сморил сон.

ГЛАВА 2

ЦИТАДЕЛЬ БЕЗУМНОГО БОГА

После двух дней пути они оказались у Пульсирующего моста, который раскинулся на несколько миль между двумя скалистыми берегами.

От вида этого моста у человека захватывало дух, ибо сотворен он был не из твердого вещества, а из множества разноцветных лучей – золотистых, синих, изумрудных, алых и желтых, которые пересекались и словно даже переплетались друг с другом. Где-то далеко внизу, среди острых рифов, бурлила и пенилась вода, а мост пульсировал и содрогался, точно был живым существом.

– Что за странное творение? – воскликнул Хоукмун, обращаясь к Рыцарю. – Не могу поверить, чтобы мост этот был создан природой.

– Совершенно верно, его построили люди, которые давным-давно ушли в небытие и унесли с собой знания, с помощью которых сумели сотворить такое чудо. Народ этот обитал на земле после Дождя Смерти, но до возникновения княжеств. Что это были за люди и какова их судьба, мне неизвестно.

– Да неужели? – усмехнулся д'Аверк, – Вы меня разочаровали. Я-то думал, что вы знаете все.

Рыцарь-в-Черном-и-Золотом промолчал. На коже и доспехах всадников играли отсветы Пульсирующего моста. Кони храпели, пятясь и вставая на дыбы. Хоукмун натянул поводья, пришпорил скакуна, и конь успокоился, как только его копыта окунулись в мерцающий свет – видимо, почувствовал под ногами надежную опору.

Рыцарь-в-Черном-и-Золотом неторопливо ехал впереди, окруженный радужной аурой. Конь под ним тоже светился, с каждым шагом все ярче. Хоукмун оглянулся на д'Аверка и Оладана – они сияли, будто существа, явившиеся со звезд. Он глянул вниз – под переплетением лучей пенилось море. В ушах, нарастая, звучал странный гул – довольно мелодичный и приятный, если не обращать внимания на дрожь, которая шла от него по всему телу.

Добравшись до берега, Хоукмун почувствовал необыкновенный прилив сил, словно он отдыхал несколько дней. Он рассказал о своем ощущении Рыцарю-в-Черном-и-Золотом, и тот кивнул:

– Да, мне говорили, что путешествие по Пульсирующему

мосту снимает усталость.

Четверо всадников поехали дальше. Между ними и логовом Безумного Бога уже не оставалось водных преград.

На третий день зарядил мелкий дождь. Продрогшие всадники упали духом, а усталые кони еле брели по украиньской степи, которой, казалось, нет ни конца, ни края.

Ехавший впереди Рыцарь-в-Черном-и-Золотом вдруг поднял голову, натянул поводья и жестом велел спутникам остановиться. Все застыли, прислушиваясь.

Спустя некоторое время Хоукмун услышал дробный топот копыт, и вскоре на невысокий холм слева от него вылетело десятка два конников в овчиных папахах и бурках, с длинными пиками наперевес и саблями за спиной. Было похоже, что они спасаются бегством, хотя Хоукмун не видел преследователей. Седоки не щадили коней, несущихся во весь опор, и с конских боков, исхлестанных нагайками, стекали капельки крови.

– Что случилось? – крикнул Хоукмун. – Кто вас преследует?

– Армия Империи Мрака! – обернувшись в седле, ответил один из всадников и пришпорил коня.

Нахмураясь, Хоукмун спросил Рыцаря:

– Поедем дальше? Или поищем другую дорогу?

– Безопасного пути не существует, – ответил Рыцарь. – Нет смысла сворачивать.

Через полчаса они увидели вдали густой, маслянистый дым, стелющийся по земле. Хоукмун сразу понял, что это означает, но не проронил ни слова, пока маленький отряд не приблизился к горящему городу, где они увидели посреди площади огромную пирамиду из трупов. Все мертвецы – мужчины, женщины, дети – были раздеты догола. Среди человеческих тел было немало трупов животных.

Пирамида горела, источая зловонный дым. Сотворить такое могли только воины Империи Мрака. Всадник в бурке не ошибся – где-то поблизости действительно находились гранбританцы, причем (судя по тому, что они сделали с городом) числом не меньше батальона.

Путешественники обогнули город, жителям которого уже ничем не могли помочь, и поехали дальше. Теперь они оглядывались по сторонам – в любую минуту перед ними могли появиться враги.

Оладан, который видел не так уж много зверств, творимых воинами Империи Мрака, был потрясен сильнее всех.

– Разве простые смертные... могут...

– А они вовсе не считают себя простыми смертными, – возразил д'Аверк. – Они мнят себя полубогами, а своих

правителей – богами.

– И этим оправдывают все свои преступления, – подхватил Хоукмун. – Кроме того, им нравится разрушать, запугивать, убивать и мучить. У них, как у росوماхи, стремление убивать сильнее стремления жить. Остров Гранбретания взрастил народ безумцев, и тем, кто не родился среди них, не дано понять их помыслы и поступки.

Вскоре завеса дождя скрыла от всадников город и чадающую пирамиду.

– Отсюда до замка Безумного Бога рукой подать, – сказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

Утром они спустились в широкую низину и подъехали к берегу небольшого озера, окутанного серым туманом. За озером темнел мрачный силуэт замка, сложенного из грубо отесанных камней.

У озера стояла рыбацкая деревенька – несколько ветхих лачуг, рядом – лодки и растянутые на жердях сети. Но они не увидели ни одного человека.

День выдался холодным, пасмурным; озеро, деревня и замок навевали гнетущие мысли. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом поехал к лачугам, и остальные неохотно последовали за ним.

– Что это за культ такой? – шепотом спросил Оладан у Хоукмуна. – Сколько у него приверженцев? И все ли они свирепы, как те матросы? Может, Рыцарь недооценивает их силу или переоценивает нашу удаль?

Хоукмун промолчал, пожав плечами, – в ту минуту он мог думать только об Иссельде. Он не спускал глаз с черной громады замка, гадая, где томится его нареченная.

Почему в рыбацкой деревне царит тишина, они поняли, когда въехали на окраину. Все жители были зверски зарублены – лезвия нескольких мечей и топоров остались в черепах мужчин и женщин.

– Империя Мрака! – глухо произнес Хоукмун. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом отрицательно покачал головой.

– Гранбретанцы тут ни при чем. У них не такое оружие. И стиль другой.

– Но... кто же тогда? – вздрогнув, прошептал Оладан. – Секта?

Рыцарь не ответил. Он остановил коня, спешил и, тяжело ступая на песок, приблизился к лежащему поблизости мертвецу. Спутники Рыцаря, оглядываясь, разбрелись по деревне.

С озера напал туман, его холодные жгуты, словно щупальца гигантского спрута, оплетали ноги людей и коней.

– Все эти люди принадлежали к секте, – сказал Рыцарь. –

Некоторые снабжали замок провизией, остальные там жили.

– Передрались между собой? – предположил д'Аверк.

– В некотором смысле.

– Что вы имеете в...

Хоукмун не договорил – за лачугами раздался душераздирающий крик. Четверо воинов выхватили мечи и образовали круг, готовые к нападению с любой стороны.

Но увидев нападавших, Хоукмун настолько опешил, что опустил оружие. Они бегом пробирались между домами, подняв над головами мечи и топоры. На них были нагрудники и кожаные килты; в глазах горел свирепый огонь; с губ, распыленных в зверином оскале, падали клочья пены.

Приняв защитную стойку, Хоукмун с ужасом высматривал среди нападающих Иссельду. Не обнаружив ее, он с облегчением вздохнул.

– Вот, значит, зачем Безумному Богу понадобились женщины, – проворчал д'Аверк.

– Насколько я могу судить, он извращенец. – сказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, отразив удар подбежавшей к нему «амазонки».

Нападающие сражались неумело, часто раскрываясь, но Хоукмун только отбивался и пятился, не в силах нанести разящий удар. Отступали и его товарищи. Получив секундную передышку, Хоукмун оглянулся, и в его мозгу родилась спасительная идея.

– Отходим к сетям! – крикнул он своим соратникам. – Я знаю, как победить без кровопролития.

Мужчины пятились до шестов, на которых висели сети. Отбивая удары, Хоукмун свободной рукой ухватился за край одной из них. Оладан понял его замысел и взялся за другой край. Хоукмун крикнул: «Давай!», и они набросили сеть на женщин.

Многие запутались сразу, но некоторым удалось высвободиться. Они снова бросились в бой, но сразу угодили под другую сеть, брошенную Рыцарем и д'Аверком. Затем Хоукмун и Оладан набросили на эту вопящую, брыкающуюся кучу еще одну сеть, и вскоре все женщины запутались окончательно. Хоукмуну и его товарищам оставалось только обезоружить их. Это оказалось несложным делом.

Тяжело дыша, Хоукмун поднял с песка и забросил в озеро чужой меч.

– По-моему, этот Безумный Бог не так уж и безумен. Воины-женщины куда опаснее мужчин. Неспроста это все...

– Вы полагаете, что на деньги, вырученные за награбленное пиратами добро, Безумный Бог собирает армию амазонок? – спросил Оладан.

– Похоже на то, – вмешался д'Аверк. – Но почему эти

женщины убили своих же?

– Наверное, мы узнаем это в замке, – сказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Мы... – он умолк: одна женщина выбралась из-под сетей и с воплем бросилась на своих врагов, протягивая к ним руки со скрюченными пальцами. Д'Аверк обхватил ее за талию и приподнял над землей, а Оладан подошел сзади и рукояткой меча ударил ее в основание черепа.

– Как бы это ни оскорбляло мои рыцарские чувства, – заметил д'Аверк, опуская обмякшее тело на песок, – мне кажется, иного обращения эти очаровательные убийцы не заслуживают, – подойдя к барахтающимся в сетях женщинам, он неторопливо, методично оглушил их всех. – Все-таки и они живы, и мы. И это главное.

– Чует мое сердце, они здесь не все, – проворчал Хоукмун.

– Вы об Иссельде?

– Да, об Иссельде. Поехали, – Хоукмун вскочил в седло и галопом помчался вдоль берега. Следом за ним отправился Оладан, затем – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом и последним – д'Аверк. Лошадь француза неслась легким галопом, а сам Гюлам д'Аверк хранил беззаботный вид, словно выехал на утреннюю прогулку.

Невдалеке от замка Хоукмун перестал погонять коня, а у подъемного моста и вовсе натянул поводья. Замок был погружен в тишину и покой, башни окутаны легкой дымкой, а у опущенного моста лежали трупы стражников.

С зубца самой высокой башни слетел ворон и, хлопая крыльями, исчез в тумане над озером.

Сквозь облачный покров не проникало ни единого солнечного луча. Казалось, путешественники попали в чуждое измерение, где навеки воцарились безнадежность и смерть.

Хоукмун сидел на коне перед распахнутыми настежь воротами замка, как перед разинутой пастью гигантского зверя. Во внутреннем дворе клубился туман, создавая уродливые фигуры. Ничто не нарушало гнетущей тишины. Набрав полную грудь холодного, сырого воздуха, Хоукмун обнажил меч, прищпорил коня и понесся по мосту в обитель Безумного Бога.

ГЛАВА 3

ВЫБОР ХОУКМУНА

Повсюду, насколько хватало глаз, просторный двор крепости был завален мертвыми телами, по преимуществу мужскими. У всех мертвецов были ошейники Безумного Бога. Там, где мостовая была свободна от трупов, скорченных в самых разнообразных позах, виднелись пятна запекшейся крови.

Отвратительный запах тления раздражал ноздри. Конь испуганно храпел, и Хокману стоило большого труда заставить его двигаться вперед. Со страхом вглядываясь в лица мертвецов, герцог Кельнский боялся увидеть среди них Иссельду.

Спрыгнув с седла, он бродил по двору, переворачивая окоченевшие тела женщин, но его невесты среди них, по счастью, не было.

Вскоре во двор въехал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, за ним появились Оладан и д'Аверк.

– Ее здесь нет. Она жива и находится в замке. Хоукмун дрожащей рукой взял коня под уздцы.

– Рыцарь, он... Он ничего с ней не сделал?

– Это вы должны выяснить сами, герцог Дориан, – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом показал на парадный вход. – Через эту дверь вы попадете в покои Безумного Бога. Сразу за дверью короткий коридор, ведущий в главный зал. Там он сидит и ждет вас...

– Он знает обо мне?

– Он знает, что однажды к нему придет законный владелец Красного Амулета и потребует его обратно...

– Мне нет дела до амулета. Мне нужна только Иссельда. Где она, Рыцарь?

– В замке. Она в замке. Ступайте, требуйте у него и девушку, и амулет. В замыслах Рунного Посоха они оба играют важную роль.

Повернувшись, Хоукмун бросился к двери и исчез в сумраке, царящем за порогом.

В замке было невероятно холодно. В коридоре капала с потолка ледяная вода, стены обросли мхом. Ожидая нападения, Хоукмун крался в полумраке с мечом в руке.

Но ничего не случилось. Он подошел к высокой (футов двадцать пять) двери и остановился, прислушиваясь.

За дверью раздавались странные звуки, похожие на громкое, но невнятное бормотание. Хоукмун осторожно налег на дверь, она поддалась. Просунув голову в щель, он увидел

необыкновенную картину.

Пропорции зала были причудливо искажены. Кое-где потолок спускался почти до пола, в других местах поднимался футов на пятьдесят. Окна отсутствовали; помещение освещалось несколькими факелами, укрепленными на стенах. В центре зала, окруженное трупами, лежащими здесь, видимо, уже давно, стояло большое кресло черного дерева, а перед ним покачивалась подвешенная к потолку огромная клетка, похожая на птичью. В клетке, сгорбившись, сидел человек.

Кроме него в этом странном зале не было ни души. Хоукмун осторожно вошел и приблизился к клетке.

Именно из нее и доносились звуки, которые он слышал за дверью – бормотание и стоны. Казалось невероятным, что человек способен так громко говорить и стонать. Хоукмун решил, что причиной тому – необыкновенная акустика зала.

В тусклом свете факелов человек в клетке был едва различим.

– Кто вы? – спросил Хоукмун. – Узник Безумного Бога? Стоны прекратились, и человек пошевелился. Затем Хоукмун услышал гулкий меланхолический голос:

– Да, можно сказать и так. Самый несчастный из его узников. Хоукмун уже привык к темноте и смог разглядеть незнакомца как следует. Он был долговяз и очень худ, с длинной цыплячьей шеей. Седые волосы свалились в космы; грязный клин бороды выдавался вперед почти на фут. У него был длинный орлиный нос; в глубоко посаженных глазах светилось тоскливое безумие.

– Я могу вас спасти? – спросил Хоукмун. – Может быть, удастся раздвинуть прутья решетки?

Человек пожал плечами:

– Дверь клетки не заперта. Моя тюрьма – не клетка, а мой череп. О, горе мне!

– Кто вы?

– Когда-то меня называли Стальниковым. Я из древнего рода Стальниковых.

– И вы – в плену у Безумного Бога?

– Да. В плену. Да, именно так, – узник лениво повернул огромную голову и с унылым видом уставился на Хоукмуна. – А вы кто?

– Дориан Хоукмун, герцог Кельнский.

– Германец?

– Когда-то Кельн принадлежал стране, которую называли Германией.

– Я боюсь германцев, – Стальников отодвинулся подальше от Хоукмуна.

– Меня вы можете не бояться.

– Ну да? – Стальников захихикал, и эхо этого безумного смеха раскатилось по залу. – В самом деле?

Он сунул руку за пазуху и вытащил предмет, висевший у него на шее. Этот предмет напоминал огромный рубин и светился темно-красным светом. Хоукмун увидел на нем символ Рунного Посоха.

– Разве ты не тот немец, который должен лишить меня могущества?

– Красный Амулет?! – воскликнул потрясенный Хоукмун. – Откуда он у вас?

– Что значит – откуда? – зловеще ухмыляясь, переспросил Стальников и поднялся на ноги. – С трупа воина, тридцать лет назад проезжавшего по этим землям. Его подстерегли и убили мои слуги, – он гладил амулет, и тот разгорался ярким, слепящим светом. – Это и есть Безумный Бог. Это и есть источник моей болезни и моего могущества. Я у него в плену.

– Ты – Безумный Бог! Где моя Иссельда?

– Иссельда? Девушка? Новенькая девушка со светлыми волосами и нежной белой кожей? А почему ты о ней спрашиваешь?

– Она – моя!

– Тебе не нужен амулет?

– Мне нужна Иссельда.

Смех Безумного Бога прогремел в зале, многократно отразившись от стен.

– Так ты ее получишь, германец!

Он захлопал в ладоши, похожие на клешни, и заметался по клетке, словно марионетка, которую дергают за одну-единственную нить.

– Иссельда, девочка моя! Иссельда! Иди-ка сюда, сделай одолжение своему господину!

Из ниши в стене, где потолок почти соприкасался с полом, вышла девушка. Ее силуэт был Хоукмуну знаком, но герцог не был уверен, что это его невеста. И все же... «Да, это она. Ее походка, ее тело».

Его губы растянулись в счастливой улыбке. Он шагнул к ней, протягивая руки.

С диким звериным визгом девушка бросилась к нему. На ее пальцах были наперстки с металлическими когтями, из одежды торчали шипы, лицо исказила гримаса.

– Убей-ка его, красотка Иссельда! – хихикал Безумный Бог. – Убей его, цветочек мой, и получишь в награду его потроха!

Хоукмун едва успел закрыть глаза руками. Металлические когти рассклели кожу на тыльной стороне его ладони. Он отпрянул

от девушки.

– Иссельда, опомнись! Я – Дориан, твой жених...

Но безумные глаза не узнавали его, а из оскаленного рта текла слюна. Острые когти снова метнулись к лицу герцога, и он едва увернулся.

– Иссельда...

Безумный Бог хохотал, вцепившись в прутья решетки:

– Убей его, мой цыпленочек! Разорви ему горло!

– Что за сила лишила ее воли? Что заставило ее забыть о любви?

– Сила Безумного Бога, подчинившая и меня, – ответил Стальников. – Красный Амулет всех обращает в рабство.

– Да – если он в недобрых руках... – Хоукмун снова увернулся от когтей Иссельды и бросился к клетке.

– Руки, в которые он попадет, обязательно станут недобрыми, – со смехом произнес Стальников, когда когти разорвали Хоукмуну рукав. – Любые руки!

– Только не руки слуги Рунного Посоха! – произнес гулкий голос. В дверном проеме стоял Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

– Помоги! – крикнул ему Хоукмун.

– Я не вправе, – ответил Рыцарь.

Убегая от разъяренной Иссельды, Хоукмун споткнулся, и тотчас когти впились ему в плечи. Он схватил ее за запястья и вскрикнул от боли – в ладони вонзились острые шипы. Но все же он сумел высвободиться и отшвырнуть девушку, а потом бросился к клетке, где верещал от восторга Безумный Бог.

Подпрыгнув, он ухватился за прутья решетки и подтянулся. Потом ударил Стальникова, и тот упал. Клетка дергалась и кружилась; Иссельда приплясывала внизу, пытаясь дотянуться до Хоукмуна.

С круглыми от ужаса глазами Стальников жался к прутьям. Подобравшись к двери, Хоукмун распахнул ее и протиснулся в клетку. Внизу в бессильной злобе выла Иссельда; красный свет амулета отражался в ее глазах.

Глядя на чудовище, в которое превратилась его любимая, Хоукмун заплакал. Потом с ненавистью посмотрел на Безумного Бога.

По залу разнесся глухой, скорбный голос Стальникова, направляющего в глаза Хоукмуну луч амулета:

– Назад, смертный! Повинуйся мне! Повинуйся могуществу амулета...

Хоукмун застыл, не сводя глаз с сияющего амулета и чувствуя, как слабеет тело, как тает воля...

– Спускайся! – властно сказал Стальников. – Иди навстречу

своей гибели!

Но Хоукмун напряг всю свою волю и шагнул вперед. Безумный Бог от изумления открыл рот.

– Прочь! – взвизгнул он. – Я повелеваю... именем Красного Амулета...

– Над ним амулет не властен, – твердо произнес Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Не властен только над ним. Герцог Кельнский имеет право его носить.

Стальников вскрикнул и заметался по клетке. У Хоукмуна подкашивались ноги, но он решительно приближался к Безумному Богу.

– Назад! – закричал Стальников. – Прочь из клетки! Иссельда ухватила за прутья и полезла вверх, не сводя с горла Хоукмуна остекленевших глаз.

– Назад! – Стальникову удалось проскочить мимо Хоукмуна к двери и распахнуть ее.

Иссельда вскарабкалась наверх и висела снаружи, скаля зубы и корча страшные гримасы. Безумный Бог стоял к ней спиной, направляя свет амулета Хоукмуну в лицо.

Просунув руку между прутьями, Иссельда ударила Стальникова по затылку. Завизжав, он спрыгнул на пол. Иссельда увидела Хоукмуна и стала пробираться к двери в клетку.

Хоукмун понимал, что сейчас не время убеждать свою обезумевшую невесту. Он проскочил мимо когтистой пятерни, спрыгнул на неровные плиты пола и несколько мгновений лежал, отдыхая.

Видя, что Иссельда тоже вот-вот спрыгнет, он с трудом поднялся. Безумный Бог вскарабкался на высокое кресло и уселся на спинке, как петух на насесте. С его шеи свисал Красный Амулет, а по плечам текла кровь из ран, оставленных когтями Иссельды.

Вереща от страха, он смотрел, как Хоукмун приближается к креслу и забирается на подлокотник.

– Умоляю, оставь меня... – забормотал Стальников. – Я не причиню тебе зла...

– Ты уже причинил мне много зла, – мрачно произнес Хоукмун. – Очень много. Достаточно, чтобы месть стала бальзамом для моей души...

– Иссельда, стой! – закричал Стальников. – Стань такой, как прежде! Повелеваю – именем Красного Амулета!

Обернувшись, Хоукмун увидел, что Иссельда застыла на месте. Потом обвела изумленным взглядом зал. С ужасом посмотрела на когтистые наперстки, на шипы, покрывающие все ее тело.

– Что случилось? Что со мной сделали?

– Тебя загипнотизировало это чудовище, – хрипло произнес Хоукмун, показывая на Стальникова мечом. – Но я отомщу ему за все!

– Нет! – закричал Стальников. – Это нечестно! Иссельда зарыдала. Стальников в страхе озирался:

– Слуги! Где мои воины?!

– Перебили друг друга в угоду своему гнусному хозяину, – ответил Хоукмун. – А тех, кто остался жив, мы взяли в плен.

– Где моя армия женщин? Я хотел, чтобы красота покорила всю Украину! Я хотел вернуть наследство Стальниковых...

– Вот твое наследство, – сказал Хоукмун, поднимая меч. Стальников спрыгнул с кресла и помчался к двери, но резко свернул, увидев Рыцаря-в-Черном-и-Золотом. Он пронесся по залу к противоположной стене и исчез в нише.

Хоукмун поднялся с кресла и повернулся к Иссельде, лежавшей, рыдая, на полу. Опустившись рядом с ней на корточки, он осторожно снял с ее красивых, мягких пальцев наперстки с окровавленными когтями.

Она подняла голову:

– О, Дориан! Как ты меня нашел? Любимый...

– Благодаря Рунному Посоху, – ответил за герцога Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

Хоукмун с облегчением засмеялся:

– А вы настойчивы в своих притязаниях, Рыцарь. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом промолчал. Безликий и неподвижный, как статуя, он стоял, загородив собой выход.

Хоукмун расстегнул застежки костюма с шипами и стал раздевать девушку.

– Найди Безумного Бога, – сказал Рыцарь. – Помни, Красный Амулет – твой. Он даст тебе великую силу.

Хоукмун нахмурился:

– И сведет с ума?

– Нет, болван! Он принадлежит тебе по праву!

Хоукмун помолчал, удивляясь раздраженному тону Рыцаря. Иссельда коснулась руки жениха и сказала:

– Остальное я сделаю сама.

Спрятав меч в ножны, Хоукмун посмотрел во мрак – туда, где исчез Безумный Бог.

– Стальников!

В темноте мелькнуло крошечное пятнышко красного света. Опустив голову, Хоукмун вошел в узкий коридор и услышал рыдания, вскоре ставшие очень громкими. Все ближе и ближе подкрадывался герцог Кельнский к источнику красного света; все

громче и громче звучали рыдания. Наконец он увидел сияющий амулет на шее человека, стоящего возле стены из грубо отесанного камня. В руке у Безумного Бога был меч.

– Тридцать лет я ждал тебя, германец, – сказал вдруг Стальников тихим, спокойным голосом. – Я знал, что ты придешь. Придешь, чтобы сорвать мои планы, разрушить идеалы, погубить все, что мне удалось создать. Но я надеялся одолеть тебя. Возможно, мне это удастся.

И, пронзительно закричав, человек взмахнул мечом.

Хоукмун без труда парировал удар и легко выбил оружие из руки Стальникова. Потом прижал острие своего меча к груди Безумного Бога.

Несколько мгновений Хоукмун смотрел в перепуганные глаза сумасшедшего. Амулет окрашивал лица обоих в алый цвет. Стальников кашлянул, словно прочищая горло, – наверное, хотел взмолиться о пощаде. Но не успел.

Повернувшись на каблуках, Хоукмун пошел прочь от мертвеца и Красного Амулета.

ГЛАВА 4

СИЛА АМУЛЕТА

Хоукмун закутал обнаженную Иссельду в свой плащ. Девушка дрожала и всхлипывала, но не столько от страха, сколько от радости. У выхода неподвижно застыл Рыцарь-в-Черном-и-Золотом.

Внезапно он двинулся с места. Уверенно пройдя через зал, Рыцарь скрылся в темной нише, где лежал труп Безумного Бога.

– О Дориан, возлюбленный мой, если бы ты знал, сколько мне довелось пережить! Я бродила по всему свету, попадала в плен то к одной, то к другой шайке разбойников... Не ведаю даже, что это за место, где мы сейчас, и что творилось со мной в последние дни. Все это похоже на какой-то кошмар. Я словно хотела убить тебя, и желание это было так велико...

Хоукмун стиснул Иссельду в объятиях:

– Нет, дорогая, это был просто сон. Пойдем прочь отсюда. Скоро мы вернемся в Камарг, и все будет хорошо. Что с твоим отцом и с остальными защитниками города?

Она широко раскрыла глаза:

– О, неужели ты не знаешь? А я думала, ты там уже побывал и отправился искать меня...

– Я там не был, но кое-какие слухи до меня дошли. Что с Ноблио, фон Виллахом, графом Брассом?

Она потупилась:

– Фон Виллах погиб от огнемета в бою на северной границе. Граф Брасс...

– Что с ним?

– В последний раз, когда я его видела, он был очень плох, и даже Ноблио не мог его исцелить. Отец был ко всему равнодушен, казалось, ему больше не хочется жить. Он сказал, что Камарг скоро падет. Он считал тебя погибшим – ведь ты не вернулся в назначенный срок, и никаких известий о тебе не было...

У Хоукмуна засверкали глаза:

– Я должен вернуться – хотя бы для того, чтобы вселить в сердце графа надежду. Ведь после твоего исчезновения он, наверное, совсем упал духом.

– Если он вообще жив, – прошептала Иссельда.

– Жив. Камарг еще держится – значит, граф Брасс жив.

В коридоре, по которому Хоукмун вошел в зал, раздался топот бегущих ног. Герцог Кельнский заслонил собой Иссельду и снова выхватил свой боевой меч.

Дверь распахнулась. За ней стояли Оладан и – чуть дальше – д'Аверк. Они тяжело дышали.

– Воины Империи Мрака! – сказал Оладан. – Нам с ними не справиться, слишком уж их много. Похоже, это мародеры – ищут в замке добычу и уцелевших.

Д'Аверк подошел и остановился рядом со зверочеловеком.

– Я пытался их образумить. Говорил, что я выше рангом, чем их командир. Но увы, – он пожал плечами, – похоже, гранбританцы уже не считают д'Аверка за своего. Проклятый пилот орнитоптера умер слишком поздно, успев рассказать поисковому отряду о том, как я вас упустил. Теперь я вне закона, как и вы...

Хоукмун помрачнел:

– Входите и запирайте дверь на засов. Надеюсь, гранбританцы не сумеют ее высадить.

– Это единственный выход? – спросил д'Аверк.

– Похоже на то.

Из темноты вышел Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. Он очень осторожно, за ремешок, нес Красный Амулет, направляясь напрямиком к Хоукмуну.

– Возьми, – сказал Рыцарь. – Он твой. Герцог Кельнский отпрянул:

– Не возьму. Он мне не нужен. Это плохая вещь, из-за нее многие погибли. А кто не умер, тот сошел с ума. Даже Стальников, и тот – жертва амулета. Носи его сам, или найди другого безумца.

– Носить его можешь только ты, – прозвучал из-под забрала твердый голос. – И никто другой.

– Не буду! – Хоукмун кивнул на Иссельду. – Он превратил эту нежную девушку в бешеного, кровожадного зверя. Он повинен в смерти всех, чьи трупы мы видели в деревне. Это он лишил рассудка женщин, которые на нас напали. А по чьей вине мертвы люди, что лежат во дворе замка? – он выбил Красный Амулет из руки Рыцаря. – Я не возьму его! Если Рунный Посох творит зло, я не желаю служить ему!

– Сила Рунного Посоха гибельна только из-за глупцов, – голос Рыцаря звучал по-прежнему убежденно. – Его дарами надо уметь пользоваться, и уж тем более нельзя их отвергать. Ты – слуга Рунного Посоха, и ты обязан взять амулет. Он не причинит тебе вреда. Он даст тебе силу.

– Чтобы убивать и сводить с ума?

– Чтобы творить добро. Чтобы сражаться с ордами Империи Мрака.

Хоукмун презрительно фыркнул. И тут дверь вздрогнула от

сильного удара. Воины Империи Мрака обнаружили их укрытие.

– Нас слишком мало, – сказал Хоукмун. – Может ли Красный Амулет спасти нас? Ведь выход отсюда один – через эту дверь.

– Может, – заверил Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, поднимая и снова протягивая Хоукмуну Амулет.

Дверь трещала под бешеным натиском гранбретанцев.

– Если этот амулет – такая полезная вещь, почему бы тебе самому им не воспользоваться? – спросил Хоукмун.

– Я не должен к нему прикасаться. Иначе со мной случится то же, что и с беднягой Стальниковым. – Рыцарь шагнул вперед. – Возьми. Ведь ты пришел сюда за ним.

– Ошибаешься. Я пришел спасти Иссельду.

– Но она здесь оказалась не случайно.

– Так, значит, меня заманили?

– Нет, это было предопределено. А сейчас ты противоречишь сам себе. Говоришь, что пришел спасти Иссельду, – и не делаешь этого. Отвергаешь амулет, без которого ты почти бессилён. Скоро сюда ворвутся два десятка свирепых воинов, и смерть девушки будет куда страшней, чем наша...

От двери отлетали щепки. Оладан и д'Аверк попятились, выставив перед собой мечи. Д'Аверк сказал:

– Еще минута – и они будут здесь. Прощай, Оладан... и вы, герцог, прощайте. С вами было не так скучно, как...

Хоукмун в нерешительности смотрел на амулет:

– Я не знаю...

– Поверь мне на слово, – сказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Однажды я спас тебе жизнь. Неужели только затем, чтобы отнять ее?

– Не отнять, а подчинить злой воле, – возразил Хоукмун. – Откуда я знаю, что ты действительно посланец Рунного Посоха? С какой стати я должен верить тебе на слово?

– Дверь вот-вот рухнет! – с отчаянием закричал Оладан. – Герцог Дориан, идите к нам! Пусть Рыцарь и девушка спасаются, если смогут!

– Держи! – Рыцарь снова протянул амулет. – Не теряй времени – надо спасти девушку.

Мгновение Хоукмун колебался, затем взял амулет. Держать его на ладони было очень удобно, словно именно для этого он и был предназначен. Казалось, он светит все ярче, заливая алым сиянием огромный зал с кривыми стенами и причудливым потолком. Возникло ощущение, будто в тело вливается энергия. Хоукмун почувствовал необыкновенную легкость. Движения стали молниеносными, мозг освободился от тяжести тревог и сомнений. Улыбнувшись, герцог Кельнский надел на шею

окровавленный ремешок, а затем поцеловал Иссельду, испытав при этом небывалое блаженство. Выхватив меч, он повернулся к рычащим гранбретанцам, доламывавшим огромную дверь.

Наконец дверь сорвалась с петель и рухнула. В проеме столпились воины в тигриных масках, сверкающих эмалью и драгоценными камнями. Воины сопели, угрюмо рассматривая своих недругов.

Их предводитель вышел вперед:

– Эге, да их тут по пальцам можно пересчитать! Стоило ли силы тратить. Ладно, братья, – они заплатят нам за работу!

ГЛАВА 5

БИТВА В ЗАЛЕ

– Клянусь Рунным Посохом, – прошептал Хоукмун и бросился вперед. – Вот это сила!

Со свистом рассекая воздух, огромный боевой меч обрушился на предводителя Тигров. Затем клинок развернулся налево, и вот уже второй воин полетел на пол. Удар вправо, и разящая сталь разрубила доспехи на третьем гранбританце...

Повсюду виднелись лужи крови и груды искореженного металла. Багровые отблески амулета метались по маскам и доспехам воинов. Хоукмун вместе с друзьями устремился вперед, и от неожиданности гранбританцы растерялись.

Сияние амулета слепило Тигров, и те отступали, прикрывая глаза ладонями и выставив перед собой оружие, ошеломленные необыкновенной быстротой Хоукмуна, яростным напором Оладана и д'Аверка и неторопливой, но грозной поступью Рыцаря-в-Черном-и-Золотом, который раз за разом описывал смертоносный круг огромным двуручным мечом. Казалось, что усталость ему неведома.

На Хоукмуна набросились шесть человек с топорами. Грязно ругаясь, они пытались навалиться на него со всех сторон, не дать ему размахнуться. Но герцог Кельнский одного отшвырнул ногой, другого – локтем, а третьему пронзил маску вместе с черепом – кровь и мозги брызнули сквозь пробоину, когда он выдернул меч.

От таких ударов меч очень скоро затупился и уже не пронзал доспехов; им можно было только рубить, как топором. Улучив момент, Хоукмун вырвал оружие у одного из нападающих. Теперь своим мечом он рубил, а чужим – колол.

– Эге! – воскликнул он. – А этот Красный Амулет – стоящая вещь!

Амулет болтался у него на шее, и алые лучи превращали потное, искаженное свирепой радостью лицо герцога в демоническую маску.

Уцелевшие Тигры бросились бежать, но Рыцарь и д'Аверк преградили им дорогу.

Убивая гранбританцев, Хоукмун мельком увидел Иссельду. Она закрыла лицо ладонями, не желая смотреть на резню, в которой участвовали ее жених и его товарищи.

– До чего же приятно карать эту нечисть! – крикнул ей Хоукмун. – Не прячь глаза, Иссельда! Смотри, пришел наш час!

Но девушка упорно прятала глаза.

Повсюду валялись скорченные трупы. Тяжело дыша, Хоукмун озирался и не видел живых врагов. Внезапно силы покинули его. Выронив чужой меч, он сунул в ножны собственный и поднес к глазам Красный Амулет. И увидел на нем контуры тех же узоров, что и на Рунном Посохе, только менее причудливые.

– Первое, что ты для меня сделал, – это помог пролить кровь, – пробормотал он. – Я благодарен тебе, но все-таки боюсь, что ты предназначен не для добрых дел...

Амулет вдруг замерцал. Хоукмун вопросительно посмотрел на Рыцаря-в-Черном-и-Золотом:

– Он тускнеет. Почему?

– Он получает энергию издалека и накапливает ее постепенно. Придет срок, и он снова засветится, – Рыцарь помолчал, наклонил голову, прислушиваясь, затем добавил: – Я слышу шаги. Мы убили не всех воинов.

– Так пойдем, устроим им взбучку! – Д'Аверк согнулся в поклоне, жестом приглашая Хоукмуна пройти вперед. – Уступаю вам путь, друг мой. Похоже, вы вооружены лучше всех нас.

– Нет, – возразил Рыцарь. – Первым пойду я. Сила амулета на время исчерпана. Пойдем!

Он направился к дверному проему. Д'Аверк и Оладан устало двинулись следом. Хоукмун встретился взглядом с Иссельдой.

– Хорошо, что ты их убил, – твердо произнесла она.

– Они жили, как псы, и умерли собачьей смертью, – тихо сказал Хоукмун. – Как и должны умирать слуги Империи Мрака. А нам сейчас снова придется биться с подобными им. Крепись, любимая, – нам грозит большая опасность.

Новый отряд воинов Империи Мрака ворвался в коридор – и тут же отхлынул от закованного в броню Рыцаря. Воины были потрясены, увидев, что из схватки с двадцатью их товарищами пятеро чужаков вышли целыми и невредимыми.

Солдаты Гранбретании с криками высыпали во двор, усеянный трупами, и попытались построиться. Четверо воинов, стоявших перед ними, выглядели устрашающе, с ног до головы забрызганные подсыхающей кровью и мозгами.

Было холодно, по-прежнему моросил серый дождь. Во дворе Хоукмун и его спутники почувствовали себя бодрее, только что одержанная победа придала им уверенности в себе. Хоукмун, Д'Аверк и Оладан по-волчьи скалили зубы, глядя на врагов, и презрительно ухмылялись. Гранбретанцы топтались на месте, не решаясь напасть на них, хотя значительно превосходили их числом. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом показал на подъемный мост.

– Прочь! – гулко выкрикнул он. – Или вы умрете, как ваши собратья.

«Любопытно, – подумал Хоукмун, – он блефует или всерьез верит, что без помощи Красного Амулета мы способны одолеть такую толпу?»

Это так и осталось для него загадкой, потому что по мосту в замок вбежал новый отряд воинов. Они быстро расхватили разбросанное по двору оружие.

Разъяренные женщины Безумного Бога выбрались из сетей.

– Покажи им амулет, – прошептал Хоукмуну Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Женщины привыкли подчиняться ему. Именно ему, а не Безумному Богу.

– Но ведь он погас, – возразил Хоукмун.

– Неважно. Покажи.

Сорвав с шеи Красный Амулет, Хоукмун помахал им над головой.

– Остановитесь! Именем Красного Амулета повелеваю уничтожить их... – Он показал на воинов Империи Мрака. – Вперед, за мной!

Хоукмун прыгнул вперед, и затупившееся в недавней битве лезвие меча обрушилось на стоявшего поблизости воина. Солдат упал за смертью.

Женщин было ненамного больше, чем гранбретанцев, но они с радостью взялись за дело и быстро добились успеха. Д'Аверк вскоре закричал:

– Пусть они сами заканчивают... Мы можем бежать. Хоукмун пожал плечами:

– Наверняка поблизости рыщет не одна стая гранбретанских псов. Вряд ли они дадут нам далеко уйти.

– Идите за мной, – вмешался Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Пора, наконец, выпустить на волю зверей Безумного Бога...

ГЛАВА 6

ТВАРИ БЕЗУМНОГО БОГА

Рыцарь указал своим спутникам на огромный, обитый железом люк, состоящий из двух створок. Раставив в стороны лежащие на них трупы, они ухватились за большие железные кольца и подняли створки. Теперь перед ними оказалась длинная каменная лестница, ведущая куда-то в темноту.

В теплом воздухе, поднимавшемся снизу, Хоукмун уловил какой-то знакомый запах и застыл в нерешительности. Ему показалось, что в запахе этом таится какая-то опасность.

– Ничего не бойтесь, – подтолкнул его Рыцарь. – Нужно идти. Это единственный способ выбраться отсюда.

Дориан Хоукмун медленно двинулся вниз, остальные – за ним. Вскоре они оказались в длинном темном зале. В конце зала находилось что-то большое, неразличимое. Хоукмун хотел подойти и посмотреть, но Рыцарь остановил его:

– Не спеши. Сначала – к зверям. Они в стойлах.

Хоукмун сообразил, что длинный зал – это нечто вроде хлева. Из четырех огромных стойл, примыкающих к стенам, доносились возня и урчание. Внезапно одна дверь содрогнулась, словно изнутри на нее навалилась огромная туша.

– Это не кони, – сказал Оладан. – И не волы. Сдается мне, тут пахнет кошками.

– Да, верно, – кивнул Хоукмун, сжимая эфес меча. – Это запах кошек. Но какой нам от них прок?

Сняв со стены факел, д'Аверк возился с кремнем и огнивом. Вскоре факел вспыхнул, и Хоукмун разглядел в конце хлева огромную колесницу, достаточно большую, чтобы увезти их всех.

– Откройте стойла, – приказал Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, – и запрягите кошек.

– Кошек? В колесницу? – Хоукмун резко обернулся. – Слыханное ли дело? Я бы не удивился, услышав такое от Безумного Бога, но от вас... Это же дикие звери, если выпустить их, они растерзают нас в клочья.

Словно в подтверждение его слов, в стойле раздался душераздирающий вой, подхваченный остальными животными. Спустя мгновение в хлеву бушевал такой кошачий концерт, что люди не слышали друг друга.

Когда шум слегка утих, Хоукмун пожал плечами и направился к скату:

– У нас есть кони. Если кто и вывезет нас отсюда, то только

они.

– Неужели ты еще не понял, что мне можно верить? – спросил Рыцарь. – Разве я обманул тебя, когда говорил о силе Красного Амулета? И обо всем остальном?

– Я еще не уверен, можно ли тебе полностью доверять, – возразил Хоукмун.

– Ты же не станешь отрицать, что безумные женщины подчинились амулету?

– Не стану.

– Так вот, звери Безумного Бога тоже приучены подчиняться владельцу амулета. Какой мне смысл лгать тебе, Хоукмун?

Герцог Кельнский пожал плечами.

– С тех пор, как я впервые повстречался с подданными Империи Мрака, мне повсюду мерещится обман. Не знаю, выгодно тебе лгать или нет, но все же... – он подошел к ближайшему стойлу и взялся за деревянный брус. – Я устал спорить. Сейчас увидим, прав ты или нет.

Едва он отодвинул засов, дверь стойла распахнулась от удара огромной лапы. В проеме показалась голова – крупнее бычьей, страшнее тигриной – с острыми ушами, узкими желтыми глазами и длинными желтыми клыками. Урча, кошка бесшумно выскользнула из стойла и окинула людей алчным взглядом. Вдоль спины чудовища росли двухфутовые шипы того же цвета, что и клыки. Эти шипы спускались от затылка до основания хвоста, который, в отличие от обычного кошачьего, заканчивался колючками.

– Живая легенда! – ахнул д'Аверк, утративший на миг свой бесстрастный вид. – Боевой ягуар-мутант из Краснокитая. Я видел изображения таких тварей в одном старом зверинце. Говорят, их и на свете-то никогда не было, а если и были, то тысячи лет назад. Будто бы они появились в результате какого-то мерзкого биологического эксперимента и не могли размножаться...

– Да, не могли, – перебил его Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, – зато живут они чуть ли не вечно...

Кошка повернула к Хоукмуну огромную морду. Длинный колючий хвост бил по полу, желтые глаза застыли на амулете, который висел у герцога на шее.

– Прикажи ей лечь, – сказал Рыцарь.

– Лечь! – скомандовал Хоукмун, и горящие глаза зверя в тот же миг погасли, а пасть закрылась. Кошка покорно опустилась на пол.

Хоукмун улыбнулся:

– Рыцарь, я прошу прощения. Давай выпустим остальных. Оладан, д'Аверк...

Его товарищи открыли остальные двери, а Хоукмун обнял Иссельду за плечи.

– Любимая, эта колесница отвезет нас домой. – Вдруг он спохватился. – Рыцарь, а как же мои седельные сумки? Наверное, они еще на коне, если их не взяли эти псы...

– Подожди здесь, – сказал Рыцарь, поворачиваясь и направляясь к скату. – Я взгляну.

– Я сам взгляну, – возразил Хоукмун. – Я знаю, где...

– Нет, – сказал Рыцарь. – Пойду я.

В душе Хоукмуна проснулись подозрения:

– Почему – ты?

– Только тебе и амулету подчиняются звери Безумного Бога. Если ты выйдешь отсюда, они всех разорвут.

Хоукмун неохотно шагнул назад. Рыцарь-в-Черном-и-Золотом решительно поднялся по скату и исчез наверху.

Из стойл выбрались еще три кошки, похожие на первую. Оладан нервно кашлянул:

– Герцог Дориан, вы бы напомнили им, что они должны вас слушаться, – сказал он.

– Лечь! – рявкнул Хоукмун, и звери лениво выполнили приказ. Подойдя к одной из кошек, герцог Кельнский положил ладонь на толстую шею и почувствовал, как под густой, жесткой шерстью перекачиваются твердые как сталь мускулы. Кошки были ростом с коня, но весили намного больше и, судя по всему, обладали чудовищной силой. Очевидно, эту породу вывели не для того, чтобы возить колесницы.

– Разверните повозку, – велел Хоукмун спутникам, – и запрягите в нее этих тварей.

Д'Аверк и Оладан выкатили колесницу на середину хлева. Она была изготовлена из черной меди и зеленого золота; пахло древностью. Только упряжь у колесницы была сравнительно новой. Ягуары-мутанты ворчали, когда люди слишком туго затягивали ремни на их мордах и плечах.

Когда все было готово, Хоукмун жестом велел Иссельде садиться в колесницу.

– Дождемся возвращения Рыцаря, – сказал он, – и отправимся в путь.

– А куда он пошел? – поинтересовался д'Аверк.

– Искать мои вещи.

Д'Аверк пожал плечами и опустил на лицо огромную маску:

– Боюсь, ждать придется долго. А я, признаюсь, буду очень рад, когда этот замок останется далеко позади. Здесь пахнет смертью и злом.

Оладан показал вверх, доставая меч:

– Вот откуда идет этот запах, д'Аверк.

Наверху стояли шесть или семь воинов из Ордена Ласки. Казалось, их длинномордые маски дрожат от нетерпения, охватившего кровожадных гранбританцев при виде новых жертв.

– Живо в колесницу! – приказал Хоукмун, как только Ласки двинулись по скату вниз.

На колеснице был облучок для кучера, а рядом, на козлах для дровиков, лежал кнут с длинным кнутовищем.

Вскочив на облучок, Хоукмун схватил кнут и щелкнул им над головами животных:

– Вставайте, красотки! Ну, живо! Кошки медленно поднялись на лапы.

– А ну, пошли! Вперед, вперед!

Колесница рванулась и, кренясь, понеслась вверх по скату. Ласки завопили от ужаса и бросились врассыпную. Кому-то из них удалось прыгнуть со ската, но большинство нашло свою смерть под могучими когтистыми лапами и железными ободами колес.

Необыкновенная колесница выехала в серый свет дня и врезалась в толпу Ласок, собравшуюся у люка.

– Где Рыцарь? – закричал Хоукмун, перекрывая вой охваченных ужасом гранбританцев. – Где мои седельные сумки?

Но Рыцаря и своего коня Хоукмун не увидел.

Воины Империи Мрака опомнились и бросились на колесницу с обнаженными мечами. Хоукмун стал хлестать их кнутом, а Оладан и д'Аверк – рубить мечами.

– К воротам, герцог! – закричал д'Аверк. – Быстрее! Они нас вот-вот одолеют!

– Где Рыцарь? – озираясь, повторил Хоукмун.

– Снаружи, где же еще?! – в отчаянии крикнул д'Аверк. – Герцог Дориан, не теряйте времени, не то мы погибнем!

В этот миг Хоукмун увидел вдали своего коня. Седельных сумок на нем не было, и куда они пропали, оставалось только догадываться.

– Где Рыцарь-в-Черном-и-Золотом? – снова закричал охваченный паникой герцог. – Надо его найти! Мне нужны сумки! То, что в них находится, может спасти Камарг!

Оладан схватил его за плечи и настойчиво произнес:

– Зато нас ничто не спасет, если мы сейчас же не уедем отсюда. Подумайте об Иссельде, герцог Дориан!

Хоукмун чуть с ума не сошел от отчаяния, но постепенно слова Оладана дошли до его сознания. Закричав во весь голос, герцог Кельнский обрушил кнут на спины животных. Колесница вылетела за ворота, прогромыхла по мосту и помчалась вдоль

берега. Звери Безумного Бога неслись во всю прыть, словно за ними гнались все орды Гранбритании.

Потом кошки свернули и, словно ураган, понесли колесницу прочь от замка и озера, окутанного туманом, прочь от деревни с ее лачугами и трупами, к подножию холмов, по разбухшей от дождя дороге между мрачными обрывами, и дальше – по широкой равнине. Там дорога обрывалась, но бег ягуаров-мутантов не замедлился.

– Если я и могу на что-нибудь пожаловаться, – заметил д'Аверк, вцепившийся в борт колесницы, – то лишь на слишком быструю езду.

Оладан попытался ухмыльнуться, но ухмылки не вышло – слишком уж сильно лязгали челюсти от тряски. Скорчившись, зверочеловек сидел на дне колесницы и придерживал Иссельду, когда повозка подсакивала на ухабах.

Хоукмун промолчал. Бледный от гнева, он крепко сжимал поводья. Он был уверен, что человек, назвавшийся его главным союзником в борьбе с Темной Империей, человек, казавшийся воплощением честности, обвел его вокруг пальца.

ГЛАВА 7

ПОЕДИНОК В ТАВЕРНЕ

– Хоукмун, друг мой, во имя Рунного Посоха, умоляю вас, остановитесь! Вы сошли с ума!

Взволнованный д'Аверк пытался схватить Хоукмуна за руку. Вот уже несколько часов их колесница неслась, не разбирая дороги. Они вброд пересекли два потока, а теперь углубились в лес. В любой миг повозка их могла налететь на дерево и разбиться вдребезги, что означало бы верную гибель путешественников. Даже могучие кошки ослабели, но Хоукмун словно ничего не замечал вокруг себя и продолжал нахлестывать зверей.

– Хоукмун! Да ты сошел с ума!

– Меня предали! – закричал в ответ Хоукмун. – Предали! В тех сумках я вез Камаргу спасение, а Рыцарь-в-Черном-и-Золотом украл их! Он обманул меня! Всучил мне никчемную побрякушку, а забрал машину, которая может творить чудеса! Вперед, звери! Вперед, будьте вы прокляты!

– Дориан, послушайся д'Аверка! – взмолилась Иссельда. – Ты нас погубишь и сам погибнешь – а какая польза графу Брассу и Камаргу от мертвецов?

Колесница взлетела и с грохотом ударилась о землю, едва не развалившись на части.

– Дориан! Опомнись! Рыцарь не предал нас! Он нам помогал! Наверное, его убили враги... Убили и забрали сумки.

– Нет! Я еще в хлеву догадался, что он замыслил измену! Он сбежал и унес подарок Ринала!

Однако слова девушки действовали на Хоукмуна отрезвляюще. Длинный кнут перестал гулять по бокам животных, и те сразу умерили свой бег. Усталость брала свое.

Молодой герцог уступил вожжи д'Аверку, медленно опустил на дно колесницы и закрыл лицо ладонями.

Д'Аверк остановил кошек, и те, тяжело дыша, без сил повалились на землю.

Иссельда пригладила растрепанные волосы Хоукмуна.

– Дориан, милый, Камаргу нужен только ты. Не знаю, на что способна машина, о которой ты говоришь, но уверена, что от нее мало проку. Зато у тебя есть Красный Амулет, а уж он-то нам наверняка пригодится.

Сквозь сплетение ветвей светила луна. Выбравшись из колесницы, д'Аверк и Оладан размялись, растерли ушибленные

места и отправились за хворостом.

Хоукмун запрокинул голову. В лунном свете лицо его было белым, а Черный Камень во лбу зловеще поблескивал. Герцог Кельнский тоскливо посмотрел на Иссельду и вымученно улыбнулся:

– Спасибо, что веришь в меня, Иссельда. Но, боюсь, одного Дориана Хоукмуна недостаточно, чтобы победить Гранбританию. Теперь, после предательства Рыцаря, я сомневаюсь, что нам удастся...

– Дорогой, его предательство не доказано.

– Не доказано, но я был уверен, что он сбежит от нас, как только завладеет машиной. И он догадывался о моих подозрениях. Знаю, машина у него, и он уже далеко. Не знаю, зачем она ему понадобилась и какие цели он преследует. Может, они благороднее и важнее моих, но простить его я не смогу. Он меня обманул. Он меня предал.

– Он служит Рунному Посоху и знает больше, чем ты. Может быть, он хочет сохранить эту вещь. А может, считает, что она опасна для тебя.

– Я не уверен, что он служит Рунному Посоху. С таким же успехом он может служить Империи Мрака. А я поневоле стал орудием в его руках!

– Любовь моя, нельзя быть таким подозрительным.

– Приходится, – вздохнул Хоукмун. – Я буду в каждом видеть врага, пока не падет Империя Мрака или пока я не погибну, – он привлек девушку к себе и положил голову ей на грудь. Вскоре он заснул и проспал до утра.

Утро выдалось холодное, но солнечное. Мрачное настроение Хоукмуна рассеялось вместе с глубоким сном, и его спутники, выспавшись, тоже повеселели. Все проголодались, даже зверимутанты высунули языки и следили за людьми жадными, злыми глазами. Проснувшись раньше всех, Оладан смастерил лук и несколько стрел и отправился на поиски дичи.

Покашливая, д'Аверк натирал свой огромный шлем найденным в колеснице лоскутом сукна.

– Как бы этот западный воздух не повредил моим слабым легким, – пожаловался он. – Я бы предпочел снова оказаться где-нибудь на востоке, хотя бы в Красноките. Я слышал, это благородная, цивилизованная страна, и там бы моим талантам нашлось достойное применение. Возможно, я бы дослужился там до высокого ранга.

– А от короля-императора вы уже не надеетесь получить награду? – насмешливо спросил Хоукмун.

– Разве что подобную той, которую он обещал вам, – ответил

д'Аверк. – Ах, если бы проклятый пилот скончался чуть раньше... К тому же есть свидетели, что в замке я дрался на вашей стороне... Пожалуй, не стоит связывать с Гранбретанией мои дальнейшие планы.

Пошатываясь под тяжестью двух оленей – по одному на каждом плече – из чащи вышел Оладан. Хоукмун и д'Аверк поспешили к нему на помощь.

– Два выстрела – два оленя, – похвастал зверочеловек. – А оружие, между прочим, сделано наспех.

– А зачем два оленя? – удивился д'Аверк. – Нам и одного-то не съесть.

– А звери? Если их не накормить, то к вечеру они накинутся на нас, и даже Красный Амулет их не остановит.

Разделив одну тушу на четыре части, они бросили мясо тихо рычащим мутантам, а сами занялись изготовлением вертела. После еды Хоукмун вздохнул и улыбнулся:

– Говорят, сытная трапеза избавляет от всех тревог. Признаюсь, я только сейчас в этом убедился. Давненько я так не завтракал. Какое все-таки удовольствие – свежая оленина, да еще в лесу...

– У вас превосходное здоровье, Хоукмун, – сказал д'Аверк, не без ловкости раздлавшись с огромной порцией мяса и брезгливо вытирая пальцы. – Мне бы ваш зверский аппетит.

– А мне – ваш, – засмеялся Хоукмун. – Того, что вы съели, мне хватило бы на неделю.

Д'Аверк с неодобрением поглядел на него.

Иссельда, положив на траву кость с остатками мяса, неожиданно спросила:

– Интересно, здесь есть поблизости город или село? Я охотно купила бы что-нибудь из одежды... – Девушку, чью наготу скрывал лишь плащ Хоукмуна, заметно пробирала дрожь.

– Мы раздобудем одежду, милая, хотя, боюсь, это будет непросто, – смущенно произнес Хоукмун. – Похоже, здесь полно гранбретанцев, и лучше бы нам не задерживаться, а напрямик ехать на юго-запад, в Камарг. Неподалеку отсюда – граница Карпатии. Быть может, там по пути мы заедем в какой-нибудь город.

– Боюсь, жители не придут в восторг, увидев нас на этой повозке, – заметил д'Аверк, ткнув большим пальцем в сторону колесницы. – Другое дело – если один из нас войдет в город пешком. Но где взять денег?

– У меня есть Красный Амулет, – сказал Хоукмун. – Его можно продать...

Д'Аверк сразу помрачнел:

– Глупец! Этот амулет – ваше спасение. И наше. Он не только защищает нас – без него нам не справиться с ягуарами. Сдается мне, вам не амулет ненавистен, а ответственность, которую он на вас налагает.

Хоукмун пожал плечами.

– Возможно. Наверное, я сказал глупость, но все равно, эта вещь мне не нравится. Видели бы вы, что она сделала с человеком, носившим ее тридцать лет!

– Друзья мои, о чем вы спорите? – вмешался Оладан. – Я знал, что рано или поздно нам понадобятся деньги, и пока в замке Безумного Бога вы рубили наших недругов, выковырял у покойников несколько глаз...

– Глаз? – изумленно переспросил Хоукмун, но успокоился, увидев в руке зверочеловека пригоршню драгоценных камней, которые недавно еще украшали тигриные маски.

– Очень предусмотрительно, – кивнул д'Аверк, – мы крайне нуждаемся в припасах, а леди Иссельда – еще и в одежде. Остается решить, кому идти за покупками, когда мы доберемся до Карпатии. На кого из нас горожане обратят меньше внимания?

– Разумеется, на вас, сэр Гьюлам, – усмехнулся Хоукмун. – Если, конечно, вы избавитесь от гранбританских доспехов. Сейчас вы скажете, что у меня во лбу Черный Камень, а у Оладана – шерсть на лице... Но не забывайте, что вы – мой пленник.

– Вот как? Вы меня огорчаете, герцог Дориан. Я-то думал, мы – союзники, сражающиеся с общим врагом, связанные пролитой в бою кровью, спасшие друг другу жизнь...

– Что-то не припоминаю, чтобы вы меня спасали.

– Непосредственно от гибели не спасал, но все-таки...

– Я не расположен отпускать вас на свободу с пригоршней драгоценностей, – продолжал Хоукмун, придав голосу суровость. – И вообще, сегодня я очень недоверчив.

– Герцог Дориан, я готов поклясться своей честью. – Взгляд француза стал твердым, хотя тон оставался беспечным.

– Он – с нами, и не раз доказал это в бою, – вполголоса произнес Оладан.

Хоукмун вздохнул:

– Ладно, д'Аверк. Будь по-вашему – доберемся до Карпатии, пойдете в город.

Д'Аверк закашлялся:

– Проклятый воздух! Он сведет меня в могилу!

Они поехали дальше. Шипастые кошки бежали вполсилы, но все же быстрее любого скакуна. В полдень колесница выехала из леса, а к вечеру впереди показались Карпаты. Внезапно Иссельда заметила на севере крошечные фигурки приближающихся

всадников.

– Они увидели нас, – сказал Оладан, – и, похоже, мчатся наперерез.

Хоукмун схватил кнут.

– Быстрее! – крикнул он зверям. Гигантские кошки понеслись вприпрыжку.

Чуть позже д'Аверк закричал, перекрывая грохот колес:

– Никаких сомнений – это конница Империи Мрака! Похоже, Орден Моржа!

– Видать, король-император всерьез взялся за Украину, – заметил Хоукмун. – Готовится вторжение – иначе зачем здесь столько гранбританских банд? Это означает, что все земли к западу и югу уже покорены.

– Кроме Камарга, надеюсь, – сказала Иссельда. Колесница неслась по степи. Всадники, мчавшиеся наперерез, быстро приближались. При мысли, что Моржи не сомневаются в своей победе, Хоукмун мрачно улыбнулся.

– Оладан, готовь лук, – сказал он. – Есть возможность поупражняться в стрельбе.

Как только воины в уродливых масках из черного дерева и слоновой кости приблизились на выстрел, Оладан выпустил стрелу. Первый всадник упал. В колесницу полетело несколько дротиков, но ни один не достиг цели.

Потеряв троих, Моржи отстали, и кошки потащили колесницу к ближайшему отрогу Карпат.

Через два часа стемнело, и седоки решили остановиться на ночлег.

Спустя три дня они с тоской рассматривали склон горы. Два дня из этих трех были потрачены на тщетные поиски пути для колесницы, и теперь ничего не оставалось, как оставить ее и дальше идти пешком.

Если всадники-Моржи преследовали их, то сейчас они должны были находиться совсем близко. Они наверняка узнали Хоукмуна, приговоренного королем-императором к смерти, и стремились во что бы то ни стало настичь его.

Спотыкаясь и оступаясь, Хоукмун и его спутники карабкались, оставив позади колесницу и выпряженных зверей.

Приближаясь к огибающему гору карнизу, по которому, похоже, можно было спускаться без особого риска, Хоукмун услышал за спиной лязг оружия и конский топот. Обернувшись, он увидел внизу несколько всадников из тех, что преследовали колесницу на равнине.

– На таком расстоянии они без труда перебьют нас дротиками, – мрачно произнес д'Аверк. – И укрыться негде.

– У нас тоже есть для них кое-что, – улыбнулся Хоукмун и закричал: – Звери! Ату! Убейте их, мои кошечки! Повинуйтесь воле Амулета!

Взгляды ягуаров-мутантов устремились на гранбританских воинов, которые с торжествующими воплями приближались к своим врагам, не замечая шипастых хищников.

В тот момент, когда предводитель Моржей поднял дротик, звери прыгнули.

Иссельда шла вперед, не оборачиваясь на крики ужаса и боли. Вскоре шум стих, но над горами долго разносилось эхо звериного рыка, от которого в жилах у людей стыла кровь. Ягуары пировали, терзая тела своих жертв.

На другой день путники перевалили через хребет и спустились в зеленую долину. Перед ними как на ладони лежал мирный городок с красными черепичными крышами.

Полюбовавшись на городок, д'Аверк протянул руку.

– Камешки, друг мой Оладан. Надо идти. Клянусь Рунным Посохом, в рубашке и бриджах я себя чувствую почти голым.

Он забрал у горца камни, подбросил их на ладони, подмигнул Хоукмуну и пошел вниз по склону.

Его товарищи лежали в траве и смотрели, как он, насмистывая, идет к городу. Затем д'Аверк исчез среди домов.

Прошло четыре часа. Поймав негодующий взгляд Хоукмуна, Оладан поджал губы и потупился.

А затем вновь появился д'Аверк, но он был не один. Встревоженный, Хоукмун не сразу сообразил, что воины, сопровождавшие его, – из грозного Ордена Волка, прежде подчинявшиеся барону Мелиадусу. Неужели они узнали д'Аверка и захватили его? Нет! Совсем напротив – д'Аверк, похоже, в самых дружеских отношениях с Волками. Махнув солдатам рукой, он повернулся на каблуках и направился к укрытию, где лежали Хоукмун и Оладан.

Хоукмун с удивлением смотрел, как воины в волчьих масках возвращаются в городок.

– Вот пройдоха! – ухмыльнулся Оладан. – Наверное, убедил их, что он – невинный путешественник. Похоже, здесь гранбританцы пока еще ведут себя прилично.

Приблизившись, д'Аверк сбросил с плеча большой узел. В нем оказались несколько рубашек и бриджей, а также изрядный запас еды: сыр, хлеб, колбаса, отварное мясо и тому подобное. Потом он выгреб из кармана и вернул Оладану большую часть камней.

– Все это стоило недорого, – пояснил француз и нахмурился. – Герцог Дориан, в чем дело? Вы чем-то недовольны? К сожалению, я не достал платья для леди Иссельды, но бриджи и

рубашка должны ей подойти.

– Мне не нравится, что с вами шли гранбретанцы, – Хоукмун ткнул большим пальцем в сторону городка. – Похоже, вы с ними подружились.

– Признаюсь, я изрядно струхнул, повстречав их, – сказал д'Аверк. – Но они, судя по всему, здесь не зверствуют. Видимо, у них задача соблазнить карпатский народ прелестями своего режима. Наверное, у короля Карпатии сейчас гостит какой-нибудь гранбретанский вельможа. Обычная тактика: сначала золото, а уж потом – сила. Они меня допросили, но без пристрастия. От них я узнал, что сейчас идет война в Шекии и эта страна почти покорена – осталось взять один-два крупных города.

– Надеюсь, о нас вы не упомянули? – спросил Хоукмун.

– Ну что вы!

Хоукмун слегка успокоился.

– Смотрите – четыре плаща с капюшонами, под которыми никто не разглядит наших лиц, – сказал д'Аверк, расправляя один из плащей. – Здесь многие ходят в такой одежде. Я выяснил, что ближайший большой город – на юге, до него всего день пути. Там можно купить коней. Если мы сейчас выйдем, то до утра успеем добраться. Как вам моя идея?

Хоукмун медленно кивнул:

– Разумно. Кони нам нужны.

Город назывался Цорванями и славился конской ярмаркой. На окраине располагались загоны, где можно было выбрать коня на любой вкус – от породистого скакуна до тяжеловоза.

Но к тому времени, как четверо путников пришли в город, торги закончились, и они остановились в таверне неподалеку от загонов, чтобы поужинать, переночевать и утром приобрести все необходимое. Добираясь до таверны, они то и дело встречали на улицах воинов Империи Мрака, но на четверых монахов те не обращали внимания. И неудивительно – в городе находились делегации нескольких монастырей.

В таверне путники заказали вина и еды и склонились над картой, купленной по случаю, выбирая кратчайший путь в Южную Францию.

Внезапно дверь распахнулась, и в помещение ворвался холодный ночной ветер. Сквозь шум голосов и хохот герцог Кельнский услышал хриплый возглас: «Эй, хозяин!» И сразу насторожился. Один из вошедших велел хозяину таверны принести вина и дал понять, что женщины тоже не помешают.

Хоукмун оторвал глаза от карты. У входа стояли Вепри – воины ордена, к которому раньше принадлежал д'Аверк. Коренастые, в огромных шлемах с клыкастыми масками,

закованные в броню, они казались в темноте самыми настоящими кабанами, научившимися ходить на задних лапах и говорить человеческим голосом.

Нервно кашлянув, хозяин таверны спросил, какое вино они предпочитают.

– Хмельное и крепкое! И чтобы вволю! То же самое относится и к девкам. Надеюсь, девки у вас ядреней, чем кобылы? Пошевеливайся, любезный! Мы целый день трудились не покладая рук, покупали коней, способствуя процветанию твоего города. Окажи и ты нам услугу.

По-видимому, кони, которых приобретали Вепри, предназначались для армии, покоряющей соседнюю Шекию.

Украдкой натянув капюшоны, Хоукмун, Оладан, д'Аверк и Иссельда молча прихлебывали вино.

В таверне прислуживали три женщины и трое мужчин, в том числе сам хозяин. Когда одна из служанок проходила мимо предводителя Вепрей, тот схватил ее и прижал кабанье рыло к ее щеке.

– А ну-ка, малютка, чмокни старого хряка!

Девушка вскрикнула и попыталась высвободиться, но не тут-то было.

– Пошли со мной! – проревел Вепрь. – У меня брачный сезон!

– О, нет! Отпустите меня, пожалуйста! – взмолилась девушка. – У меня свадьба через неделю.

– Свадьба? – Воин расхохотался. – Так я тебя кое-чему научу, а ты потом мужа научишь.

Девушка завизжала, вырываясь. Кругом все молчали.

– Пойдем, – хрипло повторил воин. – Ну, не ломайся, детка...

– Ни за что! – девушка зарыдала. – До свадьбы – ни за что!

– Вот незадача! – усмехнулся воин в кабаньей маске. – Ладно, я сам на тебе женюсь, коль уж тебе так охота замуж, – резко обернувшись к четырем путешественникам, сидящим в тени на скамье, он прорычал: – Эй, монахи! Пусть кто-нибудь из вас обвенчает меня с этой красоткой!

Прежде чем Хоукмун и его товарищи успели вмешаться, он подошел, схватил за плечо сидевшую с краю Иссельду и заставил ее подняться. – Обвенчай нас, монах, не то... Да какой же ты монах, клянусь Рунным Посохом?!

С головы Иссельды упал капюшон. Прекрасные волосы рассыпались по плечам.

Хоукмун поднялся со скамьи. Положение было безвыходным, оставалось только драться. Рядом встали Оладан и д'Аверк.

Они одновременно выхватили спрятанные под плащами мечи. И одновременно бросились на воинов, крича женщинам:

«Бегите!»

Пьяные солдаты не ожидали нападения, и это было единственным преимуществом лжемонахов. Скользя между нагрудником и латным воротником, меч Хоукмуна убил предводителя Вепрей прежде, чем тот успел схватиться за оружие. Другому воину Оладан рассек коленные сухожилия, рубанув по незащищенным ногам. Третьему д'Аверк отрубил руку, не защищенную латной рукавицей.

Нижний зал превратился в поле боя. Постояльцы разбежались – кто выскочил в дверь, кто поднялся по лестнице на галерею и оттуда следил за схваткой.

Оладан, не любивший фехтовать в тесном помещении, подобрался к здоровяку-Вепрю сзади и запрыгнул ему на спину. Солдат вертелся, безуспешно пытаясь сбросить маленького горца, а тот норовил воткнуть кинжал в глазное отверстие маски.

Д'Аверку пришлось сражаться с достаточно искусным фехтовальщиком, загнавшим француза на лестницу. На Хоукмуна наседали верзила с топором, а герцогу никак не удавалось избавиться от плаща, сковывавшего движения. Хоукмун едва успевал уворачиваться от тяжелого лезвия, крушившего перила лестницы и столы.

Пытаясь отскочить, он наступил на полу плаща и упал. Воин зарычал и замахнулся для последнего удара; Хоукмун едва успел откатиться, и лезвие топора разрубило край плаща и застряло в полу. Пока Вепрь выдергивал топор, герцог Кельнский вскочил на ноги и что было сил ударил солдата по затылку. Оглушенный, тот упал на колени. Пинком откинув маску с красного, искаженного бешенством лица, Хоукмун всадил меч в разинутый рот; хлынула струя крови. Герцог выдернул меч, и маска с лязгом опустилась.

Он оглянулся. Рядом боролся со своим противником Оладан. Схватив горца за руку, воин почти стащил его с себя.

Сжимая обеими руками рукоять меча, Хоукмун подскочил к Вепрю и ударил его в живот. Клинок пронзил доспех, кожаный колет и плоть. Истошно завопив, воин упал на пол.

Затем Хоукмун и Оладан напали сзади на противника д'Аверка и рубили Вепря, пока тот на растянулся на полу.

После этого им осталось прикончить однорукого, который лежал, привалившись спиной к скамье, и с плачем приставлял к культе отрубленную кисть.

Тяжело дыша, Хоукмун обвел таверну взглядом.

– Неплохо поработали, святые отцы, – заметил он.

– А не сменить ли нам наше обличье на более полезное? – задумчиво произнес д'Аверк.

Хоукмун обернулся к нему:

– О чем это вы?

– Здесь достаточно доспехов на четверых, тем более, что у меня есть свои. Кроме того, я знаю тайный язык Ордена Вепря. Мы можем путешествовать под видом своих заклятых врагов – воинов Империи Мрака. Помните, мы искали способ пробраться через враждебные земли? Вот он, этот способ.

Поразмыслив, Хоукмун вынужден был признать, что предложение д'Аверка – дельное.

– Ладно, – согласился он. – Пожалуй, вы правы. Если мы сможем ехать, не опасаясь гранбретанцев, то доберемся до Камарга довольно скоро.

– Можно не опасаться, что хозяин таверны или кто-нибудь из посетителей проболтается о драке. Гранбретанцы их не пощадят, если узнают, что горожане не помешали нам убить шестерых солдат.

Потирая ушибленную руку, Оладан смотрел, как его товарищи снимают с трупов доспехи.

– А жаль, – заключил он. – Такому подвигу не грех войти в историю.

ГЛАВА 8

ЛАГЕРЬ ГРАНБРЕТАНЦЕВ

– Во имя всех горных великанов, да я и мили в этой кастрюле не проеду, – воскликнул Оладан, тщетно пытаясь приладить уродливый шлем. Вместе с друзьями они примеряли трофейные доспехи в свободной комнате на втором этаже таверны.

Хоукмуна этот маскарад тоже не приводил в восторг. Мало того, что доспехи оказались ему велики, в них было крайне неудобно. Даже хуже, чем в одеянии Волка, которым в свое время снабдил его барон Мелиадус. Броня Вепрей оказалась невероятно тяжелой, так что оставалось лишь пожалеть несчастную Иссельду. Один лишь д'Аверк с радостью воспринял это переодевание, ибо сей наряд был ему вполне привычен, и теперь он с удовольствием поглядывал на своих товарищей.

– Ничего удивительного, что вы жалуетесь на здоровье, – сказал Хоукмун. – У меня сильное искушение отказаться от вашей затеи.

– Ничего, вы быстро привыкнете, – заверил д'Аверк. – В доспехах немного тесно и душно, но вскоре вам не захочется с ними расставаться. Без них вы будете чувствовать себя нагим.

– Уж лучше нагим, – возразил Оладан, стацив, наконец, шлем и швырнув его на пол.

д'Аверк погрозил ему пальцем:

– Поосторожнее! Ему и так досталось. Оладан зло пнул шлем ногой.

Спустя сутки они ехали по Шекии. Все говорило о том, что Империя Мрака уже завоевала эту провинцию: обезлюдившие и разрушенные деревни и города, вдоль дорог – кресты с распятыми на них мертвецами, темное от стервятников небо и черная от трупов земля. Светла была лишь ночь – от пламени пожаров, охвативших города, села, фермы и виллы. А по разоренной земле, завывая, словно демоны из преисподней, носились черные всадники с мечами и факелами в руках.

Уцелевшие жители прятались, а те, кого маленький отряд Хоукмуна встречал на своем пути, бросались наутек. Четверо всадников во весь опор скакали по охваченной ужасом земле, боясь, что несчастные шеки примут их за грабителей и убийц. Но ни друг, ни враг не догадывались, кто они на самом деле, потому что воинов в звериных масках кругом было немало.

Наступило утро, затянутое черным дымом, согретое пожарами – утро покрытых пеплом полей и вытоптаных посевов,

обычное утро страны, раздавленной железным каблуком Гранбретании.

По разбухшей от дождя дороге навстречу четверым спутникам ехали на крепких черных скакунах всадники в темных холщовых плащах с капюшонами. Они сутулились, словно несколько дней не покидали седла.

Когда они приблизились, Хоукмун прошептал:

– Наверняка, это гранбретанцы. Похоже, мы их заинтересовали...

Предводитель темных всадников откинул капюшон, под которым оказалась огромная кабанья маска, более причудливая, чем у д'Аверка. Он натянул поводья, и его солдаты тоже остановили коней.

– Молчите! – шепотом приказал д'Аверк спутникам. – Говорить буду я.

Внезапно предводитель хрюкнул и зафыркал. Хоукмун догадался, что это и есть тайный язык Ордена Вепря. Такие же странные звуки посыпались и из уст д'Аверка.

Разговор длился несколько минут. Француз махал рукой назад, Вепрь дергал головой, указывая рылом в другом направлении. Потом прищпорил коня, и гранбретанцы проехали мимо четверых всадников и понеслись дальше.

– Что ему было нужно? – спросил Хоукмун.

– Спрашивал, не видели ли мы по пути какого-нибудь скота. Это фуражиры, ищут провиант для лагеря.

– Какого лагеря? Где?

– Он говорит, милях в четырех впереди – большой лагерь. Гранбретанцы готовятся к штурму последнего непокоренного города – Брадислы. Я знаю этот город, там замечательная архитектура.

– Значит, мы недалеко от Остерлянда, – сказала Иссельда. – За Остерляндом – Италия, а за ней – Прованс...

– Правильно, – кивнул д'Аверк. – Вы весьма сильны в географии. Но до Камарга, увы, еще далеко, и мы должны преодолеть самую опасную часть пути.

– Что будем делать? – спросил Оладан. – Обогнем лагерь или попытаемся проехать через него?

– Лагерь огромен, и лучше всего было бы проехать напрямик, да еще заночевать там и разведать планы гранбретанцев, – сказал д'Аверк. – Выяснить, известно ли им, что мы путешествуем в этих краях.

Из-под шлема раздался приглушенный голос Хоукмуна:

– Я не уверен, что это не опасно. Но рискнуть, пожалуй, стоит.

– А нам не придется снимать маски, Дориан? – спросила Иссельда.

– Не бойтесь, – усмехнулся д'Аверк. – Многие гранбританцы даже спят в масках. Их и под страхом смерти не заставишь открыть лицо.

Лагерь оказался намного больше, чем они ожидали. В отдалении высились стены Брадислы; отчетливо виднелись шпили и фасады зданий.

– Какая красота! – вздохнул д'Аверк. – Ужасно жаль, что завтра город погибнет. Надо быть безумцами, чтобы сопротивляться такой армии.

– Неужели для взятия этого города нужно столько войск? – удивился Оладан.

– Империи Мрака требуется быстрая победа, – объяснил Хоукмун. – Я встречал и большие армии. Не думаю, что этот лагерь охраняется надежно – он слишком велик. Надеюсь, если мы поставим здесь палатку, то ни у кого не вызовем подозрений.

Повсюду стояли палатки, шатры и даже лачуги; на кострах готовилась всевозможная снедь; в загонах паслись кони, буйволы и мулы. Под присмотром саперов Ордена Муравья рабы волокли по грязи огромные стенобитные машины. На вонзенных в землю древках развевались знамена и значки, отмечая расположение того или иного ордена. У костров кого только не было: Волки, Кроты, Осы, Вороны, Хорьки, Крысы, Лисы, Вепри, Мухи, Собаки, Барсуки, Козлы, Росомахи, Выдры и даже несколько Богомоллов – отборных гвардейцев, чьим магистром был сам король-император.

Хоукмун узнал знамя Адаза Промпа, толстого магистра Ордена Собаки; пестрый флаг Вреналья Фарно, барона Гранбритании и магистра Ордена Крысы; длинный штандарт Шенегара Тротта, графа Суссекского.

Хоукмун понял, что Шекия завоевана почти целиком, – вот почему под Брадислой собралось столько солдат и знаменитых полководцев: почти вся армия Империи Мрака. Он увидел Шенегара Тротта, которого несли в паланкине к его шатру. Наряд графа Суссекского был расшит золотом и драгоценностями; его маска из белого серебра казалась пародией на человеческое лицо.

Шенегар Тротт выглядел изнеженным аристократом, но Хоукмун видел его в сражении у брода Вайзна на Рейне, когда граф под водой проскакал по дну реки до вражеского берега. Вельможи Империи Мрака оставались для герцога Кельнского загадкой. Они казались ленивыми и изнеженными, но при этом были смелы, как звери, с которыми себя отождествляли, а зачастую и смелее, и свирепее этих зверей. Однажды Шенегар

Тротт отрубил руку у кричащего младенца и обглодал ее на глазах у несчастной матери ребенка.

– Ну что ж, – вздохнул Хоукмун. – Поедем напрямик через лагерь. На том конце заночуем, а утром попробуем выбраться.

Они медленно ехали по лагерю. Время от времени д'Аверк отвечал на приветствие какого-нибудь Вепря. На противоположном краю лагеря они спешили и достали походное снаряжение воинов, убитых ими в таверне.

Стоя в стороне, д'Аверк смотрел, как его товарищи готовят ночлег.

– Иначе нельзя, – объяснил он. – Военачальнику моего ранга не пристало трудиться наравне с подчиненными.

Несколько оружейников из Ордена Барсука подкатили к ним тележки, нагруженные запасными топориками, эфесами, наконечниками для стрел и копий. Был там и точильный станок.

– Не нужна ли вам наша помощь, братья Вепри? – спросил один из них.

Хоукмун смело вытащил из ножен затупившийся меч:

– Надо его наточить.

– А я потерял лук и колчан со стрелами, – сказал Оладан, заметив на тележке связку луков.

– А ваш собрат? – спросил солдат в барсучьей маске, показывая пальцем на Иссельду. – У него и вовсе нет меча.

– Так дай ему меч, болван! – рявкнул д'Аверк, и Барсук торопливо подчинился.

Когда они оказались полностью вооружены, Хоукмун почувствовал, что к нему возвращается уверенность. Он был доволен своим хладнокровием, но Иссельда приуныла.

– Еще немного железа, и я свалюсь с ног, – пожаловалась она, ощупывая тяжелый меч, который ей пришлось пристегнуть к поясу.

– Забирайся в палатку, – посоветовал Хоукмун. – Там можно без опаски снять оружие и часть доспехов.

д'Аверк печально смотрел, как Оладан и Хоукмун разводят костер.

– Чем вы так расстроены? – спросил Хоукмун, взглянув на него сквозь щели в маске. – Садитесь, скоро будем ужинать.

– Что-то мне не по себе, – пробормотал француз. – Я всегда чувствую опасность...

– Почему? Думаете, Барсуки заподозрили неладное?

– Нет... – д'Аверк окинул взглядом лагерь. Сгущались сумерки, и воины укладывались спать. На городских стенах рядами стояли войска, готовые сразиться с армией, которой никто, кроме народа Камарга, еще не смог дать отпор.

– Нет, – повторил д'Аверк, – но мне стало бы гораздо легче, если бы...

– Если бы что?

– Если бы вы позволили мне побродить по лагерю и послушать, что говорят солдаты...

– Думаете, это разумно? А если к нам подойдут воины Ордена Вепря? Как мы с ними объяснимся?

– Я не задержусь. А вы, как закончите стряпать, укройтесь в палатке.

Он повернулся и пошел прочь. Хоукмун хотел было остановить его, но побоялся привлечь к себе внимание. Он проводил француза настороженным взглядом.

Внезапно у него за спиной раздался голос:

– Какая роскошная колбаса у вас, братья! Хоукмун повернулся и увидел Волка.

– Да, брат, – откликнулся Оладан. – Угощайся.

Он отрезал кусок колбасы и протянул солдату. Тот поднял маску и сразу опустил, сунув колбасу в рот.

– Спасибо, брат, – прожевав, сказал он. – А то у меня несколько дней крошки во рту не было. Командир наш – зверь, гнал нас от самого Прованса, как проклятых французов.

– От Прованса? – невольно переспросил Хоукмун.

– Ага. Бывали там?

– Случалось раза два. Камарг уже наш?

– Почитай, что взяли. Командир говорит, он и двух недель не продержится. Его ведь некому защищать – офицеров не осталось, да и провиант на исходе. Хоть они и убили миллион наших своим чудо-оружием, теперь им крышка...

– А что слышно об их вожде, графе Брассе?

– Говорят, помер или вот-вот помрет. А войска охвачены паникой. Когда мы туда вернемся, наверное, все уже будет кончено. Хорошо бы, верно? Знали бы вы, сколько месяцев я там проторчал... С самого начала этой распроклятой кампании. Ну, спасибо за колбасу, братья. Хорошей вам завтра драки!

Волк побрел прочь и вскоре исчез в сумраке, испещренном тысячами костров. Хоукмун вздохнул и забрался в палатку.

– Ты слышала? – спросил он Иссельду.

– Да. – Девушка сняла шлем и наколенники и теперь расчесывала волосы.

– Я верю, что отец жив.

Даже темнота не помешала Хоукмуну увидеть слезы на ее глазах. Он обнял ее и сказал:

– Не бойся, Иссельда. Еще несколько дней, и мы будем с ним рядом...

- Если он доживет...
- Он ждет нас. Он доживет.

Спустя некоторое время Хоукмун вышел из палатки. Оладан сидел у гаснущего костра, положив руки на колени.

- Д'Аверк что-то задерживается, – сказал горец.
- Да... – рассеянно произнес Хоукмун, глядя на городские стены. – Не попал ли он в беду?

– Больше похоже на бегство... – Оладан умолк, увидев несколько фигур, появившихся из темноты.

Это были Вепри. Хоукмун похолодел.

– Быстро в палатку! – приказал он, но было поздно – к нему обратился один из воинов. Ничего не разобрав в его ворчании и хрюканье, но приняв эти звуки за приветствие, Хоукмун кивнул и поднял руку. Голос воина зазвучал настойчивее. Хоукмун повернулся и шагнул к палатке, но его остановила сильная рука.

Вепрь снова что-то произнес. Хоукмун кашлянул, показывая на свое горло.

– Брат, я спросил, не выпьешь ли ты с нами вина. А ну, подними маску!

Хоукмун знал, что ни один гранбретанец не вправе требовать этого от брата по ордену – если только не заподозрил в нем чужого. Отступив на шаг, он выхватил меч.

– Извини, брат, я не стану с тобой пить. Но от драки не откажусь.

Оладан вскочил на ноги и встал рядом с мечом в руке.

– Кто ты такой? – прорычал Вепрь. – Почему на тебе чужой шлем? В чем дело?

Хоукмун откинул маску, и воины увидели бледное лицо с блестящим Черным Камнем во лбу.

– Я Хоукмун, – кратко ответил герцог и бросился на изумленных воинов. Хоукмун и Оладан лишили жизни пятерых воинов Империи Мрака, прежде чем на шум схватки сбежались другие. Галопом прискакали всадники. Слыша крики боли и возгласы изумления, Хоукмун поднимал и опускал меч, пока в его руку не вцепилась дюжина чужих рук. Несколько секунд он вырывался, затем его ударили по шее древком копья, и он упал лицом в грязь.

Оглушенного, его поставили на ноги и подтащили к высокому всаднику в латах, смотревшему на схватку издали. Маску Хоукмуна подняли, и всадник всмотрелся в его лицо.

– Какая приятная встреча! – произнес он звучным и вместе с тем зловещим голосом, и Хоукмун ушам своим не поверил, услышав его. – Герцог Кельнский собственной персоной. Выходит, не зря я отправился в такую даль, – добавил всадник, обращаясь к

человеку, стоящему рядом с ним.

– Я очень рад, – отозвался тот. – Надеюсь, мне удастся оправдаться перед королем-императором.

Хоукмун вздрогнул и посмотрел на говорившего. На нем была маска д'Аверка!

– Ты все-таки предал нас! – произнес он заплетающимся языком. – Опять измена! Неужели в этом мире никому нельзя доверять?

Он рванулся, мечтая добраться до горла француза, но воины удержали его.

Д'Аверк рассмеялся:

– До чего же вы наивны, герцог Дориан...

– Остальных взяли? – спросил всадник. – Девчонку и коротышку?

– Да, ваше превосходительство, – ответил один из солдат.

– Приведите их ко мне. Я хочу посмотреть на них поближе. Сегодня у меня удачный день, – добавил он, поворачивая коня.

ГЛАВА 9

ПУТЬ НА ЮГ

Где-то вдалеке прогрохотал гром. Мимо гор мусора и грязи, мимо воинов, у которых злобно поблескивали глаза в прорезях масок, сквозь гомон голосов и суматоху лагеря, Хоукмуна, Оладану и Иссельду подвели к огромному, бьющемуся на ветру, стягу.

Почерневший небосклон расколол зигзаг молнии, и в этой вспышке Хоукмун узнал эмблему на знамени и не удержался от изумленного возгласа. Однако он ничего не успел сказать об этом Оладану с Иссельдой, ибо их втащили в огромный шатер, где в резном кресле восседал человек в маске Ордена Волка. На полотнище, что развевалось над его головой, была эмблема магистра ордена – одного из знатнейших вельмож Гранбритании, главнокомандующего армий Империи Мрака, правой руки короля Хеона – барона Кройденского, которого Хоукмун считал павшим от своей руки.

– Барон Мелиадус! – проворчал он. – Так вы не погибли под Хамаданом!

– Сожалею, но нет, Хоукмун, я не был убит, хотя вы нанесли мне серьезную рану. К счастью, мне удалось уйти живым с поля боя.

На губах Хоукмуна мелькнула улыбка:

– Мало кому из ваших это удалось. Мы ведь разбили вас в пух и прах.

Мелиадус повернул голову в изящной волчьей маске и сказал стоящему поблизости капитану:

– Принесите цепи для этих собак. Самые прочные и тяжелые. И никаких замков – только заклепки. На этот раз я должен твердо знать, что они не сбегут по пути в Гранбританию.

Он встал, подошел к Хоукмуну и сквозь щели в маске впился взглядом в его лицо:

– А тебя часто вспоминали при дворе короля Хеона. Каких только казней мы не придумывали! Радуйся, изменник, – тебя ждут самые изысканные, изощренные пытки! Ты будешь умирать несколько лет, и ужасная боль ни на миг не покинет твоего разума, души и тела.

Он отошел и, протянув руку в латной рукавице, поднял за подбородок искаженное ненавистью лицо Иссельды. Девушка резко отвернулась.

– А что касается вас, дорогая, то я, помнится, предлагал вам

стать моей супругой. На сей раз вы не дождетесь от меня такой чести. Я не стану вас упрашивать, но все равно буду вашим мужем, пока не потеряю к вам всякий интерес или вы не умрете от моих ласк. Он повернулся и окинул взглядом Оладана. – Ну а эта тварь, имеющая наглость ходить на двух ногах, скоро будет ползать и выть. Она у нас живо вспомнит, как должно себя вести животное...

– Еще бы – ведь у меня есть превосходный образец для подражания, – сказал Оладан и плюнул в волчью маску.

Барон круто повернулся, закутался в мантию и отошел к креслу.

– Скоро вы предстанете перед Тронной Сферой, – произнес он срывающимся голосом. – Я не убью вас – на несколько дней у меня хватит терпения. Завтра на рассвете мы отправимся в Гранбританию. В пути сделаем небольшой крюк – я хочу, чтобы вы увидели падение Камарга. Между прочим, я провел там целый месяц, любясь гибелью его защитников и падением башен. Теперь уже недолго ждать. Я приказал войскам отложить решающий штурм до моего возвращения. Думаю, вам приятно будет взглянуть на свою родину... вернее, на то, во что мы ее превратили, – он засмеялся, склонив голову набок. – А вот и цепи!

В павильон вошли воины Ордена Барсука, внеся массивные цепи, жаровню, молоты и заклепки.

Хоукмун, Иссельда и Оладан сопротивлялись, но вскоре тяжесть цепей увлекла их на пол. Затем Барсуки заклепали цепи раскаленным докрасна железом, и Хоукмун с тоской осознал, что ни одно человеческое существо не в силах разорвать такие оковы.

Когда кузнецы закончили работу, к пленникам подошел барон Мелиадус:

– Мы доберемся по суше до Камарга, а оттуда – до Бордо, где нас будет ждать корабль. К сожалению, я не могу вам предложить летающую машину. Почти все наши орнитоптеры сейчас над Камаргом – стирают его с лица земли.

Хоукмун закрыл глаза. Больше он никак не мог выразить свое презрение к врагу.

Утром узников бросили в открытый фургон. Их не кормили до тех пор, пока усиленно охраняемый караван во главе с бароном Мелиадусом не отправился в путь. Время от времени Хоукмун мельком видел своего заклятого врага, ехавшего впереди рядом с сэром Гьюламом д'Аверком.

Погода была по-прежнему пасмурная, гнетущая. На лицо Хоукмуну упало несколько крупных капель, забрызгав глаза. Но протереть их герцог не мог – мешали оковы.

Фургон покачивался и подпрыгивал на ухабах, а вдали, на фоне городских стен, маршировали войска Империи Мрака.

Хоукмуну казалось, что его предали все, кто только мог. Он доверился Рыцарю-в-Черном-и-Золотом – и лишился седельных сумок. Он поверил д'Аверку – и оказался в руках барона Мелиадуса. Герцог тяжело вздохнул, подумав, что и Оладан, возможно, способен предать его, чтобы спасти свою жизнь...

Он погрузился в едва ли не сладостную апатию, которую уже испытывал несколько месяцев назад, в Германии, когда был разбит и попал в плен к барону Мелиадусу. Мускулы его лица онемели, глаза потухли, мысли стали вялыми...

Иногда к нему обращалась Иссельда, но он отвечал односложно, не стараясь ее утешить – зная, что это все равно не удастся. Иногда Оладан пытался приободрить своих спутников, но и он в конце концов затих. Пленники проявляли признаки жизни только во время еды, когда им заталкивали в рот пищу.

Караван быстро приближался к Камаргу. Много месяцев Хоукмун, Оладан и Иссельда мечтали вернуться домой, но возвращение не принесло им радости. Хоукмун корил себя за невезение, за доверчивость, за то, что не сумел спасти Камарг.

Однажды, поравнявшись с фургоном, барон Мелиадус крикнул:

– Дня через два будем в Камарге. Мы только что пересекли границу Италии и Франции.

И он захохотал, пришпорив коня.

ГЛАВА 10

ПАДЕНИЕ КАМАРГА

– Посадите их повыше, я хочу, чтобы они все видели, – приказал барон Мелиадус взмокшим солдатам, которые возились с тремя закованными в цепи узниками. – Да, что-то они скверно выглядят, – добавил он, заглянув в повозку. – Мне казалось, они куда выносливее.

Сопровождавший его д'Аверк закашлялся.

– Как я погляжу, вам также нездоровится, сэр Гьюлам. Разве мой лекарь не изготовил снадобье по вашей просьбе?

– Изготовил, сударь, – жалобно отозвался француз. – Но что-то эта микстура мне не помогла.

– Поразительно, ведь травы, которых он туда намешал, вылечат кого угодно, – Мелиадус перевел взгляд на пленников. – Мы не случайно остановились на этом холме, герцог. Отсюда ваша страна видна как на ладони.

Дориан Хоукмун поднял голову и сощурился от лучей полуденного солнца. Перед ним до самого горизонта расстилалась болотистая равнина его любимой страны. Невдалеке высились мрачные сторожевые башни – в них находилось смертоносное оружие, тайну которого знал только граф Брасс. А пространство между башнями и холмом заполняла огромная черная толпа – тысячи и тысячи отборных воинов Империи Мрака, готовых ринуться в бой.

– О, нет! – всхлипнула Иссельда. – Их слишком много! Они сомнут наших солдат!

– Вы совершенно правы, моя дорогая, – усмехнулся барон Мелиадус.

Главкомандующий и его свита остановились на склоне холма. Внизу, на равнине, стояла армия Гранбритании. Хоукмун видел конницу, пехоту, инженерные батальоны и огромные боевые машины, в том числе гигантскую огненную пушку.

Против Камарга были брошены все виды войск и вооружения. Здесь было много металла: медь и железо, бронза и сталь, золото и серебро, платина и свинец, а также прочные сплавы, способные выдержать выстрел огненного копья. В одном строю здесь стояли Стервятники и Лягушки, Кони и Кроты, Волки и Вепри, Олени и Кошки, Орлы и Вороны, Барсуки и Ласки. Сырой, теплый ветер трепал шелковые полотнища знамен двух десятков вельмож, съехавшихся сюда со всех концов Империи Мрака: желтые, фиолетовые, черные, красные, зеленые, синие и ярко-розовые.

Сотни тысяч «глаз» – драгоценных камней на масках воинов – блестели на солнце.

– Вот такая у меня армия, – рассмеялся барон Мелиадус. – Помните тот день, когда граф Брасс отказался нам помочь? Если бы не его глупость, вы были бы сейчас победоносными союзниками Империи Мрака. Но вы предпочли сопротивляться, и за это будете наказаны. Вы думали, что чудо-оружия, башен и храбрости ваших солдат достаточно, чтобы устоять против Гранбретании? Нет, Дориан Хоукмун, не достаточно. Сейчас ты увидишь, как эта армия, набранная и обученная мною, отомстит Камаргу за все. Сейчас ты убедишься, что твой народ совершил непростительную глупость, – он запрокинул голову и захохотал. – Трепещи, Хоукмун! И ты, Ис-сельда, трепещи, как трепещут ваши друзья, знающие, что еще до заката башни рухнут, а от Камарга останутся только пепел и грязь. Если понадобится, я положу здесь всю армию, но уничтожу эту страну!

И Хоукмун с Иссельдой затрепетали – но не от страха, а от горя. На этот раз у безумного барона была возможность выполнить свою угрозу.

– Граф Брасс мертв, – сказал барон, поворачивая коня. – А теперь умрет Камарг, – он махнул рукой своим всадникам, охранявшим фургон. – Везите их поближе к полю боя. Пусть увидят, как мы потрошим их друзей.

Фургон понесся по склону холма, подпрыгивая на ухабах. Потемневшими от горя глазами пленники смотрели на равнину. Д'Аверк скакал рядом.

– Барон прав: его аптекарь – настоящий волшебник, – сказал он вдруг, покашливая. – Мне его лекарство, правда, не помогло, но надеюсь, солдатам поможет.

Произнеся эти загадочные слова, он пустил коня галопом и обогнал фургон.

По плотным рядам наступающих войск из башен били необыкновенные лучи. Там, где только что шагали воины, оставались лишь борозды взрытой, дымящейся земли. Хоукмун видел боевые порядки камаргцев – редкую цепочку усталых гвардейцев с огнеметами за плечами, верхом на рогатых конях; за ними – ополчение из горожан и крестьян, вооруженных топорами и мечами. Но ни графа Брасса, ни фон Виллаха, ни философа Ноблио среди них он не заметил. В свой последний бой камаргцы шли без предводителей.

До герцога Кельнского донесся боевой клич камаргцев, рев и вой их врагов, треск пушечных выстрелов, лязг и скрежет разрываемого, разрубаемого металла; Хоукмун вдыхал запах людей и животных.

Потом стена огня преградила путь черным полчищам, над которыми летели алые фламинго с наездниками, стреляющими из огненных копий в орнитоптеры.

Словно холодная чужая рука сдавила сердце Хоукмуна. Он рванулся, пытаясь сбросить цепи, мечтая отбить у врагов меч и коня, добраться до армии Камарга и повести ее за собой. Камаргцев осталась лишь горстка, у них не было вождя, но они продолжали сражаться с ордами Империи Мрака. А Хоукмун мог лишь в бессильной злобе звенеть цепями и проклинать своих врагов.

Наступил вечер, а битва была в самом разгаре. На глазах у Хоукмуна в огромную старинную башню разом вонзились тысячи огненных лучей, и, дрогнув, она покачнулась и через мгновение превратилась в груды камней. Ее крушение гранбританцы встретили торжествующим ревом.

Ночную тьму пронзали миллионы огненных стрел; воздух был настолько разогрет, что лица пленников в фургоне покрылись потом. Вокруг них, оживленно переговариваясь и смеясь, сидели часовые-Волки. Они не сомневались в своей победе. Пользуясь тем, что их магистр умчался на коне в самую гущу наступающих войск, они достали бурдюк и, не поднимая масок, потягивали вино через соломинки. Постепенно болтовня и смех утихли, и Хоукмун понял, что часовые спят.

– Волки – опытные вояки, странно, что они уснули все разом, – сказал ему Оладан. – Наверное, они уверены, что мы не убежим.

– Ну и что с того? – спросил Хоукмун, вздохнув. – Нам не избавиться от этих проклятых цепей.

– Что такое? – Послышался голос д'Аверка. – Неужели Хоукмун утратил свой оптимизм? Не могу в это поверить.

– Убирайтесь, – проворчал Хоукмун. – Ступайте лизать сапоги своему господину.

– А я вам кое-что принес, – как ни в чем не бывало продолжал д'Аверк. – Может, пригодится? – На его протянутой ладони лежал какой-то длинный предмет. – Между прочим, это мое лекарство усыпило часовых.

Хоукмун сощурился:

– Что там у вас?

– Одна редкая вещица, которую я нашел на поле боя. По-видимому, она принадлежала крупному военачальнику. Это своего рода огнемет, хотя и небольшой. Как видите, его можно поднять одной рукой.

– Я слышал о таких копьях, – кивнул Хоукмун. – Но какой нам от него прок? Разве не видите, сколько на нас цепей?

– Разумеется, я обратил на это внимание. Но если вы все-таки готовы рискнуть, я попытаюсь вас освободить.

– Новая ловушка? – поинтересовался Хоукмун. – Вы ее с Мелиадусом придумали?

– Хоукмун, вы меня оскорбляете. Что заставляет вас так думать?

– Вы предали нас. Выдали Мелиадусу. Видимо, вы заранее подстроили ловушку, еще в карпатском городишке, когда повстречали там Волков. Через них вы передали весть своему хозяину, а сами повели нас в лагерь, зная, что там с нами легко справиться.

– Вы рассуждаете логично, – согласился д'Аверк, – но можно допустить и такое: Волки узнали меня и поехали за нами следом, а их гонец нас опередил. В лагере я услышал от солдат, что Мелиадус вот-вот схватит вас, и решил опередить события, сказав Мелиадусу, что я заманил вас в ловушку. Ведь это позволило одному из нас остаться на свободе. Что вы на это скажете?

– Скажу, что врать вы мастер.

– Не стану с вами спорить. Времени у нас мало, так что разрешите, я попытаюсь снять с вас цепи, не причинив вам вреда. Или вы предпочитаете остаться здесь, чтобы понаблюдать за ходом сражения?

– Снимите с меня эти проклятые кандалы, – разрешил Хоукмун. – Чтобы я мог придушить вас, если вы лжете.

Направив огнемёт под углом к скованным рукам Хоукмуна, д'Аверк нажал кнопку на рукоятке. Из ствола ударил тонкий луч. Почувствовав острую боль, Хоукмун сжал зубы, но боль становилась все нестерпимее, и он чуть было не застонал. Наконец одно из звеньев со звоном отскочило и упало на дно фургона, и боль сразу отпустила. Правая рука была свободна. Он вытер пот со лба и едва не вскрикнул, задев ожог.

– Быстрее, – шепнул д'Аверк. – Оттяните рукой эту цепь. Теперь будет легче.

Сбросив цепи, Хоукмун помог д'Аверку освободить Иссельду и Оладана. Заканчивая работу, д'Аверк заметно нервничал.

– Здесь неподалеку ваши мечи и кони, а также новые маски, – сказал он. – Ступайте за мной. Поторопитесь – с минуты на минуту вернется барон Мелиадус.

В темноте они пробрались к своим коням, надели шлемы, пристегнули к поясу мечи и уселись в седла.

Внезапно послышался конский топот – по дороге на холм поднимались несколько десятков всадников. Затем раздались возгласы изумления и яростный рев – Мелиадус и его свита узнали о бегстве пленников.

– Поехали! – прошипел д'Аверк. – В Камарг! Кони бешеным галопом понесли их туда, где шел бой.

– Дорогу! – кричал д'Аверк. – Дорогу резервному отряду! Солдаты разбежались по сторонам, осыпая проклятиями четырех всадников, несущихся по лагерю во весь опор.

– Дорогу! Пропустите герольдов командующего! – повернув голову к Хоукмуну, он пояснил: – Неинтересно повторять одно и то же, – прищипорив коня, снова заорал во весь голос: – В лагере чума! Пропустите врачей!

Позади стучали копыта и вопили всадники. Впереди шел бой, но уже не такой яростный, как прежде.

– Дорогу! – ревел д'Аверк. – Дорогу барону Мелиадусу!

Кони перепрыгивали через головы людей, огибали боевые машины, неслись под огнем к башням Камарга. Вскоре беглецы достигли поля боя и поскакали вперед по трупам, оставив позади главные силы гранбретанцев.

– Поднимите маски! – крикнул д'Аверк. – Если камаргцы не узнают Хоукмуна или Иссельду, они изжарят нас заживо...

В этот миг из темноты ударил огнем. Его луч едва не задел д'Аверка. Следующий луч попал в отряд Мелиадуса. Хоукмун судорожно дергал ремешки шлема. Стащив, наконец, шлем с головы, он швырнул его на дорогу.

– Стойте! – кричал им вслед Мелиадус. – Вас убьют свои же! Стойте, глупцы!

Впереди засверкали вспышки: навстречу всадникам, разгоняя мрак, потянулось множество огненных лучей. Д'Аверк опустил голову к лошадиной шее, Иссельда и Оладан тоже пригнулись, но Хоукмун выхватил меч и, размахивая им, закричал:

– Воины Камарга! Это я, Хоукмун! Я вернулся!

В них по-прежнему стреляли, но башни были уже близко. Д'Аверк выпрямился в седле.

– Камаргцы! С нами Хоукмун, он...

В этот миг по нему хлестнуло пламенем. Вскрикнув, француз покачнулся и упал бы, не подхвати его Хоукмун. Доспехи д'Аверка были раскалены докрасна, а кое-где даже расплавились, но француз был еще жив. С губ, мгновенно покрывшихся волдырями, сорвался тихий смех:

– Как все-таки с моей стороны неосторожно было, герцог, связать с вами судьбу...

Оладан и Иссельда остановились и обернулись; напуганные кони гарцевали под ними. Барон Мелиадус и его свита быстро приближались.

– Оладан, возьми его поводья, – велел Хоукмун другу. – Я буду его поддерживать. Надо поближе подобраться к башне.

Снова к ним метнулось пламя, на этот раз со стороны гранбретанцев.

– Хоукмун, остановись!

Хоукмун пришпорил коня и поскакал дальше, поддерживая д'Аверка. Кругом бушевала огненная смерть.

Когда из самой высокой башни ударил широкий луч, он закричал:

– Воины Камарга! Это я, Хоукмун! Со мной Иссельда, дочь графа Брасса!

Луч угас. Воины Мелиадуса были уже совсем близко. Иссельда покачнулась в седле – она была на грани обморока от усталости. Хоукмун повернул коня навстречу Мелиадусу и его Волкам.

Но тут со стороны башен показалось несколько десятков гвардейцев-латников на белых рогатых конях. Спустившись с холма, они окружили беглецов.

Один из них всмотрелся в лицо Хоукмуна, и его глаза радостно заблестели.

– Это же милорд Хоукмун! И с ним леди Иссельда! Ну, теперь удача нам улыбнется!

Воины Мелиадуса остановились невдалеке. Помедлив, они повернули коней и исчезли во тьме.

В замок графа Брасса беглецы приехали утром, когда на озера с топкими берегами падали бледные солнечные лучи. Дикие буйволы на водопое поднимали головы и провожали их долгими взглядами. Дул сильный ветер, и по камышу, как по водной глади, бежали волны. В садах, на склоне холма, что высился над городом, зрел виноград и другие фрукты. На вершине холма стоял замок графа Брасса – прочная старая крепость, похоже, ничуть не пострадавшая от войн, бушевавших на границах провинции. Они поднялись по петляющей белой дороге во двор замка, где их встретили обрадованные слуги. Им помогли спешиться и пригласили в зал, обильно украшенный трофеями графа Брасса. В зале царили необычный холод и тишина. У камина в одиночестве стоял мудрый сэр Ноблио, поэт и философ.

Он улыбался, но в глазах его застыл страх, а лицо с тех пор, как Хоукмун видел его в последний раз, очень постарело и осунулось. Ноблио обнял Иссельду и пожал руку Хоукмуну.

– Как здоровье графа Брасса? – спросил Хоукмун.

– Рана зажила, но он утратил волю к жизни, – Ноблио жестом велел слугам поднять д'Аверка. – Перенесите его в северную башню. Скоро я туда приду. Пойдемте, – сказал он Хоукмуну и Иссельде. – Сами увидите...

Оладан остался с д'Аверком, а герцог Кельнский и девушка

поднялись по выщербленным каменным ступеням в покои графа Брасса. Ноблио отворил дверь, и они вошли в опочивальню.

Там стояла простая солдатская койка – широкая, квадратная, с обычными простынями и плоскими подушками. На подушках покоилась огромная голова, словно отлитая из металла. С того дня, как Хоукмун расстался с графом, в рыжих волосах Брасса почти не прибавилось седины, а лицо, покрытое бронзовым загаром, не стало бледней. Высокий выпуклый лоб по-прежнему казался каменным выступом над пещерами, скрывавшими сияющие золотисто-карие глаза. Но взгляд этих немигающих глаз был прикован к потолку, а плотно сжатые губы не шевелились.

– Граф Брасс, – прошептал Ноблио, – смотрите... Казалось, гигант не услышал его. Взгляд графа по-прежнему был устремлен в потолок. Склонившись над ним, Хоукмун произнес:

– Граф Брасс, к вам вернулась дочь. И я, Дориан Хоукмун, тоже.

Губы разжались, и Хоукмун услышал громкий шепот:

– Снова видения... Ноблио, я думал, лихорадка прошла...

– Так оно и есть, граф. Это не призраки.

Взгляд золотисто-карих глаз обратился на Хоукмуна и Иссельду:

– Дети мои! Наконец-то я умер и встретился с вами...

– Вы живы, граф, – возразил Хоукмун. Иссельда нагнулась и поцеловала графа в губы:

– Ты чувствуешь, отец? Самый обычный, земной поцелуй. Прямая линия сомкнутых губ постепенно превратилась в широкую улыбку. Граф пошевелился, затем резко сел.

– Это правда! Какой же я глупец, что потерял надежду, – он засмеялся.

Его чудесное исцеление вызвало изумленный возглас Ноблио:

– Граф, я не верю своим глазам! Мне казалось, вы на пороге смерти!

– Так и было, старина... Но теперь, как видишь, я отошел от этого порога. Ну, что скажете, Хоукмун?

– Плохо, граф. Но теперь мы снова вместе, и удача, надеюсь, будет с нами.

– Ноблио, вели-ка принести мои доспехи и меч.

– Но, граф, вам нужно набраться сил...

– Верно. Так прикажи принести еды, и побольше. Подкреплюсь за беседой, – встав с кровати, он обнял дочь и ее жениха.

За едой Хоукмун рассказал графу обо всех испытаниях, выпавших на его долю с тех пор, как он покинул гостеприимный замок. В свою очередь, граф рассказал о своих неудачах в войне с

Империей Мракаа, о гибели старика фон Виллаха, уложившего в своем последнем бою два десятка гранбретанцев. Рассказал он и том, как сам получил рану и совершенно пал духом, узнав об исчезновении Иссельды.

Потом Хоукмун представил Оладана, спустившегося к тому времени в зал. Маленький зверочеловек сообщил, что рана д'Аверка тяжела, но Ноблиу полагает, что француз выживет.

Единственное, что омрачало радость возвращения, – это сражение на границе Камарга, где гвардейцы и ополченцы вели почти безнадежный бой с многократно превосходящим их врагом.

Облачась в медные доспехи и пристегнув к поясу огромный двуручный меч, граф Брасс сказал:

– Дориан и сэр Оладан, нам пора ехать. Сейчас мы должны быть на поле боя и вести наших воинов к победе.

Ноблиу вздохнул:

– Еще два часа назад мне казалось, что вы при смерти... А сейчас вы стремитесь в бой. Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

– Дружище, я хворал не телом, а душой, но теперь она исцелена, – раскатился под сводами зала громоподобный голос графа. – Коней! Сэр Ноблиу, прикажите оседлать коней!

Выйдя следом за стариком во двор, Хоукмун чувствовал, что к нему возвращаются силы. Послав Иссельде воздушный поцелуй, он вскочил в седло и прищиприл коня.

Они мчались по тайным болотным тропкам, пугая диких рогатых коней и гигантских фламинго. Придержав на миг коня, граф Брасс обвел вокруг себя рукой в латной рукавице:

– Разве эта страна не стоит того, чтобы пожертвовать всем, что имеешь? Даже жизнью?

Вскоре они слышали шум сражения и поскакали быстрее, спеша на помощь своим войскам. Но увидев, что произошло самое страшное, они натянули поводья.

– Этого не может быть! – глухо произнес граф Брасс.

Но это случилось. Башни рухнули. Каждая превратилась в груды дымящихся камней. Воодушевленные их падением, воины Империи Мрака с ревом шли в атаку, тесня уцелевших защитников.

– Это – падение Камарга! – сказал граф старческим голосом.

ГЛАВА 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЫЦАРЯ

К ним торопливо подъехал один из капитанов. Доспехи его были измяты, меч сломан, но лицо сияло от счастья.

– Граф Брасс, наконец-то. Поедем скорее, сударь. Нужно построить людей. Мы дадим достойный отпор этим псам.

Граф, через силу улыбнувшись, извлек из ножен огромный меч:

– Конечно, капитан. Постарайтесь отыскать герольда, а еще лучше – двух. Пусть известят всех, что граф Брасс вернулся.

Камаргцы закричали от восторга, увидев своего вождя и Хоукмуна. Воодушевление оказалось столь сильным, что им даже удалось местами оттеснить противника. Граф, Хоукмун и Оладан возглавили войско, которое вновь сделалось несокрушимым с возвращением полководца.

– Дорогу, парни! – воскликнул граф. – Дайте же мне добраться до врага!

Он выхватил у всадника-знаменосца свой потрепанный штандарт, упер древко в бедро и, размахивая мечом, ринулся в гущу звериных масок.

Двое всадников врубились в плотные ряды гранбретанцев. На одном из них были сверкающие медные доспехи; у другого – тускло блестел камень во лбу. Вражеским пехотинцам они казались ожившими героями мифов, а когда к двум всадникам присоединился третий – маленький человек с лицом, покрытым шерстью, со сверкающей, как молния, саблей – ошеломленные воины Империи Мрака дрогнули и попятились.

Дав себе зарок на сей раз во что бы то ни стало убить барона Мелиадуса, Хоукмун высматривал его среди врагов, но не находил. К нему тянулись руки воинов, пытаясь стащить его с коня, но меч Хоукмуна вонзался в глазные щели, разрубал шлемы и сносил головы с плеч.

Близился вечер, а битва не утихала. Хоукмун едва держался в седле от усталости и потери крови, сочившейся из десятка порезов. Толпа вражеских воинов была настолько плотной, что конь, убитый под Хоукмуном, не падал добрых полчаса.

Сколько врагов убил он сам, а сколько – защитники Камарга, герцог Кельнский не знал. Гранбретанцы во много раз превосходили их числом и вооружением. Они медленно, но упорно теснили камаргцев.

– Эх, нам бы несколько свежих сотен пехоты – и мы бы

победили! О Рунный Посох, нам нужна помощь!

Он вздрогнул, осознав, что невольно обратился за помощью к Рунному Посоху. Красный Амулет, висевший у него на шее, вдруг засветился, бросая алые лучи на доспехи врагов. Хоукмун засмеялся, чувствуя необычайный прилив сил, и принялся с фантастической быстротой рубить гранбретанцев. Вскоре у него сломался меч, но Хоукмун вырвал пику у налетевшего на него всадника, самого всадника сбил с седла и, размахивая пикой как мечом, вскочил на коня и ринулся в атаку.

– Хоукмун! Хоукмун! – разносился над полем древний боевой клич герцогов Кельнских. – Эге-гей! Оладан, граф Брасс, я иду к вам! – он направил коня к своим друзьям, прорубая дорогу сквозь толпу воинов в звериных масках.

Граф Брасс все еще держал в руке трепещущий на ветру штандарт.

– Гоните этих псов! – крикнул ему Хоукмун. – Тесните их к границе!

Он носился по всему полю сражения, словно гибельный смерч. Он прорубался сквозь ряды врагов, оставляя позади только трупы.

Дрогнув, гранбретанцы попятились, а некоторые обратились в бегство. И тогда на поле боя появился барон Мелиадус.

– Назад! – закричал он бегущим. – Назад, трусы! От кого вы бежите? Ведь их совсем мало!

Но прилив уже окончательно превратился в отлив, и толпа охваченных паникой солдат понесла прочь своего полководца.

А за ними скакал бледный воин, и во лбу его сверкал Черный Камень, а на шее сиял Красный Амулет. Поднимая коня на дыбы, он выкрикивал имя мертвого Хоукмуна, и сам он был мертвым Дорианом Хоукмуном, который почти разгромил гранбретанцев при Кельне, бросил вызов самому королю-императору и едва не убил в бою барона Мелиадуса. Хоукмун! Единственное имя, которое наводило ужас на воинов Империи Мрака...

– Хоукмун! Хоукмун! – воин поднял меч над головой, и его конь снова взвился на дыбы. – Хоукмун!

Герцог Кельнский, которому Красный Амулет дал силу исполина, с безумным хохотом преследовал своих врагов. За ним мчались грозный граф Брасс, в блестящих медных латах, и Оладан, улыбающийся сквозь густую шерсть, размахивающий окровавленной саблей, а за ними шагали торжествующие воины Камарга – горстка храбрецов, смеющихся вслед обращенной в бегство могучей армии.

Хоукмун почувствовал, что сила амулета угасает. Возвращались боль и усталость, но теперь, когда враг был

отогнан за разрушенные башни, это не имело значения.

Оладан рассмеялся:

– Герцог Дориан, мы победили!

– Победили, но не окончательно, – возразил граф Брасс, нахмурясь. – Надо отступить, перестроить войска, найти удобные позиции. В открытом поле нам их не разбить.

– Вы правы, – кивнул Хоукмун. – Башни разрушены, и нам нужны другие укрепления. Насколько мне известно, в Камарге осталась лишь одна надежная твердыня... – Он выжидающе смотрел графу в глаза.

– Да, мой замок, – подтвердил граф Брасс. – Надо оповестить жителей всех городов и сел, чтобы перебирались со скарбом и припасами в Эгморт, под защиту замка...

– Но удастся ли нам выдержать долгую осаду? – спросил Хоукмун.

– Посмотрим, – задумчиво произнес граф, глядя на остановившихся вдали гранбретанцев, которые строились заново. – Но нельзя же обрекать жителей на верную смерть...

Со слезами на глазах он повернул коня и направился в замок.

С балкона восточной башни Хоукмун смотрел, как жители Камарга стекаются в старый город Эгморт. Многие из них устраивались в амфитеатре на краю города. Солдаты приносили туда провиант и помогали крестьянам разгружать повозки. Хоукмун молился, чтобы не случилось чумы или паники, потому что поддерживать порядок в такой огромной толпе было почти невозможно.

Оладан вышел к нему на балкон и показал на северо-восток.

– Смотрите, летающие машины, – сказал он.

Хоукмун разглядел на горизонте зловещие очертания гранбретанских орнитоптеров – верный признак того, что с той стороны надвигается армия Империи Мрака.

С наступлением темноты они увидели на подступах к городу бивачные костры.

– Завтра – наш последний бой, – сказал Хоукмун.

Они спустились в зал, где беседовали Ноблио и граф Брасс. Стол был уже накрыт – как всегда, с роскошью. Собеседники обернулись навстречу Хоукмуну и Оладану.

– Как себя чувствует д'Аверк? – спросил герцог Кельнский.

– Ему лучше. У него необычайно крепкий организм. Он уже изъявил желание поехать, и я разрешил.

В зал вошла Иссельда.

– Я говорила с женщинами, – сказала она. – По их словам, весь народ уже в городе. Если забить скот, нам хватит провизии на целый год...

Граф Брасс грустно улыбнулся:

– Так долго осада не продлится. А как боевой дух людей?

– На высоте. Их очень ободрила весть о том, что вы оба живы.

И вчерашняя победа тоже.

Граф вздохнул:

– К счастью, они не знают, что завтра всем нам предстоит умереть. А если не завтра, то послезавтра. Против такого огромного войска нам долго не продержаться. Мы потеряли много фламिंगо и остались почти без прикрытия с воздуха. Погибло большинство гвардейцев, а оставшиеся войска плохо обучены. Ноблио вздохнул:

– А мы-то думали, что Камарг непобедим...

– Вы слишком рано убедили себя в обратном, – послышался голос с лестницы. В зал, хромая, спустился бледный д'Аверк, одетый в просторный желтовато-коричневый халат. – С таким настроением сражений не выигрывают. Постарайтесь не говорить о поражении.

– Вы правы, сэр Гьюлам, – граф Брасс заставил себя улыбнуться. – Не будем говорить о поражении, лучше отведаем этих великолепных яств, ведь нам нужно набраться сил для завтрашней битвы.

– Вам легче? – спросил Хоукмун д'Аверка, усевшись за стол.

– Намного, – бодро ответил француз, – но слегка подкрепиться, я думаю, не мешает. – И он положил себе на тарелку огромную порцию жаркого.

За ужином все молчали, смакуя еду столь сосредоточенно, словно эта трапеза была последней в их жизни.

Утром, выглянув в окно, Хоукмун увидел на болотах великое множество воинов. Ночью войска Империи Мрака бесшумно подошли к стенам города и теперь готовились к штурму.

Хоукмун поспешно вооружился и спустился в зал, где увидел д'Аверка в латных доспехах, Оладана, точащего меч, и графа Брасса, беседующего с двумя оставшимися в живых капитанами.

– Дориан... – произнесла за спиной у Хоукмуна Иссельда. Он повернулся и бегом поднялся на площадку лестницы, где стояла его невеста. – Дориан, давай поженимся, прежде чем...

– Да, – тихо сказал он. – Надо найти Ноблио.

Они нашли философа в его покоях. Ноблио читал книгу. Оторвавшись от нее, он улыбнулся, а услышав, чего от него хотят, отложил книгу и встал.

– Я надеялся, что церемония бракосочетания будет торжественной и пышной, – сказал он, – но ничего не поделаешь...

Он велел молодым соединить руки и опуститься на колени.

Потом попросил произнести вслед за ним слова поэтической клятвы его собственного сочинения; клятвы, которая звучала на всех свадьбах с тех пор, как Ноблио и его друг граф поселились в замке Брасс.

Когда церемония завершилась, Хоукмун встал, поцеловал Иссельду и сказал:

– Ноблио, позаботьтесь о ней.

Покинув гостиную философа, он спустился во двор замка, где его друзья садились на коней.

Внезапно на них упала огромная тень. Над головами стрекотала и лязгала металлическая птица – гранбританский орнитоптер. С неба в мостовую, едва не задев Хоукмуна, ударил яркий луч. Испуганный выстрелом конь герцога взвился на дыбы, раздувая ноздри и выпучив глаза.

Граф Брасс вскинул огнемет и нажал на спуск. К летающей машине метнулось красное пламя. Раздался пронзительный крик пилота, и крылья орнитоптера замерли. Машина заскользила вниз, исчезла за стеной замка и вскоре с грохотом разбилась на склоне холма.

– Надо поставить в башнях стрелков с огнеметами, – заметил граф Брасс. – С башен удобнее отстреливаться от орнитоптеров. Вперед, господа.

Спускаясь по склону холма в город, они видели, как на городские стены хлынула огромная человеческая волна. Воины Камарга отчаянно пытались ее остановить.

Похожие на уродливых металлических птиц, кружили над городом орнитоптеры, поливая улицы огнем: крики защитников города, вопли атакующих, треск выстрелов и лязг металла слились в невообразимую какофонию. Над Эгмортом клубился черный дым горящих домов.

Хоукмун пробирался сквозь толпу перепуганных женщин и детей, спеша на помощь защитникам города. Он потерял из виду графа Брасса, д'Аверка и Оладана, но знал, что они уже вступили в бой.

В стороне слышались крики отчаяния и торжествующий рев, и Хоукмун, повернув коня, увидел в стене брешь, через которую в город врывались солдаты в волчьих и медвежьих масках.

Столкнувшись с Хоукмуном, они попятнулись, вспомнив о его подвигах в предыдущих сражениях. Пользуясь их замешательством, он выкрикнул свой боевой клич: «Хоукмун! Хоукмун!» и бросился на них с мечом, разрубая металл, плоть и кость, тесня врагов к пролому в стене.

Защитники города сражались весь день. Их число

стремительно уменьшалось, и хотя в сумерках войска Империи Мрака отступили, Хоукмун и все его соратники понимали, что завтрашний бой станет для них последним.

Спотыкаясь от усталости, Хоукмун и его друзья поднимались в замок по извилистой дороге, ведя коней в поводу. На сердце у них было тяжело – завтра им всем придется погибнуть вместе с уцелевшими защитниками провинции и ни в чем не повинными жителями. Если, конечно, им, посчастливится пасть в бою.

Внезапно они услышали топот скачущего галопом коня и обнажили мечи. По склону холма к замку поднимался рослый всадник в высоком шлеме, полностью скрывающем лицо, и в доспехах из золота и черного янтаря.

Хоукмун сжал кулаки:

– Чего от нас хочет этот предатель и вор?! – воскликнул он. Подъехав к ним, Рыцарь-в-Черном-и-Золотом остановил своего огромного скакуна. Из-под забрала зазвучал знакомый гулкий голос:

– Приветствую вас, защитники Камарга. Вижу, сегодня у вас был тяжелый день. Завтра барон Мелиадус разобьет вас.

Хоукмун вытер лоб платком:

– Незачем утверждать очевидное, Рыцарь. Что ты решил украсть на этот раз?

– Ничего, – ответил Рыцарь. – Я хочу кое-что вернуть. – Он протянул Хоукмуну его невесть откуда взявшуюся, давно потерянную потертую седельную сумку.

Хоукмун тут же бросился к нему, выхватил сумку и поспешно расстегнул. В ней, завернутая в лоскут материи, лежала машина, подаренная ему когда-то Риналом. Развернув лоскут, Хоукмун убедился, что машина в целости и сохранности.

– Зачем же ты ее унес? – спросил он.

– Я все объясню, когда мы приедем в замок графа Брасса, – пообещал Рыцарь.

Рыцарь стоял у камина, остальные сидели вокруг и слушали.

– В замке Безумного Бога я решил расстаться с вами, поскольку знал, что вскоре вы окажетесь в безопасности. Но я знал также, что впереди вас ждет немало испытаний, в том числе, возможно, и плен. Поэтому я решил взять подарок Ринала и вернуть его вам в Камарге.

– А я-то считал тебя вором! – вздохнул Хоукмун. – Извини, Рыцарь.

– Что это за странный предмет? – поинтересовался граф Брасс.

– Это старинная машина, – ответил Рыцарь, – созданная великими учеными одного из самых мудрых народов, когда-либо

обитавших на этой земле.

– Оружие? – поинтересовался граф.

– Нет. Это устройство, способное перемещать в другое пространство и время огромные территории. Но перемещенный участок обязательно вернется обратно, если с машиной что-нибудь случится.

– А как она действует? – спросил Хоукмун, поймав себя на мысли, что он этого не знает.

– Это очень трудно объяснить – вам наверняка не знакомы многие понятия и термины, которые мне пришлось бы употребить. Но Ринал научил меня обращаться с этой машиной.

– Но зачем? – удивился д'Аверк. – Чтобы отправить барона и его воинство в какую-нибудь преисподнюю, откуда им вовек не выбраться?

– Нет, – сказал Рыцарь. – Я объясню...

В этот момент распахнулась дверь, и в зал вошел израненный солдат.

– Хозяин! – обратился он к графу Брассу. – Там у стены барон Мелиадус с флагом парламентаря. Он предлагает вам выйти на переговоры.

– Мне не о чем с ним говорить, – ответил граф.

– Он сказал, что его армия готова к ночному штурму. Теперь у него много свежих войск, и он возьмет город меньше чем за час. Он предлагает вам сдаться вместе с дочерью, Хоукмуном и д'Аверком и обещает взамен пощадить всех остальных.

Граф задумался было, но Хоукмун вмешался:

– Идти на такую сделку бессмысленно. Уж кто-кто, а вы знаете, что Мелиадус – лжец и негодяй. Он хочет посеять сомнения в сердцах защитников города.

Граф Брасс тяжело вздохнул:

– Но если он не солгал насчет ночного штурма, то скоро все мы погибнем.

– Погибнем – но с честью, – возразил д'Аверк.

– Да, – ответил граф с грустной улыбкой. – С честью. – Он повернулся к солдату: – Скажи барону, что переговоры не состоятся.

Воин поклонился.

– Скажу, милорд, – он удалился.

– Пожалуй, надо вернуться в город, – сказал граф Брасс, поднимаясь.

– Отец! Дориан! Вы живы! – воскликнула вошедшая в зал Иссельда.

Хоукмун обнял ее:

– Да, милая, но сейчас нам необходимо вернуться. Мелиадус

готов возобновить штурм.

– Погодите, – остановил их Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. – Я еще не поделился с вами своим замыслом.

ГЛАВА 12

БЕГСТВО В ПРЕИСПОДНЮЮ

Выслушав ответ графа, барон Мелиадус усмехнулся.

– Ну что ж, – бросил он приближенным. – Тогда передайте мой приказ войску: город стереть с лица земли, не щадить никого. Впрочем, пусть возьмут немного пленных, чтобы нам не скучать, пока будем праздновать победу.

С этими словами он двинулся к свежим частям, ожидающим приказа к наступлению.

– Вперед, – выкрикнул он команду, и полки двинулись к обреченному городу.

На городских стенах полыхали костры, и рядом стояли воины, которые сознавали, что очень скоро их ждет гибель. Барон залюбовался прекрасным замком, который некогда надежно защищал Эг-морт, а теперь был обречен на разрушение, и засмеялся при мысли о том, что наконец-то сможет отомстить за свое позорное бегство из этих стен.

Первые из пехотинцев уже достигли стен города, и барон направил коня вперед, чтобы понаблюдать за сражением. Внезапно он остановил коня.

«Что за мерцание? – удивленно подумал он, нахмурясь. – Почему дрожат стены замка?»

Подняв маску, он потер глаза.

Замок Брасс и стены Эгморта излучали розовое сияние, сменившееся вскоре красным, а потом – пурпурным. У барона закружилась голова. «Уж не схожу ли я с ума?» – с тревогой подумал он, облизывая пересохшие губы.

Наступающие войска замерли. Солдаты зароптали и кое-где попятились. Город, замок и склон холма испускали уже не багровые, а ярко-голубые лучи. Вскоре свет стал угасать, и вместе с ним таяли очертания замка Брасс и Эгморта. Внезапно налетел ужасающей силы ветер, едва не опрокинувший барона Мелиадуса вместе с конем.

– Стойте! – закричал он. – Что происходит?

– Город... город и замок исчезли, милорд, – услышал он чей-то испуганный голос.

– Исчезли? Этого не может быть! Куда мог исчезнуть целый город вместе с холмом? Они все еще там! Эти прохвосты окружили себя какой-то завесой!

Барон Мелиадус помчался вперед, туда, где только что высились городские стены. Он ожидал столкновения с невидимой

преградой, но не встретил ее. От города осталась только изрытая глина, в которой вязли копыта коня.

– Сбежали! – взвыл барон. – Но как им это удалось? Кто им помог? Кто способен творить такие чудеса?

Солдаты отступали. Многие из них бежали. Но барон шел вперед, вытянув руки, пытаясь нащупать стены исчезнувшего города. Потом, рыдая в бессильной ярости, он упал на колени в грязь и закричал, потрясая кулаком:

– Хоукмун, я найду тебя! Я призову на помощь всю гранбретанскую науку! Клянусь Рунным Посохом, куда бы ты ни спрятался, я найду тебя и отомщу!

Поднявшись на ноги, барон Мелиадус огляделся в поисках коня.

– О, Хоукмун! – процедил он сквозь зубы. – О, Хоукмун! Я до тебя доберусь!

Послышался конский топот, мимо барона промелькнула призрачная фигура всадника в доспехах из золота и черного янтаря. Вскоре всадник исчез, но в ушах барона еще долго звучал его презрительный смех.

Барон снова поклялся Рунным Посохом, как в то злосчастное утро два года назад. Прежняя клятва дала начало новому витку истории, а нынешняя еще крепче связала самого барона и Хоукмуна с неведомым им обоим предназначением.

Барон Мелиадус поймал своего коня и направился в лагерь, твердо решив как можно скорее вернуться в Гранбретанию и посетить лаборатории Ордена Змеи. «Куда бы ни исчез замок Brass, рано или поздно я найду в него дорогу», – пообещал он себе.

Иссельда зачарованно глядела в окно. Улыбаясь, Хоукмун прижимал ее к себе.

Позади них граф Brass кашлянул и произнес:

– Дети мои, честно сказать, меня это немного сбilo с толку. Я ровным счетом ничего не понял из объяснений Рыцаря. Куда мы попали?

– В какой-нибудь другой Камарг, отец, – ответила Иссельда. За окном клубился туман. В нем невозможно было разглядеть что-либо, кроме смутных очертаний города.

– Он обещал, что мы привыкнем к этому месту, – произнес Хоукмун. – Наверное, этот Камарг вполне реален. Надо выйти, осмотреться.

– Пожалуй, я пока останусь в городе, – подал голос д'Аверк.

– А ты что скажешь, Оладан?

Зверочеловек ухмыльнулся:

– Ты прав. Надо малость пообвыкнуться.

– Я тоже останусь с вами, – сказал граф Брасс. Он рассмеялся:
– Значит, больше нам нечего опасаться? Народ спасен?
– Да, – задумчиво сказал Ноблио. – Но не следует недооценивать ученых Гранбретании. Если существует возможность проникнуть сюда, они ее не упустят.

– Вы правы, Ноблио, – кивнул Хоукмун. Показывая на подарок Ринала, который лежал на обеденном столе в лучах льющегося через окна необыкновенного голубого света, он сказал:
– Надо хранить эту вещь, как зеницу ока. Помните, Рыцарь говорил: если с ней что-нибудь случится, мы вернемся в прежнее время и пространство.

Бережно приподняв устройство, Ноблио пообещал, что позаботится о нем как следует, а когда он ушел, Хоукмун, задумчиво нащупав Красный Амулет, вновь отвернулся к окну.

– Рыцарь обещал, что вернется и скажет, что мне делать дальше, – проронил он. – Теперь у меня уже нет сомнений в том, что я служу Рунному Посоху. Рано или поздно я вынужден буду оставить замок Брасс и вернуться в реальный мир. Не забывай об этом, Иссельда.

Но его возлюбленная лишь покачала головой:

– Не стоит говорить об этом сейчас. Лучше подумаем, как нам отпраздновать свадьбу.

– Ты совершенно права, – улыбнулся он.

И все же Хоукмуна по-прежнему терзала мысль, что где-то совсем рядом, отделенный таинственным барьером, находится мир, которому по-прежнему угрожает Империя Мрака. Герцог Кельнский не сомневался, что в скором времени ему вновь придется дать бой кровожадным полчищам Гранбретании. Однако не сейчас. Пока он еще мог, окруженный друзьями, наслаждаться счастьем и покоем в объятиях возлюбленной.

Он заслужил эту передышку.